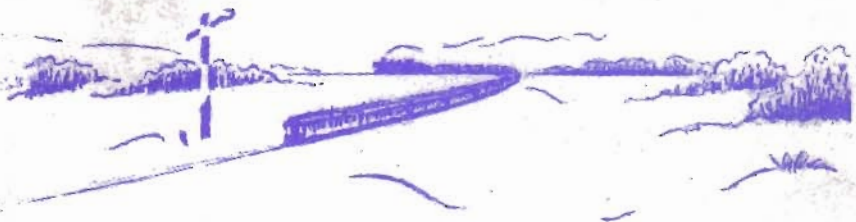

В. Устьянцев

ЭХО
Далеких лет

*Когда я заметил, что время прошло,
Оно показалось огромным,
Как туча, которую вкось отнесло...*

В. Соколов
Поэтический сборник "Посещение"

Виктор Устьянцев

Эхо далеких лет

*Повесть
в двух частях*

*Сотворена для публикации
в журнале "Белое
и черное"*

19.02.08 в г. Белово

г. Белово 2004 г.

Автор выражает благодарность за содействие в издании повести главе администрации г. Белово Панову Евгению Александровичу, а также коллективу Управления культуры и кино.

ГЛАВНОЕ - ПЕРВОРОДНОСТЬ

После прочтения рукописи Виктора Устьянцева «Эхо далёких лет» мною овладели странные, далеко не однозначные чувства.

С одной стороны, я проникся глубоким сочувствием к главному герою повествования - подростку Сергею Деревцову, которого нелёгкая жизнь, судьба-рок провели через множество испытаний и не сломили его хрупкую, ранимую душу. В конце концов мальчишке с рабочей окраины удалось вырваться на прямую дорогу, и в перспективе, как свет в конце туннеля, видится его более или менее светлое будущее с огоньками надежды на большую и честную жизнь. Появляется вера, что жизненными обстоятельствам не удастся искалечить судьбу этого, ещё совсем юного существа, итак перенёсшего множество больших и малых испытаний, которые подготовили его к любым ударам и превратностям.

С другой стороны, настораживала некая типичность и обычность жизни Серёжки Деревцова, которая может попросту оттолкнуть читателя, которому теперь подавай что-нибудь такое-эдакое. Ведь нынешняя жизнь, да и подростковая литература приучили его к приключенческим жанрам, зачастую в самом неприглядном их звучании, когда литератор менее всего думает о чистоте и сохранности души человеческой. И герои типа Гарри Поттера собирают огромные читательские и кинолюбительские аудитории, полностью овладевая интересами ещё неокрепшей мальчишес-

кой души, ведут неустойчивый разум по дорогам, на которых множество всяческих рытвин и ухабов, где можно не только пораниться, но и ушибиться до смерти. А это обстоятельство в той же, если не в большей мере, опасно и для литератора берущегося за перо.

Виктор Устьянцев - писатель начинающий, без крепкого художественного опыта, и ему легко было «сшагнуть» на такой же путь.

К счастью, ему удалось избежать этого, и на мой взгляд, он смог заинтересовать, к примеру меня, читающего, и убедить в ненужности своего задуманного литературного труда.

Не зря говорят, что любая человеческая жизнь - это готовая, но чаще всего ненаписанная книга. Мне, старому и, надеюсь, уже опытному литератору, выпустившему не один десяток поэтических книг, на многочисленных встречах с читателями не раз приходилось слышать вопрос и отвечать на него, почему я, к примеру, не пишу о жизни милиции или пожарников? «Не пишу, хотя бы потому, - отвечал я, - что я плохо или совсем плохо знаю эту жизнь, да и она, вообще-то, не очень интересна для меня». Такой, как я считаю, честный и исчерпывающий ответ не всегда убеждает вопрошающего. Я его понимаю, так как знаю по себе, как порой хочется «попасть в кадр», в интересное кино или в театр.

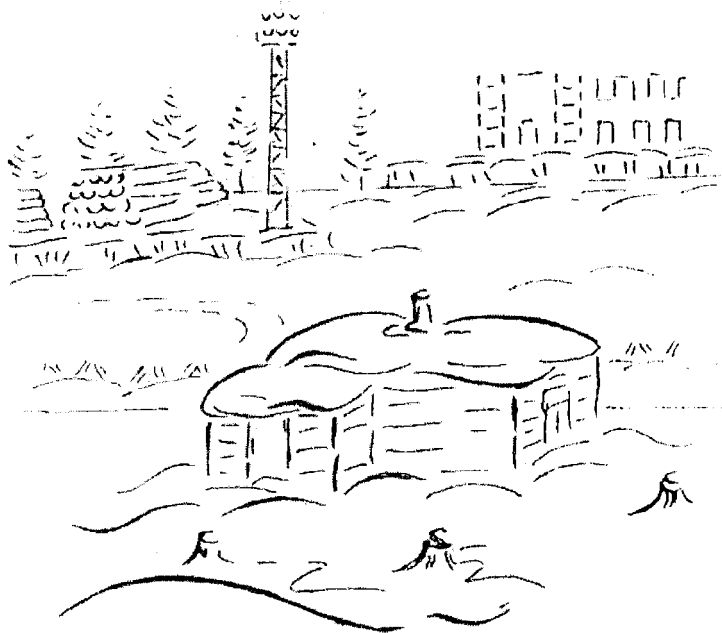
Виктор Устьянцев неплохо знает жизнь и пишет о ней незатейливо просто, без всяких излишних украшательств, пишет её такой какая есть. И это больше всего привлекает в повествовании.

Повесть «Эхо далёких лет» написана неровно.

Можно было многое в ней поправить, но мне почему-то не захотелось этого делать. Пусть она будет первородной, какая есть. Ведь именно в этом её сила и жизненность. И пусть читатель этой небольшой книжицы пройдет вместе с автором и её героем Серёжкой Деревцовым по его жизненным тропам, поверит в его чистую, ещё не замутненную душу, почувствует ему. И пусть это сочувствие будет взаимообогащающим. Я искренне верю в это и надеюсь на успех повести «Эхо далёких лет» у читателя.

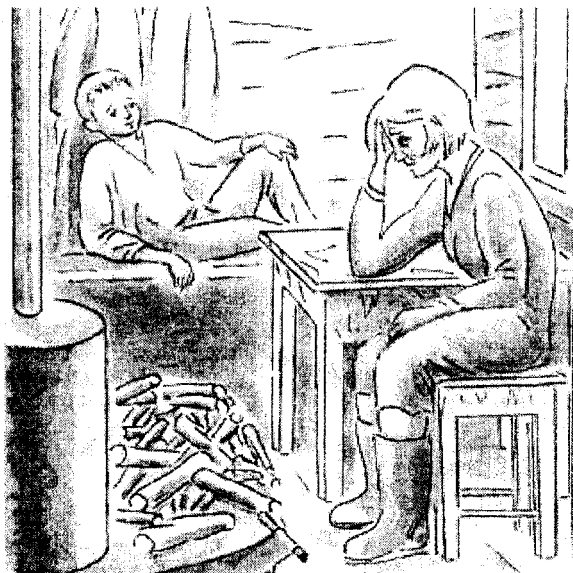
**Валентин Махалов,
Член Союза писателей России**

Часть первая

*Засынуха на
кустыре*

МАТЬ И СЫН

Избушка-засыпуха, построенная по осени отцом Серёжки Деревцова недалеко от дровяного склада, на огромном пустыре молодого, быстро растущего города, продувалась декабрьским ледяным, неистовым ветром чуть ли не насквозь.

Мать Серёжки, Анастасия Григорьевна, невысокая, ещё нестарая, но с изможденным лицом, и он, тринадцатилетний подросток /по виду лет

одиннадцати/, затаскивали из запорошенных снегом сенцев стальные с корнями пни и целыми днями пилили их, чтобы не переставая топить ненасытную печь - «буржуйку».

Ураганный ветер, несущийся, наверное, с Охотского моря, бушевал уже третьи сутки. Его шум и вой усиливался в избушке монотонным визгом пилы, а когда она замолкала, в цепких руках матери начинал ухать и звенеть топор - сыну эта часть работы была не под силу, хотя и он пытался её делать. Из всего оркестра разнообразных звуков самым весёлым, даже мелодичным, был голос «буржуйки» - пела она ветру в унисон, вместе с ним усиливая или снижая тона.

Третий день был воскресеньем и потому - самым неблагоприятным для Анастасии: нельзя было пойти ни на одно предприятие, чтобы попытаться устроиться на работу.

К вечеру этого дня, когда дров возле печки образовалась целая гора, уставшая женщина села на табурет, к столу у окна, а обессиленный подросток лег на топчан, придвинутый к стене влево от двери.

Третьи сутки они ничего не ели: ржаная мука, купленная Серёжкиным отцом в сентябре, уже кончилась; и хлебных карточек уже не было, а до новых - целых четыре дня.

«Дура я, дура, - говорила Анастасия не то сыну, не то самой себе, правой рукой облокотясь на стол и запустив пальцы в русые, коротко стриженные волосы, - надо было не уезжать из Ленинска. Землянка, огород, уголёк - все было. В столовой ремесленной хоть и мало платили, да сыты были - и сама и дети. Нет же, дьявол!.. сорвал с работы и меня, и дочь. Поехали на Дальний Восток!.. А что здесь хорошего?.. Лето было: то жара, а потом ливень с наводнением, зима - вон ветра какие. Климат - гнилой, ни к черту! Мог бы и в Сибири машинистом на паровоз устроиться. Привез нас, а сам укатил... Месяц, два, три... сколько он в командировке пробудет?..»

Серёжка молчал, лёжа на топчане. Он смотрел, как мать, после сетования на отца и местный климат, вновь переместилась к «буржуйке», в полу-

оборот к нему, и, присев на чурбак, больше не говоря ни слова, прикуривала от зажженной лучины оставшийся от вчерашней самокрутки «бычок». Табачный дым, когда она затягивалась, ел ей глаза. От этого казалось: она вот-вот заплачет.

Остро ощущая голод, Сережка в те минуты не думал о себе, даже о том, что бросил шестой класс: не в чем было ходить - ни обуви, ни одежды; да и пеньки, которые взрывали время от времени на пустыре, надо было приволочь и целыми днями пилить, чтобы не замёрзнуть в засыпке. Об этом он сейчас не думал...Ему жалко было мать.

Чуть не каждый день она рассказывала о своей судьбе.

Сейчас она молчала, но Серёжке казалось, что он вновь слышит голос матери:

«Рязанская я, из села Новосёлки. Отец пимокатом был и иконописцем, умер от холеры; он меня больше всех любил. У матери осталось нас трое - и все девки. Пришлось мне - я самой млад-

шей была - в двенадцать лет работать на торфопроизводствах: по болоту большие корзины с торфом таскала наравне со взрослыми. В школу ходила только две зимы. Мать мою - её Васеней звали - в гражданскую солдаты изнасиловали, в сумасшедший дом она из-за этого попала... Поехали в двадцать четвёртом на Урал, там я твоего отца и встретила; шестнадцать лет мне исполнилось, когда я замуж вышла; а у него, как потом оказалось, две жены ещё до меня было...»

Когда у матери от «бычка» осталось всего, наверное, на одну затяжку, Серёжка вдруг протянул руку.

- Мам! Дай курнуть.

Анастасия, повернувшись, грустно посмотрела на худое лицо сына.

- Курни разочек, может, есть не так будешь хотеть.

Серёжка, полусидя на топчане, глубоко втянул в лёгкие дым и - раскашлялся, в глазах потемнело; он даже не почувствовал боли от ожога, когда пальцы его смяли окурок.

- Что?.. Плохо?! - воскликнула мать. - Куряка...
Ах ты, господи!

Через несколько минут подростку стало легче. Ощущение голода никотин подавил, но наступила страшная слабость.

- Мам, давай не будем курить! - тихо, почти шёпотом, проговорил Серёжка и снова принял на топчане лежачее положение, повернувшись к стене и подтянув к пустому животу ноги...

Ветер продолжал бушевать, стуча, казалось, во все три окна с одинарными рамами, словно лопатами бросая в них снег.

В избушке было жарко и уже темно, освещивал только один бок «буржуйки». Анастасия ещё набила её до отказа поленьями; потом, накрыв уснувшего Серёжку старым лоскутным одеялом, раздевшись, легла на железную койку под простынь, ногами к печке.

Рисунок...

Гости...

О том рассказывала Анастасия

Ночью ветер наконец стих, и мать с сыном проспали до утра, не растапливая печь.

Часов в восемь - ещё было совсем темно - Анастасия наощупь нашла спички, зажгла на блюдце фитилёк, пропитанный растительным маслом, и оделась.

- Ты куда, мама? - спросил, не вставая с топчана, Серёжка.

- На кудыкину гору! Вот куда!.. Никогда не спрашивай «куда» - удачи не будет.

Потом, как будто извиняясь за резкость, сказала:

- Пойду, сынок, к дочке; она, как к военному убежала - устроилась на пекарню; может, вынесет хлебца или булочек ... Да зайду в отцово управление - если найду... денег попрошу - ведь должны же они на его семью хоть сколько-нибудь дать. Не умирать же нам с голоду...

Серёжка, как только ушла мать, растопил «буржуйку» и тогда уж загасил фитиль; а когда стало тепло и посветлели окна, чувствуя слабость, но голод ощущая не так остро, как в предыдущие дни, достал из некрашеного комода старые семейные фотографии. Выбрал одну, небольшую, размером в его ладонь, на который был отец; он стоял в кожаной фуражке, в осеннем пальто, в хромовых сапогах, с портфелем в левой руке и с папиросой - в правой. На снимке ему было лет двадцать пять, красив и по виду - интеллигентен.

Именно последнее - Серёжку и поражало: писанина отца (мать показывала его письма) не многим отличалась от ее каракуль. Да, он был одарён, хотя и необразован.

Подросток вспомнил один из рассказов матери об отце. Говорила она так:

«...Когда я вышла за него замуж, он был партийцем: ораторствовал на собраниях; разъезжал зимой на кошевке-зарплату доставлял по отдалённым предприятиям и коммунам района. Приходи-

лось бывать в таких переделках, что мог жизни лишиться.

Раз - я ехала с ним; нас обогнали на санях, и двое, соскочив, хотели остановить наших лошадей. Я кричу своему: «Стреляй! Стреляй!..» Он выстрелил в воздух, потом в налётчика... Они отстали...»

«Возможно, - думал Серёжка, - мать немного и присочиняла.» Слишком много было в её рассказах романтики. Но такой отец ему очень нравился.

Серёжка сначала хотел, когда он смотрел на фотографию, срисовать отца таким, какой был на снимке. Но лишь вспомнил рассказ матери, у него, возможно, как и у ней, разыгралась фантазия. Спрятав фотографию, он на клочке серой обёрточной бумаги, оставшейся от продуктов, получаемых на карточки, стал рисовать огрызком простого карандаша сцену: метель... в кошевке отец, в шубе, в одной руке у него портфель, в другой - наган. И он стреляет в бандитов, которые хотят остановить пару уже чуть ли не вздыбленных коней...

Часа через два, с учётом подбрасывания дров в «буржуйку», рисунок был готов. Серёжке казался он удачным, хотя стреляющий в бандитов, в шубе и с портфелем, стоял в кошеве спиной. Это мог быть его отец, но также и кто-то другой, добрый, и смелый.

Рисунок можно было назвать: «Нападение на инкассатора». Но Серёжка про них ничего не знал, даже слова такого не слышал.

* * *

Работа над рисунком утомила голодного подростка. Натолкав в прожорливую пасть «буржуйки» очередную порцию поленьев, он укрепил рисунок гвоздиками на двери, чтобы смотреть на него издали; и только хотел лечь на свой топчан, как раздалось несколько взрывов, потом ещё и ещё. Каждый раз избушка вздрагивала, отзывались стоном окна.

Серёжка не испугался: он знал - это подрывают пеньки. И всё же, из любопытства, в старых

отцовских сапогах и рваной телогрейке он быстро выглянул из сенцев.

Сквозь морозный пар ясного дня проступали: местами огромные волны сугробов, но в основном - почти голая земля с кустарниками и пнями, большое количество из которых было выворочено.

Не мог не заметить он и группу из человек пяти, низкорослых, с упрятанными в шарфы и тряпки носами. Это были военнопленные японцы. Занимались они, несмотря на мороз, взрывными работами по расчистке согры. Работавших охранял солдат в полушубке. Двое из группы, увидев открытую дверь жилища, попросились у охранника погреться в избушке. Тот разрешил.

Серёжка даже обрадовался незнакомцам, тем более, что таких вежливых людей, которые то и дело кланялись и улыбались, он никогда не видал.

Они, отогрев над «буржуйкой» руки, неспеша развязали шарфы. Один из них сносно выговаривал отдельные слова по-русски. Увидев Серёжкин рисунок, он заулыбался: «Карасо! Ви рисовал? Ху-

дожника будете». Они заварили чай, развернули свой обед. Ели молча, оглядывая неоштукатуренные стены и потолок. Уходя, оставили, положив на стол, почти четверть буханки чёрного-пречёрного хлеба, наверное, чутьём страдающих людей угадав, что мальчишка голодный.

* * *

Анастасия Григорьевна, очень расстроенная, вернулась в три часа дня.

- Гадина такая, называется дочь! - говорила она, чуть не плача. - Вышла из пекарни - подхватила под ручку своего хахаля, на мать даже не взглянула - мимо прошла. Вот и расти вас после этого!..

Серёжка не знал, что сказать, как её утешить.

- Мам, вот, смотри, хлеб.

Анастасия глянула и обрадовалась.

- Мам, это японцы дали.

- А ты не врешь? Ты не стянул у них?..

Наконец она стала рассказывать спокойнее, что была у отцова начальника, который на её просьбу

о помощи ответил: «Ваш муж уже два раза выпи- сывал аванс. Последний - недавно выслали. Так что нет у него заработанных денег»... « А когда, - продолжала Анастасия, - я сказала, что четвёртый день ничего с сыном в рот не брали, он смягчился и попросил главного бухгалтера выдать мне по за- явлению триста рублей. Я так его благодарила. Добрый начальник оказался. Велел завтра прийт- ти в вагоноремонтные мастерские - это недалеко от нас, с полкилометра по линии, что проходит у нас под окнами, - возьмут уборщицей».

Только совершенно успокоившись, Анастасия обратила внимание на рисунок сына, прикреплен- ный к двери. «Ты в деда Григория, моего отца, пошел, - проговорила она, - иконописцем он был. Тогда иконы ценили, народ в Бога и Святых верил. И я вот одну храню. Деревянная - на ней Георгий Победоносец. Её бы подновить. Ты, поди, смо- жешь, если красочек достать?..»

К иконам у Серёжки было отрицательное отно- шение, ни о каких верах он понятия не имел, по-

тому матери ничего не ответил. Надев её подшито-валенки, стираную телогрейку и изношенную, серую, без одного уха шапку, сходил с полуведерным бидоном за водой к дровяному складу на колонку. Потом четверть буханки, что оставили японцы, мать и сын разделили пополам, и как ни малы были эти половинки, съели они - только одну, запив кипятком. Второй кусочек Анастасия завернула в салфетку. «Это на вечер, - сказала она. - А завтра схожу на базар. Выданных денег на буханку, поди, хватит».

Чуть-чуть взбодрившись, они принялись за свое основное занятие - распиловку пеньков.

В минуты отдыха Серёжка вновь слушал рассказы матери о прошлом её и отца, сидя или полулёжа на топчане, напротив стола, за который всегда присаживалась уставшая Анастасия. Отец представлялся перед глазами сына то героем, похожим на того, что изобразил он на рисунке, то жестоким злодеем - в зависимости от настроения женщины.

« С первой женой, Стешкой-портнихой, - говорила Анастасия Григорьевна, - уезжал он в Ташкент, это было в двадцать втором году. Там они, наголодавшись и заболев малярией, оставили в « доме малютки» своего трёхмесячного ребёнка, а когда позже хотели забрать, оказалось, что его уже кто-то усыновил...

Второй жене, Шурке, во время ссоры он бросил чайник с кипятком на ноги... Я-то обо всём этом потом узнала, когда уже замуж за него вышла. Жили вначале хорошо, в Челябинске, у его родителей. У них была лошадь и две коровы. Он работал тогда слесарем в депо, вступил в партию, водку не пил. Зато свекровь пьяницей была. Мне даже семнадцати не исполнилось, когда родилась у меня Августина, а старуха, всё хозяйство свалив на мои руки, отказалась водиться с ребёнком. Наняли мы няньку, девку молодую, привели её с биржи труда: тогда безработица большая была, в двадцать пятом году, поэтому разрешали брать домработниц. Однажды ушли мы со своим на ба-

зар, а пришли: батюшки!.. полог у зыбки пылает, а нянька спит около с папироской в руке. А как зашли мы - вскочила, да как схватила ребёнка... С перепугу-то к вечеру Августина и померла.

Вторую, Валентину, полугодичную, свекровь опоила маком, чтобы она спала и не плакала. А когда хватилась - она уж не дышит.

Лёничка родился, когда мой служил в Торжке, в трудовой армии. Жили мы с ним вместе на квартире. Около году уже было ребёнку. Простыл. Левый бок у него был аж синий. Так у меня на руках и скончался.

Вот только Зина да ты чудом живы остались. - Вздохнув, женщина опустила голову. - Кого винить в смерти моих детей?.. Когда жизнь вся - не поймешь какая!..»

После подобных выводов в глазах Анастасии появлялись слёзы, и она часто просила сына найти какую-нибудь бумажку, чтобы изготовить самокрутку. Накурившись, она надолго умолкала.

Но в тот день и в тот вечер такого не случилось: из-за того, что ни «бычка», ни даже пыли от махорки в избушке не отыскалось.

Уже и дров было напилено и наколото больше, чем вчера, и оставшийся от японцев черный-пречерный кусочек хлеба съели и запили кипятком, а все чего-то Анастасии не хватало.

Серёжка, чтобы отвлечь мать от мысли о куреве, стал задавать ей вопросы:

- Мам, ну, а после Торжка, на Урале, как вы жили?

Не разгадав хитрости сына, Анастасия стала продолжать:

«... А потом у родителей его все прахом пошло. Лошадь украли. Коров отравили. В тридцать втором, в тридцать третьем - на Урале голод. Всё, что было, попродали, на хлеб повыменяли. Ездили - искали, где лучше - в Троицк, Курган, Новосибирск, Кольчугино. Замотались, наголодовались. С сумой ходила, пока мой на работе был. Приходил - ругался, не велел по миру ходить. Да ведь

тебя - ты только родился - да Зину надо было кормить.

Потом жизнь вроде наладилась: в Челябинске квартиру дали.

Жить бы, да жить. Нет же - стал пить, а машинистом работал, водил поезда. И бригада такая же - помощник да кочегар - попалась - пьяницы. Сколько я с ним ругалась из-за этого. «Пожалей ты, Родион, хоть наших детей», - говорила. Всё бесполезно!..»

Из этого периода в Серёжиной памяти осталось: товарный вагон, который бросает из стороны в сторону, а потом - резкий толчок, и он, ребенок двух или трёх лет, то ли с чьих-то рук, то ли ещё с чего-то летит на раскалённую круглую железную печь...

« Терпеливый был, - про этот случай говорила Анастасия, - почти не плакал даже когда повязки от бедра отдирали...»

Не менее ярко Серёжка помнил Челябинскую квартиру и пьяную гулянку: кто-то спит за столом,

кто-то валяется на полу. И ещё - это уже в другой день - взбешенный отец швыряет пустые, выпитые, шкалики в мать, и одна из бутылок разбивается над детской кроваткой, и осколки едва не попадают в Серёжину голову - ему тогда шёл четвёртый год...

При свете фитиля, когда Анастасия вставала из-за стола, чтобы подбросить дров в печь, отбрасываемая ею тень вместе с ней двигалась, то уменьшаясь, то вырастая до гигантских размеров, переключиваясь со стен на потолок; словно кто-то ещё, кроме матери и сына, присутствовал в жарко натопленной избушке-засыпуге.

Своё повествование Анастасия закончила уже при погашенном фитиле, лишь «буржуйка» отбрасывала отблески света. ... «Сколько веревочка не вьётся, а конец найдётся, - подвела женщина итог тому, о чем говорила. - В тридцать шестом году бригаду во главе с моим, пьяную до невменяемости, сняли с паровоза. Товарняк проехал контрольный столбик и мог врезаться в другой поезд,

- пояснила она. - Дали десять лет. Водочка - вот до чего она доводит».

Это была её последняя фраза в тот вечер об отце. Но иногда повторяемый много раз рассказ заканчивался так: «Когда в зале суда огласили приговор, я дала моему слово не выходить замуж и дожждаться его... Мучил он меня, а я его любила».

Удачный день... Старик Казаков

Пятый день голодовки - вторник для Анастасии оказался удачным: её приняли в вагоноремонтные мастерские, где она должна была делать уборку в кабинетах и раскомандировках - утром и вечером; это её устраивало... «Середина дня у вас свободная, если, конечно, на рабочих местах будет порядок» - сказал, подписывая заявление, начальник мастерских.

В столярном цехе, когда она проходила с инженером по технике безопасности, с ней поздоровался сухощавый, но крепкий старик, с чуть насмешливыми серовато-водянистыми глазами и ржавчиной усов на продолговатом лице.

- Что, Настасья, на помощь к железнодорожникам, вагоны лечить? Не узнала?... Поговорить бы. Попалась ты мне просто ко времени... Я им здесь окна чиню... Ураган - натворил...

Это был Казаков, бездомный и безродный старик, с которым Деревцовы жили вместе в большом частном доме на квартире у его друга Чулкова, когда только что приехали из Сибири летом, полгода тому назад.

- Как не узнать? Узнала, - обрадовалась знакомому Анастасия. Поговорим - вот только инструктаж пройду.

Казаков знал, что муж Анастасии построил избушку, а так как бывший друг стал требовать деньги за проживание под его крышей, то возможность поменять угол явилась к нему в образе очень простой и доброй женщины.

Пустить на квартиру старика она была не прочь: может, в чем и поможет...

Заявился Казаков к Деревцовым в тот же день, поздно вечером, в заиндеветой армейской наглухо завязанной ушанке, в чёрном овчинном полушубке и с большим рюкзаком на спине, в котором была его постель и другие немудреные пожитки. В одной руке у него была раскладушка, а в другой - он держал привязанную за жабры большую смерзшуюся рыбину. Её он сразу положил на стол и вместо приветствия, вытирая сосульки с усов, произнёс:

- Ух и морозина! С Мылок чуть не час топал. -

И указал на рыбину.

- Это вам с Серёжкой, Настасья! Хотите - жарьте, хотите - варите... Свежая.

Женщина всплеснула руками.

- Да где же ты её поймал, такую большую? Сколько же за неё я буду должна?

- Где поймал - секрет рыбака! А кто кому должен - на том свете разберёмся, - подмигнув сидящему у стола Серёжке, беззвучно в усы рассмеялся старик и стал снимать свой рюкзак с широких и всё ещё крепких плеч.

Анастасия, явно, благодетелю была рада. Обрадовался Казакову и Серёжка...

Уступив квартиранту топчан, он стал с того дня спать на его раскладушке, ставя её у второго окна, напротив материнной койки.

* * *

Удивительный был этот семидесятилетний, среднего роста, крепкий старик. Почему-то никто не звал его по имени, словно у него его и не было, а всё по фамилии: не потому ли, что ко всему происходящему в жизни он относился с иронией, как будто бы всех слегка презирал, а вместе с тем был чутким и доброжелательным в отношениях с людьми; никогда не падал духом и не выходил из себя. Можно было только догадываться, что неудачи, которых в его жизни было, вероятно, немало, - не сломили его, а только закалили.

Ещё на индивидуальном посёлке Мылки, в огромном доме Чулкова, с дырявой крышей и

протекающим потолком, он брал босоногого оборвыша, сына машиниста, рыбачить на большое озеро, чьим именем назвали посёлок. Серёжка не пристрастился к рыбалке, но любил слушать рассказы Казакова, и это старику нравилось. А рассказывал он про то, как ещё до революции гонял плоты по Амуру, был лесорубом, плотником, копал колодцы.

И всё-таки из всех дел больше всего он любил ловить рыбу, особенно-крупную, и потому постоянно вязал или чинил сети. За всё время проживания Казакова в засыпuxe Серёжка не видел ни разу, чтобы старик сидел сложа руки. Деревянный, им самим выструганный «челнок-крючок» ходил в его руках без всякого усилия, не мешая говорить, что-нибудь рассказывать или даже петь.

Это занятие, казалось, доставляло ему огромное удовольствие. И совсем не трудно было представить себе, какой он испытает восторг, когда в его сеть, которую он вяжет, попадёт какая-нибудь большая рыба.

На мелкую рыбёшку он сети не вязал, предпочитал ловить её удочкой. Он был рыбак, а не браконьер.

Над многим в жизни подсмеиваясь, он многое и любил.

Письмо в художественный институт

В тот самый поздний вечер, когда для матери и сына Деревцовых закончилась пятисуточная голодовка, и, когда при свете фитилька Казаков увидел Серёжкин рисунок на двери и ещё несколько других, старик не ради шутки, а конечно, из самых добрых чувств к мальчишке, стал советовать ему послать их в какое-нибудь художественное учебное заведение. В какое - он не знал. Мастер на все руки, он не был эрудитом в области образования и искусства, но горячо втолковывал подростку и малограмотной женщине: « Есть такие учебные заведения в Москве и Ленинграде, может быть, есть и на Дальнем Востоке. Пиши: город такой-

то, художественный институт... а там почта найдёт, куда и кому вручить. Сразу могут не принять. Но если признают, что у тебя талант - это главное, то обязательно вызовут на учёбу...» Старик был искренен в своём заблуждении.

Серёжка рисовал с тех пор, как только научился в руках держать карандаш. Он очень хотел стать художником и обязательно - хорошим. И мать, чтобы осуществилась мечта сына, на другой день купила ему конверт, в который он и поместил свёрнутые в четверо несколько своих самых удачных рисунков и письмо с просьбой принять учиться на художника.

После некоторых колебаний Серёжка пришёл к заключению, что слишком долго, пожалуй, придётся ждать ответа из Москвы или Ленинграда, а к тому же там, наверное, - одни академики. Поэтому он решил отправить письмо в краевой центр, который - близко, указав только город и наименование учебного заведения.

Обратный адрес был такой: г. Амурск, вагоно-ремонтные мастерские, Деревцовой Анастасии.

Ведь засыпуха, возникшая без ведома властей, нигде не значилась.

В оправдание наивного мечтателя, измученного голодом и изоляцией от жизни сверстников, надо сказать: нелепость своего действия он интуитивно сознавал, но надеялся, что письмо, возможно, всё же попадает в руки знающих и добрых дяде или тёте, которые в своём ответе объяснят, как ему прийти к своей цели...

...Мимо засыпухи промелькнул «Новый год» и ещё немало дней с морозами и ветрами, но жаждающий ответа так его и не получил.

Наверное, письмо, раз оно не вернулось назад, всё-таки попало в учебное заведение, в которое было адресовано. Над невежеством и дикой дерзостью «глупого» мальчишки, скорее всего, не могли не рассмеяться. Да и рисунки - не шедевры ведь!..

Могли бы, конечно, и написать: «Советуем окончить среднюю школу и художественное

училище, только тогда по конкурсу милости просим в наш институт». Но, увы... не снизили! Вероятно, Серёжкин конверт и его содержимое были безгласно брошены в мусорную корзину...

«Раз не ответили, - сочувственно говорил Казаков, сидя на топчане и штопая «челноком-крючком» старую сеть, - значит, талант твой пока что не проявился. Вот в газете недавно писали: пацаненок червонцы рисовал - долго не отличали от настоящих. На банду работал. Так их посадили, а его - так и писали - послали учиться на всём бесплатном. Это значит - настоящий у человека талант... Это очень редко бывает.

Встреча с хирургом Торбуновым

Серёжка рисовать бросил. Но вовсе не по причине разочарования в своих творческих способностях, а из-за истощения организма от длительного систематического недоедания. Его одолевала слабость, и с наступлением сумерек перед гла-

зами появлялось жёлтое пятно, и он почти полностью переставал видеть.

Из-за этого ему приходилось раньше времени ложиться спать или просто лежать и о чём-нибудь думать.

Казakov эту болезнь определил сразу, назвав её «куриной слепотой».

В ближайшей поликлинике у него, худого, с замедленным ростом - заподозрили повторный туберкулёз, так как в раннем возрасте, со слов подростка, он четыре с половиной года с этой болезнью провел в одном из ялтинских санаториев. Для обследования его направили в Центральную больницу города.

В середине марта, ранним утром, натянув на себя все, что было потеплей, и, конечно, в материнских подшитых валенках, в стираной телогрейке и в серой шапке с одним ухом, Серёжка вышел из засыпки, из её сенцев. Дверями она смотрела на ещё не полностью раскорчеванную, местами в сугробах, местами оголенную до земли согру, за которой сто-

яла огороженная военная часть; а уж за ней, сквозь утренний сумрак, на фоне синей сопки, едва виднелись жилой район и корпуса с трубами металлургического завода Амурсталь.

Серёжка повернул за избушку, перешагнул через железнодорожную линию, ведущую от вокзала к вагоноремонтным мастерским, пролез между снегозащитными щитами. Слева стоял плохо огороженный дровяной склад. Идя прямо через очищенное от кустарника заснеженное поле, он вышел на широкий асфальтированный тракт. Почти сразу за ним строилась большая, в несколько этажей, кирпичная школа; строилась быстро. Возводили её заключенные.

Район справа - за освещённой фонарями дорогой, убегаящей под прямым углом от тракта, - назывался Амурлагом. В одном из четырехэтажных домов этого района находился продуктовый магазин, в который Серёжка ходил за хлебом, получая по карточкам шестьсот граммов на мать и четыреста - на себя. Отрезали ему четвертую

часть четырехкилограммовой сырой черной буханки, называемой «амурлаговской». Ходил он в магазин каждый день, как только просыпался.

Но сегодня он шёл мимо Амурлага, мимо зоны строительства школы по снежной утоптанной дорожке через ещё один огромный пустырь, в центр города.

Начинался центр с Дома культуры, красивого здания, с колоннами, перед которым стояли гипсовые: с левой стороны - солдат, с правой - матрос. За Домом культуры был огромный естественный хвойно-лиственный парк, огороженный высокой металлической оградой на каменном фундаменте.

Серёжка знал дорогу от вокзала на индивидуальный поселок Мылки; Амуртсталь и Амурлаг (районы) просматривались из-за множества пустырей; а вот центр, с проспектом, многочисленными улицами и многоэтажными жилыми домами и учреждениями, ему был, прямо сказать, не знаком. Ходили автобусы, были проложены две трамвайные

линии, по которым бегали, позванивая, красные вагоны; но подросток не ориентировался, куда они его увезут; поэтому он шёл и шёл за толпой людей или навстречу им, вместе с другими переходил дороги, останавливался, смотрел на названия улиц и номера домов.

Мать, отправляя его в больницу, повторяла: «Язык до Киева доведёт, спрашивай почаще». И Серёжка спрашивал, но больше старался надеяться на собственную сообразительность. Когда ему сказали, что Центральная больница находится на Дземках, он всё-таки сел на автобус, который шёл в тот район города, от центра километрах в семи.

В течение недели Серёжка несколько раз совершал один и тот же маршрут, сдавая анализы, проходя осмотры и просвечивание рентгеном. Последний раз, когда он прибыл в Центральную больницу к одиннадцати часам, его направили за результатом обследования к главному врачу.

Серёжка поднимался, а потом опускался по лестницам с одного крыла больницы по переходно-

му коридору - в другое, не торопясь, понуря голову, ожидая неизвестно какого приговора.

Никакой очереди у кабинета главного врача не было, но вошёл подросток не сразу. Чтобы открыть дверь, обитую дерматином, ему пришлось сосредоточиться, призвав на помощь все своё мужество. Через минуту, забыв раздеться, он все-таки предстал перед суровым, крепким и сильным, по виду, главврачём, который что-то писал, а когда поднял голову, то, прищурив глаза, стал рассматривать вошедшего.

- Деревцов? - спросил он отрывисто.

- Да, - ответил Серёжка, пряча однухую шапку за спину.

- В оккупации на Кавказе был?

- А как Вы? .. Вы что там тоже? .. - удивился подросток.

- Не узнал, значит, хирурга Горбунова? Ну, а Локшину Веру Павловну помнишь?

Серёжка вздрогнул и утвердительно закивал стриженной головой.

- Я её помню!..

- Ну, да ладно! - произнёс главврач, положив ладонь на стол. Никакого туберкулёза у тебя нет. Здоров как бык! Питаться надо получше!.. Вот заключение. Вот справка на дополнительное питание. Гематоген бери в аптеке - от малокровия помогает. Можно пить рыбий жир...

Серёжка вышел обрадованный. Показалось, что к нему возвращаются утраченные за последние месяцы силы. А когда он оказался на улице, всем существом почувствовал приближение весны. Горлающие на ветках сосен воробьи усиливали это ощущение.

Радость переполняла его на всем пути следования от Дземок, через центр города, до самого Амурлага и пустыря с засыпухой.

Видения из раннего детства

Вечером того дня, когда прошла эйфория по случаю заключения главврача Горбунова, что он, Серёжка, «здоров как бык», на него нахлынули

видения из раннего детства. Вызваны они были неожиданной встречей с человеком, появившимся из мира, который Серёжка всеми силами старался забыть...

Он был в избушке один. Мать ушла на после-сменную уборку в вагоноремонтные мастерские, успев вместе с ним напилить и наколоть гору дров. Казаков третий день пропадал неизвестно где. Иногда это были вылазки на известные только ему места рыбной ловли. Бывали и отлучки, когда находилась какая-нибудь временная работа, вместе с которой ему иногда предоставляли и временное жильё...

За окнами засыпухи было уже темно. Не зажигая фитиль и почти ничего не видя из-за «куриной слепоты», Серёжка время от времени открывал дверцу «буржуйки», чтобы подбросить дров. Огонь возвращал ему зрение и, казалось, в ярком пламени он вновь видит Крым, Кавказ и слышит вызывающий тошноту вой пикирующих бомбардировщиков, а потом - оглушительные взрывы...

Период его жизни с пяти и до десяти лет не знали ни мать, ни сестра, ни, тем более, находящийся в заключении отец; и, как ни странно, из них никто не интересовался, как провёл это время ребёнок, что, хотя бы, видел. Всем было не до него, кроме, может быть, матери. Но и она ни разу не спросила его даже о днях, когда Серёжка находился в оккупации. Да и сам он старался убедить себя, что его раннее детство - это только страшный сон, который надо забыть, чтобы ничем не отличаться от своих сверстников. Но независимые от него обстоятельства выбивали Серёжку из нормальной, как у всех, жизни.

Дети, которых знал Серёжка, имели нормальное жильё, для которого не надо было искать и волоочь с огромными корнями пни, а потом целыми днями их пилить, чтобы в нем не замёрзнуть. Они были одеты и обуты, учились, общались с себе подобными. Ежедневная борьба за выживание не отнимала у них время и силы.

Иногда Серёжка мечтал сбежать куда-нибудь, может быть - в хороший детдом, где он бы жил, как другие. Но это было не реально. Без его слабой, но всё-таки помощи, что стало бы с матерью?

Казалось, какое-то всемогущее существо, имя, возможно, которому «Рок» вновь и вновь кричит ему: «Ты не такой, как все! Тебе не удастся забыть, что было с тобой раньше!»

Встреча с бывшим хирургом санатория, где лежал Серёжка, явилась брошенным в омут камнем, от которого пошли круги. Каждый круг был годом, месяцем, днём - его раннего детства. Серёжка соотносил их с рассказами матери, и они делали более отчётливыми его собственные видения.

...Смутно, но виделся переполненный зал суда... Он - у матери на руках, но ни её лица, ни лица отца, сидящего на скамье подсудимых, он не помнит.

Отчётливее проступала в памяти - тесная землянка в Сибирском Ленинске, где мать, с Зинкой

и с ним, покинув Урал, жила на квартире у сестры осуждённого мужа, у которой самой было двое детей - мальчишка и девчонка-постарше и более отчаянных.

А вот... самый страшный из всех дней: пока мать и её золовка отсутствовали, работая на пекарне, двенадцатилетний полоумный двоюродный брат ударил толстой палкой его, пятилетнего Серёжку.

С переломанным позвоночником и отбитыми лёгкими он лежал возле землянки без сознания до прихода матери, которой о несчастном случае сообщила прибежавшая на пекарню девочка-соседка, прокричав: «Серёжку вашего убили!..»

Ребёнок пришёл в себя, но встать не мог...

Видения оборвал приход Анастасии Григорьевны с работы, он вернул подростка из прошлого в настоящее...

Что всё-таки было с тем ребёнком потом?.. А было то, что в Серёжиной памяти стало ежедневно накатываться волнами. Болезненное состояние не находило исцеления... Помогла случайность.

В один из тех, тягостных для подростка дней, Анастасия принесла с работы выброшенную каким-то мастером прошлогоднюю общую тетрадь, исписанную производственными заданиями.

Тридцать четыре листа, лощёные, да ещё в линейку, оказались чистыми.

«Это то, что мне надо!..»- обрадованно воскликнул полубольной.

В них и решил Серёжка рассказать о видениях, мучивших его. Что и как получится, ему было всё равно: лишь бы освободиться от того, что не давало покоя...

Вот что написал вынужденный бросить шестой класс подросток, измученный навязчивым избытком воображения.

ЭХО

/воспоминания/

*Сергей Деревцов, 14 лет/не полных/
г. Амурск, 1947г.*

Предисловие

Отрезок времени, который пришёлся на Великую Отечественную войну и мое раннее детство, один из самых трагических в моей жизни. Я стараюсь забыть о нём, но не получается. Может, придав бумаге всего лишь песчинку событий того периода, память не так больно будет тревожить меня. О себе и о малой частице сверстников, с судьбой, похожей на мою, через чьи души прокатилась война, я и поведу повествование, короткое и без какого либо вымысла.

Ешиль Ада

Начну с того, как со мной, больным пятилетним ребёнком, мама из Сибири приехала в Москву, чтобы устроить меня на лечение. Был момент, была одна ночь, когда я умирал - отходил, и мне, в скрещенные на груди руки, воткнули горящую свечу. Но Бог на тот свет меня не принял. А московские врачи не хотели почему-то направить меня ни в один санаторий: вероятно, из-за того, что у матери не было столичной прописки.

Тогда мама, имеющая два класса образования, написала письмо И. В. Сталину. И я недели через три оказался в Ялтинском костно-туберкулёзном санатории «Ешиль Ада» («Зелёный остров» в переводе с татарского).

Я точно знаю, что перед Великой Отечественной войной в стране у нас коммунизм уже существовал. Пускай только «островками», такими как лучшие дворцы всего Южного побережья Крыма, которые были отданы на длительное лечение больным детям.

Одним из таких «островков» был и наш санаторий.

Детские впечатления от постоянно меняющегося Черного моря, от лазурного неба, изумрудной зелени - непередаваемы. Непередаваема и та забота, которой нас, детей, окружал медперсонал.

Никогда не забуду очень красивую, молодую, светловолосую женщину - главного врача Веру Павловну Локшину и совсем молоденьких нянечек: Анечку, Нюрочку, Танечку... Где вы, что с вами, ка-

ковы ваши судьбы? Знаю, на эти вопросы мне никогда и ни у кого не получить ответа...

Первый мой санаторный год прошёл в периодических тяжёлых обострениях болезни. Меня перевозили на койке с колёсиками в отдельную палату, и ко мне очень часто подходила Вера Павловна.

Помню её вопросы:

- Что с тобой произошло до того, как попал к нам?

Я отвечал:

- Димка ударил палкой. Когда вырасту, куплю ружьё и застрелю его.

- Кто твой отец?

- Машинист на паровозе. Он водку пил. Из-за этого его посадили...

Медленно, но всё-таки я выздоравливал. Вместе со мной лежало, наверное, не менее нескольких сот мальчишек и девчонок. Почему-то мне казалось, что все они примерно одного со мной возраста.

Воспитатели читали нам сказки и легенды, в гости приходили молодые писатели, а музыковед учила различать звуки инструментов в музыкальных произведениях. Даже вечерами мы не скучали: на натянутом полотне смотрели детские фильмы...

Санаторный покой и благодать прервала война. С самых первых её дней начались воздушные тревоги, а потом - налёты немецкой авиации: ведь рядом был порт. И не раз мы, дети, видели сбитые горящие вражеские самолёты, падающие чаще всего в море.

Налёты бывали и по ночам. Прожектора распарывали совершенно чёрное южное небо. Бомбы взрывались то где-то далеко, то совсем близко. Нас, перепуганных детей, вынося из палат и веранды, опускали между деревьями и кустами на прибрежную гальку.

Холодной дождливой ноябрьской ночью, когда где-то рядом шёл бой, нас погрузили на военные корабли...а на другой день, как потом сообщили, Ялту сдали.

Без налётов штурмовиков не обошлось и в море. Но через несколько дней мы дошли до одного из кавказских портов. Потом поезд, потом кузова грузовиков, в которых все дети были воедино связаны веревками, чтобы никто не вылетел на крутой и извилистой дороге, с нависающими скалами с одной стороны и сумасшедшими обрывами - с другой.

Наш ялтинский санаторий «Ешиль Ада» разместили в горном местечке Теберда. О том, что в ущелье бегут потоки реки Теберды, мы не знали; зато сразу стало известно, как называются белоснежные вершины, которые стояли перед глазами - это были вершины Эльбруса.

Зима и весна прошли спокойно. Нас учили арифметике, естествознанию и даже немецкому. Казалось, что война где-то очень далеко и к нам не придёт никогда. Но вот - летний прорыв фашистов в сорок втором к Сталинграду и на Северный Кавказ. Снова мирную тишину разорвал нарастающий гул самолётов, вой пикировщиков и взрывы бомб.

... В Теберду немцы вкатились на машинах и мотоциклах, слышалась грубая непонятная речь, лающие отрывистые команды.

Наверное, у каждого, находящегося тогда в санатории, в голове стоял один вопрос: как наши могли нас оставить немцам? Ответа не было... Представляю сейчас (тогда я об этом не мог думать), какая огромная ответственность легла на плечи главного врача Веры Павловны Локшиной за судьбы нескольких сот детей. Она оставалась с нами до самого последнего дня, пока нас не освободили.

Каждый из нас, детей, конечно, считал себя патриотом. Нам рассказывали о лётчице Гастелло, партизанке Зое Космодемьянской и многих других героях, отдавших жизнь за Родину. Нам казалось, что и мы, больные мальчишки и девчонки, восьми - двенадцати лет, способны на подвиг... И вот - враг пришёл! Что мы могли?... Ничего...

В первые же часы оккупации Вера Павловна обратилась к нам, как ко взрослым: «Чтобы ни произошло - ни одного слова против немцев, даже

шёпотом. Помните, что всего только один неосторожный звук и могут быть уничтожены все. И ещё запомните, что с сегодняшнего дня даже стены имеют уши...»

Как изобразить на лице покорность при kloko-чущей ненависти?.. Ведь достаточно было неосторожного злого взгляда, чтобы возбудить в каком-нибудь вошедшем немце ярость.

Немногочисленному персоналу, который остался в санатории, труднее всего, наверное, было со мной: ведь когда мы оказались в Теберде - не знаю почему - я стал в рифму ^{и не в рифму} складывать стихи. В тетрадке, отобранной у меня как только появились немцы, были, кроме других, такие строчки:

*Как вспомню Крым, так сердцу больно.
Проклятые враги сегодня там,
Где медная русалочка с ребёнком
Печально смотрит вслед ушедшим кораблям.*

И ещё:

*... Ничего, что небо хмуро,
Всё равно - зверью конец!
Пуля вражеская - дура,
Штык советский - молодец.*

И всё-таки мы, дети, выполнили просьбу главного врача. Я помню: однажды немецкий офицер с переводчиком зашли в нашу палату, с ними была

и Вера Павловна. Она сказала, когда офицер подошёл к моей койке: «Его отец осужден на десять лет как враг советской власти». Это было для меня так неожиданно. Ведь вина моего отца, машини-

ста паровоза, заключалась лишь в проезде контрольного столбика на железной дороге. Но через секунду я сообразил, что это - хитрость, что она необходима для отвода какой-то беды, и я молчал...

Кого тогда пыталась спасти главврач?.. Всех?.. Или в тот день опасность грозила только мне?.. Не знаю... Но беда всё-таки пришла.

Очень скоро мы увидели на рукаве белого халата недавно откуда-то появившейся молодой женщины-врача отличительную повязку, означающую, что она еврейка. Я не помню, как её звали, но перед глазами стоит её высокая стройная фигура и ярко-рыжие волосы. Потом её у нас не стало. Вместе с несколькими группами взрослых и детей она была вывезена ночью куда-то за Теберду. Сначала их заставили рыть траншею, а затем - под тракторный рёв расстреливали. Многие из упавших и зарытых ещё ^{ва} остались живы: несколько суток из-под земли слышались стоны. Но жителей к траншее не подпускали... Об этом

зверстве немцев и румын нам рассказали только семь месяцев спустя - когда пришли наши...

С первого сентября нас никто уже не обучал школьным предметам. Зато приходил художник Володя. Он был молодой, красивый, широкоплечий, но хромой. Возможно, он был из выздоравливающих другого корпуса или соседнего санатория. Он раздавал нам - тем, кто любил рисовать - простые карандаши и по листу бумаги с дощечкой, и мы с натуры срисовывали декоративную пальму и герань, стоящие на подоконнике.. Сам он очень быстро писал акварелью. Его рисунок «поединок Мцыри с барсом», после жребия из бумажек, достался моему другу Алёшке - наши койки были рядом.

К первым осенним холодам Володя исчез. Я был уверен, что он ушёл к партизанам, и мучительно завидовал ему.

Художника сменила блондинка Сонечка, приходившая тоже неизвестно откуда, которая читала нам разные книжки. Запомнились «Два капитана» Каверина и ещё «Рыжик» Свирского.

Когда и она перестала появляться, мы начали читать самостоятельно. Столько замечательнейших книг не попадало мне в руки никогда в моём детстве после. Первой была - «Спартак» Джаваньоли, потом - «Хижина дяди Тома» Бичер-Стоу. Особенно врезался в мою детскую память Гюго своими - «Отверженными» и «Человеком, который смеётся». О героях этих произведений я пытался сочинять стихи. Но что-либо записывать мне строго-настрого запретила Вера Павловна.

Наступила зима, а вместе с ней и голод. Нам стали давать по одной-две маленьких неочищенных картофилинки, а иногда вместо них - по маленькому кусочку, величиной со спичечный коробок, синего, рассыпающегося гречневого хлеба, раз в сутки.

Чуть не каждый день немцы сообщали, что не сегодня-завтра будет взят Сталинград, что Сталин чуть ли не просит Гитлера о пощаде.

Сведений об истинном положении на фронтах не было. Но уже в декабре по нервозному

поведению немцев стало ясно, что Сталинград не сдали и не сдадут и что к Грозному и Баку немцам не прорваться.

То, что наши перешли в наступление, чувствовалось и по вновь начавшимся бомбёжкам, но теперь уже - советской авиацией. Иногда от близко разорвавшейся бомбы наше здание так вздрагивало, что в окнах трескались и вылетали стёкла. Кричали и плакали девчонки, мальчишки держались мужественней. Ужаснее всего было то, что немецкие зенитки и миномёты стреляли из расположения нашего санатория.

Немецкие офицеры ещё шныряли с первого этажа на второй за красивой медсестрой-балгаркой, уводившей их, по-видимому, преднамеренно; а где-то в операционной, спрятанный от посторонних глаз, лежал советский, сбитый немцами, но подобранный кем-то из наших, летчик. Он не выжил, даже не приходил в сознание. Но риск тех, кто пытался его спасти, у меня до сих пор вызывает восхищение. Это тогда дня три подряд в нашей пала-

те появлялся хирург Горбунов, принимавший, вероятно, участие в попытке спасти лётчика.

Голод всё сильнее сказывался на здоровье многих. Мой недуг проявился в нервном срыве в форме недопустимой грубости по отношению к одной из нянечек, которая, по нашим ребячьим слухам, сдружилась с каким-то немецким офицером Гансом. Произошёл этот срыв в конце января. Сам конфликт не запомнился, но меня переместили из палаты мальчиков в палату девочек и задвинули в угол к двери. Между мной и остальными был широкий проход. Таким образом моё общение с кем-либо исключалось.

Но видно, я был на самом деле из особо нервных, потому что однажды у меня случился приступ: сердце билось с сумасшедшей скоростью и, может быть, разорвалось бы, но я закричал. Помогли салфетка и полотенце, их поочерёдно смачивали в холодной воде и прикладывали мне на грудь. Вместе с сестрёнкой оказывала помощь и та няня, которую считал чуть ли не врагом.

Сразу же, после этого случая, одна из девчонок - её звали Ирой - стала бросать мне записки. Она их комкала, и таким образом они долетали до моей койки. Я отвечал ей таким же способом. Это была моя первая дружба с девочкой. Длилась она не долго - всего недели три, пока меня не перевели на прежнее место. Я даже не знаю, какой была эта Ира, наверно, как и все мы - очень худенькой. И у ней был красивый голос...

Под свист и завывание последних зимних вьюг фрицы наконец драпали, так как в Сталинграде завершилось окружение. Санаторий они, уходя, частично заминировали, но партизанская группа была на чеку - мины обезвредила. Об этом нам рассказали потом. А пока - были пять дней, когда и немцев уже не было, и наши ещё не пришли.

Чем мы жили?... Жили ожиданием. Голод, казалось, мы уже перестали ощущать. Но не все его перенесли, ведь кроме выздоравливающих, были дети с прогрессирующей формой туберкулёза. В наших двух, разделённых аркой, палатах, помнит-

ся, остались живы все. Тогда, несмотря ни на что, мы радовались тому, что немцы ушли, что нас больше не бомбят и что можно больше не молчать.

И мы не молчали. Мы пели Советские песни: «Катюшу», «Землянку», «Есть на Волге утёс», «Дан приказ ему на запад», старинные песни: «Раскинулось море широко», «Бежал бродяга с Сахалина»... И ещё каких только песен мы ни перепели. Особенно много песен знали девчонки. Я всё ещё находился в их палате, и меня чуть ли до слёз волновал голос девочки Иры.

Но были и такие дни и вечера, когда мы говорили только о еде, о разных лакомствах: о горячем молоке, о шоколаде в виде разных фигур, который нам давали до войны в Ялте. Или кто-то говорил, что ел когда-то удивительное пирожное и каким оно было вкусным. Вспоминали гренки, сырники и даже самый обыкновенный пшеничный и ржаной хлеб, который мы не видели уже несколько месяцев. Это было какое-то коллективное помешательство, мы наслаждались этими разго-

ворами, некоторые даже начинали смеяться. Наверное, психиатр не назвал бы такое наше поведение ненормальным, а скорее - соответствующим длительному, изнурительному голоду.

Наконец в конце ураганного и метельного февраля сорок третьего, рано утром кто-то вдруг закричал: «Ребята!.. Наши пришли!..» И мы услышали приближающуюся и разносящуюся эхом маршевую песню:

Так пусть же Красная сжимает

властно

Свой штык мозолистой рукой...

Песню на мгновение как будто относил ветром, и её не было слышно, потом она возникала снова и эхом разносилась с новой силой, и уже почти гремела:

И от тайги до британских морей

Красная Армия всех сильнее...

Как мы радовались!.. На следующий день к нам пришёл молодой, высокий лейтенант, рассказывал, как они спустились с гор на лыжах и как не дали немцам прорваться к Грозному. Показал нам

книжку, потрепанную, сказал, что прочел её уже два раза. Это была: «Как закалялась сталь» Николая Островского.

После радости, после того, как нас подкормили, многих из прикованных к постели по три, пять и более лет, в том числе и меня, стали постепенно учить стоять, а потом ходить.

И вот наступил один, может быть, из самых грустных в моём детстве дней, когда меня с группой незнакомых мне детей, из разных корпусов, погрузили в кузов грузовика для отправки домой. Как-то так получилось, что я даже не попрощался ни с ребятами, с которыми вместе лежал, ни с сестрёнками, ни с Верой Павловной, которую очень любил.

Изо всех, кто находился в кузове, я плакал один. Я понимал, и от этого мне было очень горько, что больше я их не увижу никогда. Я плакал молча, пока, устав, не уснул...

Прежде, чем поставить точку на первом рассказе о военном времени и о своём детстве, хочется прокричать во Вселенную - и пускай меня никто не

услышит: Низкий вам поклон, дорогие Советские люди, которые меня лечили, воспитывали и защищали от врага. Я всегда буду помнить вас, хотя имена многих не знал или не сохранила память. Я верен всему тому, чему вы учили меня, я верен идеалам, в которые верили вы, и никогда их не предам!..

Дорога к маме

Острый приступ тоски прошёл вместе с длившимся не более часа сном. Я не припомню точно, сколько в набитом соломой кузове мчавшегося грузовика, кроме меня, лежало детей. Может быть, пятнадцать, а может, и больше. Возле кабины, на скамейке, сидели совсем юные парень и девушка, их тоже выписали, но только из другого санатория. Они весело говорили о разном. Невзначай вдруг коснулись периода оккупации.

- У нас двоих мальчишек и одну девчонку немцы увезли куда-то, - грустно произнёс парень.

Девушка добавила печали.

- Подруга моя, больная, тяжело умирала, всё кричала: «Маму позовите!.. Маму позовите!..»

Они помолчали... Потом юноша, глядя вдаль, запел:

*Меж крутых бережков Волга-речка
течёт,*

*А по ней, по волнам легко лодка
плывёт...*

Эту песню я тогда услышал впервые. Её не пели девчонки, лежавшие в одной из двух наших смежных палат. Меня, проснувшегося, взволновала простая плавная мелодия и слова. Огорчила развязка:

*Волга в волны свои молодца приняла,
И по ней, по волнам шапка с кистью*

плыла...

Когда ущелье Теберды осталось далеко позади, и открылся весенний простор предгорных пастбищ - удивили игрушечные размеры пасущихся коров, овец и находящихся с ними пастухов. Мои глаза, на протяжении очень долгого времени видевшие предметы только вблизи, воспринимали как что-то необычное - удалённость, перспективу. Мир, как перед новорож-

дённным, заново открывался передо мной во всём многообразии - с людьми, животными, растительностью, с горизонтом, с необъятным, ничем не ограниченным небом над головой. Новые впечатления полностью растворили в себе недавний острый душевный приступ, когда меня отрывали от почти родных мне душ, от привычной среды.

К вечеру доехали до Карачаевска. Ночевали в каком-то выложенном из дикого камня здании, без крыши и без половины потолка; и звёзды, крупные и яркие, сверху, казалось, жалели, что не могли нас согреть. Утром снова отправились в путь.

С полуразрушенного вокзала северо-кавказского города, называвшегося Микоян-Шахар, нашу группу детей погрузили в товарный вагон с нарами.

Военизированный эшелон шёл то быстро, то полз с толчками кое-как, то подолгу стоял. Направление было на Сталинград. Из маленького квад-

рата окна, а иногда из открытой двери можно было увидеть не много. Но и то, что проносилось перед детскими глазами, поражало воображение, больно било по сердцу.

Остовы сожжённых и перевёрнутых вагонов, казавшиеся скелетами огромных чудовищ, говорили о сотнях людских трагедий. Рельсы железнодорожных путей, то скрученные чуть ли не в спираль, то торчащие концами в небо, наводили на детские души ужас. Сколько прошло дней, сколько пронеслось страшных картин - было не сосчитать.

Сталинград предстал перед нами не городом - его не было. Были одни руины. Он весь был в воронках, траншеях, окопах. Там и тут валялись части исковерканной боевой техники. Кое-где дымили трубы наспех сооружённых печей, возле которых двигались, стояли, лежали фигуры взрослых и детей. Если где-то и оставались этажи какого-нибудь не до конца разрушенного дома, то они смотрели пустыми чёрными глазницами, молча-

ливо и сурово свидетельствуя, что, плаваясь, лишаясь зрения, - не просили пощады. Эта мрачная панорама разрушенного, но не сдавшегося врагу города, будет, наверное, стоять перед моими глазами сколько бы не прошло лет.

Дорога была пугающей и утомительной. Нас часто пересаживали с одного товарняка на другой. Казалось, что мы едем то на север, то на запад, то вдруг в обратную сторону, как будто возвращаемся.

Не знаю точно, в каком направлении мчался наш поезд, но однажды ночью он подвергся преследованию вражеского бомбардировщика. Тревожные прерывистые гудки и взрывы разбудили тех, кто спал. К счастью, ни одна из бомб не попала в состав.

Наверное, не раньше, чем через две недели, мы прибыли в Москву. Столица встретила детей радушно. Атмосфера была спокойной, суеты и раздражения не чувствовалось. Нас разместили в здании, где всё сверкало чистотой, были комнаты с коврами

и большой зал с мраморной отделкой. Нас сводили в душ и переодели во всё новое. На меня надели точно по росту матросский костюм.

Когда на пассажирском поезде мы выехали из Москвы, от нашей группы осталась половина. Сопровождала нас молодая чета: муж - высокий, жена - стройная, красивая, небольшая. Пассажирами в основном были военные, среди них - много раненых. С перевязанной головой пожилой боец всё удивлялся: как это я, едва державшийся на ногах, ловко забирался на вторую полку. «Руки-то, видать, у тебя сильные», - говорил он мне. Сошёл он, кажется, в Казани.

Оставшаяся группа детей таяла от города к городу. Последняя пересадка, которая мне особенно запомнилась, была в Челябинске. На привокзальной площади люди подходили к сопровождающим с расспросами: кто мы такие и откуда. Удивлялись, видя какие мы истощённые.

В здании вокзала нам предоставили отдельную комнату. Мы лежали на одеялах, расстеленных на

полу. Парень и девушка, которые пели песню при выезде из Теберды в мчавшемся грузовике, помню, говорили про коммунизм, что он наступит, наверное, лет через сто. К ним я испытывал чувство необыкновенной симпатии, хотя мне они не сказали ни одного слова.

Когда сели снова на поезд, я их больше уже не видел. До сих пор их неотчётливые облики возникают в моей памяти, как что-то светлое и трогательное, как их песня.

Меня высадили в Новосибирске. С сопровождающим мы ехали на трамвае, потом он то вёл меня, то нёс на руках, так как я не мог идти, и оставил, наверное, в горисполкоме. С остальными он отправился на Алма-Ату и Ташкент.

Городская власть, долго не раздумывая, меня, едва державшегося на ногах полубольного ребенка, направила в Кривошеинский детский приёмник-распределитель, находящийся в пригороде Новосибирска.

Опекаемый со стороны государства даже на территории занятой врагом, я вдруг оказался в среде -совершенно безразличной, даже скорее враждебной, ко мне.

В детприемнике, куда меня доставили, кастелянша сразу же велела мне снять матросский новенький костюмчик и надела на меня старенькую рубашку и штаны, находящиеся до этого в прожарочной камере для уничтожения вшей. Возможно, это было проделано, чтобы я не выделялся среди в основном плохо одетой массы беспризорников. А может, он очень понравился кастелянше, не очень щепетильной в вопросах морали. Во всяком случае, мне его не вернули, хотя я и просил, когда мама приехала за мной.

Здание приёмника находилось на пригорке, а столовая - внизу. Никем не сопровождаемый, я скользил по весенней расплывающейся глине и падал несколько раз, прежде чем появиться на завтрак, обед или ужин. Естественно, над неумеющим ходить смеялись.

Из детприёмника беспризорные дети распределялись по детским домам или возвращались родителям, от которых они сбежали. Судьбы у каждого были разные. Много было тихих и запуганных детей. Но, наверное, не меньшую часть распределителя составляли бывалые и отчаянные, каждый из которых не из одного детского дома бежал по нескольку раз.

По выходным, когда немногочисленный персонал полностью отсутствовал, многие, кто группами, кто в одиночку отправлялись в город. Где и что делали - неизвестно. Только к вечеру или на другой день возвращались с добычей - продуктами, тряпьем, деньгами.

Помещение для сна было длинным, как казарма: койки, отделенные друг от друга тумбочками, стояли в два ряда. По-видимому, никаких дежурных воспитателей не было. Поэтому в любое время, особенно вечером и ночью, мог твориться произвол сильных, с уже изуродованными душами, над слабыми.

Коек за семь от меня лежал мальчик-дебил, лет двенадцати, азиат. Над ним издевалась такая же по возрасту или чуть постарше, но безжалостная компания. Сначала его доводили до рёву словами, потом каждый, кто хотел отличиться в жестокости, бил его; в довершение - мочились ему на лицо. Через неделю жертву стали бить припадки, он терял сознание, и изо рта, пузырясь, вырывалась пена.

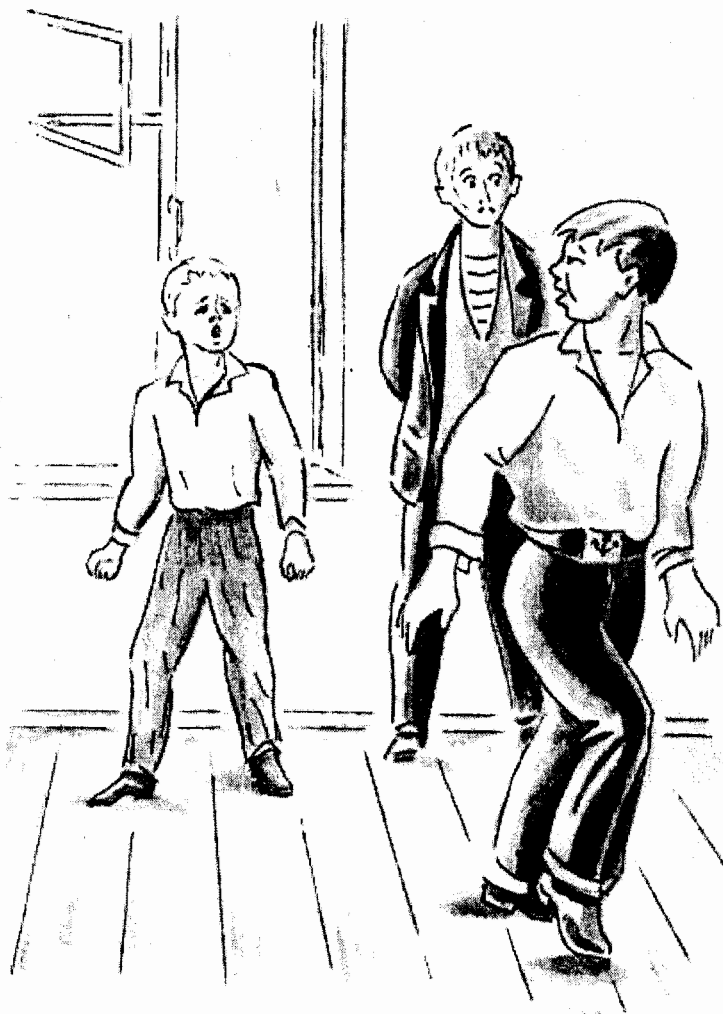
Естественно, я горел ненавистью к мучителям. Но понимая свое бессилие, укрывался с головой и плакал. Одного нестерпимо хотелось, чтобы за мной поскорее приехала мама и избавила меня от происходящего в распределителе.

Я не мог найти среди всех даже хотя бы сочувствующих мне. Раз младший меня по возрасту тихий мальчик спросил:

- Ты чо такой, ходить не умеешь?

Я доверился ему и сказал, что долго лежал, лечился, потому что меня ударили палкой, отбили легкие и сломали позвоночник, и что находился в оккупации. Наивный тихий мальчик удивил меня своим вопросом:

- А за что тебя били, ты, наверное, что-нибудь
украл?..

Я понял, что рассчитывать на дружеские чувства даже этого малыша мне нельзя.

Шла, наверное, третья или четвёртая неделя моего пребывания в детприёмнике. За всё это время меня никто пока никак не обозвал в лицо и не тронул, только смотрели с усмешкой или презрением. Инстинктивно я старался избегать общения с более старшими и особенно с теми, кто творил беспредел. Их я, скорее, ненавидел, чем боялся. И всё - таки избежать участи слабого мне не удалось.

В умывальной комнате, когда я стоял и смотрел в окно, упитанный здоровяк, надев после умывания рубашку, подошёл ко мне.

- Куда смотришь, пацан, бежать, поди, собрался? Ну-ка, подверни мне рукава!

Я отказался. Тогда он ударил меня по лицу. Слезы сами собой покатались у меня из глаз.

- Фашист! - крикнул я изо всех сил.

Малыш, которому я рассказывал немного о себе, оказавшийся рядом, глядя снизу вверх на здоровяка, залепетал:

- Он в плену у немцев был... Зачем ты его бьешь?

Подошел худой и высокий подросток.

- Замри, Репа! Не видишь, как перья птенец взъерошил. В натуре, он горло тебе ночью пере-режет. Знал я одного, тоже был из плена. Голова-нушило под ребро загнал... Повернувшись ко мне, он криво улыбнулся.

- Прости, пацан, Репу, он тебя с кем-то спутал...

И все трое вышли из комнаты.

На другой день в полдень ко мне подошла администраторша.

-Иди, за тобой приехала мать.

Я вышел в коридор и бросился в объятия небольшого роста женщины, повиснув у неё на шее и прижавшись так крепко, что она долго не могла оторвать от себя моих рук.

На следующий день мы были в шахтерском городке Ленинске-Кузнецком, откуда когда-то меня, пятилетнего ребенка, повезла мама в Москву, на лечение.

Нахаловка

Что из себя представляла Нахаловка в войну в городе Ленинске-Кузнецком?..

Это огромные лога, переходящие из одного в другой, заполненные в основном землянками, стены которых складывались из дерна. Часто жильем почти полностью служило углубление в склоне.

В одну из таких лачуг меня, десятилетнего, но не умеющего как следует ходить, и привела мама с железнодорожного вокзала Кольчугино в мае 1943 года.

Однокомнатное, не считая сенцев, оштукатуренное и побеленное внутри жилище имело печь с лежанкой, две койки, разделенные лавкой и столом, и одно малюсенькое оконце. С низкого потолка свисала на коротком скрученном шнуре электрическая лампочка - единственный предмет, относящийся к цивилизации военного времени.

Было около полудня. У печки на табурете сидела смуглая, коротко стриженная, черноволосая девушка, лет семнадцати. Это была моя сестра.

Но ни я, ни она не бросились в объятия друг другу. Я её помнил ученицей, она меня - пятилетним ребёнком. И всё-таки я ожидал, что она хоть как-то меня приласкает, но этого не произошло ни в тот день, ни позже.

Помню, у ней я вызывал только раздражение. Бросив ФЗО, сначала она поступила в охрану, а через полгода её взяли на «ламповый» (военный) завод контролёром. Больше я о ней добавить что-либо, вспоминая то время, пожалуй, не смогу, так как присутствие её возле себя почти не помню.

К матери нежность и любовь никогда не ослабевала. Она всегда находилась рядом и как могла заботилась обо мне, не говоря о том, сколько кругов ада пришлось ей пройти в столице, прежде чем устроила меня на лечение.

К вечеру того дня появилась хозяйка, высокая, по возрасту такая же, как и моя мать, лет тридцати пяти, - и сын, года на три старше меня.

И мама, и хозяйка работали на пекарне, находящейся выше Нахаловки, за дорогой. В основ-

ном там делали сушки и сухари, которые отправлялись на фронт. Иногда работницы могли взять домой по две-три сдобных булочки. Пекли там и хлеб, брать его никогда и никому не разрешалось: охрана на проходной могла любого остановить, даже директора. Хозяйкина сестра за попытку пронести булку хлеба получила срок два года.

Недели через две после моего возвращения, ночью, пекарня вдруг загорелась и сгорела почти полностью. Выйдя на дорогу, что проходила выше лога, я видел обугленные стропила и стены предприятия, которое так было необходимо фронту и людям в тылу, живущим впроголодь.

После этого мать перевели в столовую ремесленного училища. Сначала работала посудомойкой, затем свиаркой той же самой столовой, только за полкилометра от неё.

* * *

С хозяйским сынком Колянком я не то чтобы подружился, но он понимал, что я очень слабый, и ни разу не обидел меня. А вообще-то, он был голу-

бятником, как и друзья его, которые приходили обычно днём, когда не было взрослых.

Голубей, три пары, он держал в большой деревянной клетке под потолком у лежанки. Иногда Колян с друзьями, поднявшись на заросший травой верх землянки, выпускал голубей на волю, свистя и размахивая шестом с привязанной к нему тряпкой. Где Колян для птиц доставал корм, являлось тайной.

В почёте был тот из голубятников, кто умел заманивать чужих голубей из другого района или даже из ближайшего другого города. Этим искусством Колян владел, что свидетельствовало из разговоров его с собратьями по увлечению. Позором было украсть или сманить голубя у кого-нибудь из своей компании. Тогда спор решал самый авторитетный из голубятников.

Иногда Колян, когда дома были только они я, лёжа на койке у лежанки, пел песни из воровского фольклора. Что это были за песни?.. Он пел, уставясь в низкий потолок, закинув ногу на ногу, а руки за голову:

*Возьмём палку мы большую
И пойдём наверняка:
Где купца в лапти обуем,
Где обманем дурака.*

Или:

*Я буду лежать под тюремной решёткой,
Я буду лежать умирать,
А ты не придёшь, не придёшь,
моя крошка,
Ласкать и к груди прижимать.*

Подобный репертуар для меня был нов. И хотя мне он не очень нравился, я не презирал за него Коляна. Лучших песен он, скорее всего, не слышал: ни репродукторов, ни патефонов в землянках не водилось. Главное, Колян не был злым. Он даже из-за голубей никогда ни с кем не спорил.

Позже, когда я жил с матерью и сестрой в другом логе, он, быстро выросший, несколько раз находил меня. Беседовал не долго. Но мне всё казалось, что он пытается выяснить, не обижает ли кто меня.

Когда я видел его в последний раз, то он уже был учеником слесаря на шахте.

Вероятно, оттого, что пятерым в маленькой землянке было всё-таки тесно, мама нашла квартиру в просторном, покрытом шифером доме. Хозяевами были две сестры, девятнадцати и шестнадцати лет, у которых мать внезапно умерла, а отец был на фронте.

В том доме посредине единственной, но большой и светлой комнаты стоял тоже большой квадратный стол, накрытый клеёнкой. И когда одна из сестёр дала мне чернильницу, ручку с пером и несколько чистых листов, то на одном из них я нарисовал партизана, увешенного пулемётными лентами, а на другом - написал письмо отцу, которое вместе с рисунком мать отправила через несколько дней на Дальний Восток, туда, где он отбывал срок наказания.

Пойти в школу в тот год я не мог: у меня не было ни обуви, ни одежды, а к тому же даже расстояние в полтора километра по скользкому снегу и через дороги мне было не одолеть. Один раз я

попытался выйти туда, где с горы каталась ребятня - меня сразу же сшибли тяжёлые самодельные санки с двумя пацанами. Им же пришлось и довести меня обратно, откуда я пришёл. Подобных вылазок больше я не делал, а мою ушибленную ниже колена ногу мама лечила горчичниками.

Однажды днём, когда я со своей больной ногой лежал на узенькой небольшой койке у двери и кроме меня в доме никого не было, в сенцах что-то загромыхало, и в комнату на коньках ввалился рослый парень. Это оказался тот самый полоумный мой двоюродный брат, благодаря которому четыре с половиной года я отлежал в Крыму и на Кавказе. Смеясь, он что-то мне рассказывал и в частности то, что пятнадцать километров - от самой деревни, в которой жил с матерью и сестрою, и до Ленинска - бежал на коньках. Он так же шумно исчез как и появился.

Я тогда вспомнил, как в пятилетнем возрасте, когда только что поступил в ялтинский санаторий и сильно болел, говорил главврачу Вере

Павловне, что когда вырасту, застрелю Димку из ружья за то, что он ударил меня палкой... Все изменилось: ненависти к двоюродному брату-здоровяку у меня не было. А сам он вёл себя так, словно никогда даже пальцем меня не тронул.

Странно... но всё это было так...

В доме том мы прожили всего месяца три: девицам не понравилось, что мама заносила из сенцев в комнату свою сырую робу свинарки - валенки с чунями и куртку. Наверное, на рабочем месте просушить их она не могла. Среди зимы мы уложили на санки свои немудрёные пожитки и возвратились вновь в район Нахаловки.

* * *

На этот раз землянка оказалась просторней. Стояла она в ряду с несколькими другими - у неширокой дороги, спускающейся вниз лога. У этих землянок, в отличие от примыкающих к склону, дёрном были выложены все четыре стены.

Хозяйка, небольшого роста, татарского обличья, имела троих мальчишек и дочь, живущую у

бабушки в деревне. Старший Мишка - примерно моих лет. Помнится в четвёртом (три брата и я) облепливали печку, на плите которой пекли нарезанные из картошки кругляшки. Полусырые печенки, чуть посыпанные солью, были для нас деликатесом. Кстати сказать, ни Мишка, ни его средний брат в школу, как и я, не ходили: тоже - нечего было надеть.

Мне запомнилось, как ближе к весне, начав побелку стен и потолка землянки, хозяйка, став на табурет и махая взад-вперёд рогожной щёткой, сначала напевала частушки, которые перешли в тягучую песню, а потом песня вылилась в слезы и невыносимые причитания: «Дорогой мой муженёк, да на кого ж ты нас оставил, жену свою и малых деточек!..» Вместе с ней заплакал и занял самый младший, лет пяти. Средний только насупился. Мишка и я выскочили в сенцы.

Похоронка на Мишкиного отца пришла за полгода до этого момента, а горе, может быть, впервые вырвалось из души с такой силой.

Жалко было Мишкину мать... Но судья не имел права на полное снисхождение к этой женщине, когда приговорил её к году исправительных работ за то, что получала хлеб на карточку семилетней дочери, в то время как ребёнок находился в деревне у бабушки.

Пришлось Мишке и его среднему брату узнать, что такое детдом, а младший - дожидался прихода матери, живя с сестрой и бабушкой.

* * *

О том, как повернулась Мишкина судьба, его матери и его братьев, я узнал после того, как мы полгода уже жили в собственной землянке. Появилась она у нас благодаря маминой изобретательности и её трудолюбию.

Работая свиаркой при столовой, она выпросила разрешение вместе с казёнными свиньями держать и поросенка, которого приобрела по осени за телогрейку, выданную ей как спецодежду. Весной, в мае, она взяла меня в помощники, и мы

повели крупного, откормленного борова на базар. У нас его купили ещё по дороге на толкучку.

Вырученную сумму не стали тратить ни на одежду, ни на обувь.

Как давно мечталось маме, на все те деньги и ещё деньги, полученные ею в кассе взаимопомощи, - приобрести собственную землянку.

Маленькое жилище, с сенцами, кухонькой, спальней и тремя окошками, - явилось настоящим счастьем. Землянка была врыта в самый верх крутого лога, по счёту третьего от того, где мы жили сперва. Справа, слева и ниже располагались врытые и неврытые подобия избушек. На противоположной стороне лога, кроме землянок, можно было увидеть два невзрачных деревянных дома. Однако на общем сером фоне - они выделялись: крышами и крашеными наличниками окон.

* * *

Выше нашей землянки, метрах в трехстах в сторону широкой дороги, ведущей на железнодорож-

ный вокзал, возвышался полуразрушенный копер давно заброшенного засыпанного шурфа.

Почему, не знаю, но вблизи этого копра, словно на обусловленном издавна месте, в самое жаркое время лета, вечерами, собирался так называемый «сабантуй», то есть приходила чуточку принаряженная самая ранняя молодежь - парни и девушки - потанцевать под гармошку, сплясать, провести время. Никакой клуб, никакая танцплощадка не могли заменить «сабантуя». Здесь были все свои, с одной Нахаловки.

Вертелась там и босоногая ребятня, завидуя старшим. И меня туда тянуло. Больше всего мне нравились студенты и студентки, одетые в форму горного техникума. Они приезжали на каникулы. Их тоже, как и других, звали волнующие переливы гармонии; долетавшие не только до ближних, но и дальних землянок.

Гармонисты были разные. Я их не помню. Но без них не существовало бы традиции, скрашивающей неласковые будни.

В то время у меня появился самый неразлучный друг - небольшой, чёрно-белый дворняга Бобик. Перед его появлением я притаскивал домой, в землянку, щенков; но первого - похожего на только что родившегося белого медвежонка, когда он выбежал без меня, - убил «блятяга», проколов насквозь стальной тростью.

Второй щенок был рыжий, из гончих. За то, что он лаял и бесился, его увела с собой на ламповый завод сестра, когда пошла на работу.

Естественно, каждый из этих случаев мною остро переживался. Но в своей страсти я был неутомим.

Третий - Бобик - оказался похитрей: он прятался ото всех, кроме меня, и даже не скулил. А когда подрос, недоброжелатели подойти к нему боялись - он свирепел.

Кроме меня, он любил маму и встречал её за полкилометра, когда она вечером шла с работы, неся в небольшом бидончике то, что осталось от пищи для свиней.

Самым заветным в городе уголком был для меня - еще не тронутый ни топором, ни пилой - Журинский лог. Он представлял из себя берёзовую рощу, рвущуюся вверх из огромной, одновременно глубокой и пологой чаши, местами с крутыми холмиками. Между кронами белоствольных берёз небо там казалось синее, чем в каком-либо другом месте. Весь лог устилало шелковистое разнотравье, а по самому дну кое-где выбивались родники; хрустальные ручейки текли, убегая неизвестно куда по мелким и крупным камушкам, журча и позванивая. Припасть к студеным струям любого из таких источников доставляло мальчишкам наслаждение.

По весне и всё лето там пестрело такое разнообразие цветов, что по ним можно было, наверное, изучать флору - конечно, с учителем, - не заглядывая в школьную ботанику.

Кое-кто из моих друзей, лишь сойдет снег, ходил туда за берёзовым соком. Мне не хотелось даже с перочинным ножичком подходить к берё-

зам. С разных мест я только смотрел на них. Мечталось перенести их на бумагу, но у меня не было ни альбома, ни красок, ни даже простого карандаша.

* * *

В Нахаловке почти все пацаны играли в карты. Я тоже научился. И однажды выиграл в «буру» «десять кусков» (тысяч) у братьев - Васька и Феди. Конечно, это было не всерьёз. Я всё скостил, получив лишь увеличительное стекло, которое через несколько дней вернул:

Скоро интерес к картам у меня пропал, но когда просили, мастерил новую колоду, как это бывало не раз раньше. Требовалось для этого немного: плотная бумага, кусочек помады и мыло, не считая сажи. Трафареты я вырезал лучше, чем кто-либо другой, и карты получались не хуже настоящих. За всё это, хотя был небольшим и очень плохо одет, в компаниях пацанов считался своим.

Друзей у меня было предостаточно. Все они жили в одном со мною логу. Виделись мы почти ежедневно. Друг другу кличек никогда не давали, а просто по приятельски звали: Володчик, Валек, Миха, Колян и так далее. Собирались чаще всего у Петчика. Жил он в сколоченной из отработанных шахтёрских стоек избе, что стояла на противоположной стороне лога, внизу, справа.

Петчик бросил пятый класс, хотя учеником, говорили, был способным: решил зарабатывать деньги, обучаясь мастерству часовщика у своего дяди. Иногда соседи приносили ему сломанные ходики, и он, практикуясь, чинил их бесплатно. Он был талантлив во многом, но особенно - в игре на балалайке, которая собирала иногда вечерами на лавочке и у крыльца его дома не только пацанов, но и уже взрослых парней и девочек.

У него были большие и серьёзные глаза. Я не помню, чтобы он когда-нибудь смеялся. Играл он то весёлые, то грустные мелодии народных песен,

то бесчисленные вариации «цыганочки». Под его балалайку никогда не плясали. Её с замиранием и восторгом слушали. И всё-таки не могло обойтись без не менее мелодичных, чем струны, тонких девичьих голосов.

Это тогда я услышал впервые: «Вдоль по улице метелица метёт...», «Светит месяц, светит ясный...», «Мы на лодочке катались, золотистый, золотой...». От звуков каждой струны и девичьего голоса хотелось и смеяться, и плакать одновременно.

Для ребятни эти совершенно случайные вечеринки были праздниками, несмотря на то, что некоторым, поздно вернувшимся домой, от матерей попадало.

* * *

Осенью сорок четвёртого я пошел в четвёртый класс. Обут я был в кем-то выброшенные ботинки. Одет в подобранную на какой-то свалке изношенную телогрейку. Что у меня были за рубашка и штаны - не припомню и даже представить себе

не могу, вероятно - что-то из перекроенного и перелатанного.

Наверное, вид мой вызывал жалость, и видимо, не случайно, когда однажды шел в школу, меня остановила средних лет, неплохо одетая, но очень печальная женщина и тихо, растягивая слова, произнесла:

- Деточка, ты, случайно, не сиротка? Может, ко мне жить пойдешь? Тебе будет у меня хорошо...

Её необыкновенная доброта и глубокая печаль испугали меня. «Сумасшедшая!» - подумал я тогда и скорее поспешил ответить:

- Тётяшка, я не сирота! Живу с мамой...

Отошел - не оглядываясь, боясь встретить невыразимо грустный взгляд. Мне самому её следовало бы пожалеть, но больше я её не встречал...

В школе мне лучше всего давались изложения, к тому же я хорошо рисовал. Зато по математике на первых порах раза два оставался после уроков для дополнительных занятий - сказался двухгодичный отрыв от учебы.

К двадцать седьмой годовщине Октября почти весь наш класс приняли в пионеры. После торжественной части - угощали пшённой кашей и сладким киселом с кусочком хлеба. Для многих, как и для меня, это был пир.

Однако в памяти живут и не столь приятные минуты.

Когда я только что пошёл в четвёртый класс и был ещё очень слаб, отдельные, злые, из другого класса мальчишки порой обзывали меня то «калекой», то «чуркой с глазами». Я на них не обижался: они не видели того, что довелось видеть и пережить мне.

Обиднее было, когда один раз меня, опоздавшего на урок, физрук, встретив в коридоре и решив повоспитывать, скомандовал: «Беги!!!». Но я тогда, еще плохо ходивший, бегать не умел совсем. Если я наклонялся вперёд для бега, то падал. Физрук скомандовал вторично, и более грозно... После падения, я встал и, прислонясь к стене, заплакал от того, что взрослый человек не понимает, кого заставляет бежать...

К последней четверти я был уже не тот: при ходьбе научился ставить ногу не на пятку, а на всю ступню и при этом - меньше дергал плечами. Я уже настолько окреп, что даже ходил километра за три на породные отвалы, выбирал там уголь и тащил тяжёлую сумку домой. И случалось это не раз, когда запас выписываемого угля подходил к концу. Часто я выстаивал и очередь за хлебом, который получали по карточкам.

Выполнение ежедневных необходимых дел меня не бросало в уныние. Война к тому же подходила к концу. Уже встречались колонны пленных немцев, сопровождаемые военными.

Иногда группы расконвоированных чужеземцев (по двое, по трое) что-нибудь покупали или меняли на базарчике, что находился за Нахаловкой, у бани; базарчик из-за этого стали называть «немецким». Неприглядный вид лопочущих не на русском языке жалости во мне не вызывал.

Больно было увидеть одного молодого дезертира, которого земляки ругали и пытались ударить, когда его вели уже арестованного.

День Победы - 9-е Мая, я запомнил хорошо. Ночь была тёплая. Ещё задолго до восхода солнца соседка-самогонщица, выскочив из землянки, заголосила, разбудив, наверное, треть Нахаловки:

Вот и кончилась война,

Вот и Гитлеру капут.

Скоро временные жёны

Как коровы заревут.

Большинство проснувшихся не могли понять, что случилось. С ответом Федорка (так звали соседку) не заставила ждать.

- Бабы, война окончилась!!!

Откуда она это раньше всех узнала, было непонятно. Может, думали, из милиции кто в ту ночь у ней самогонку пил, а те про все знают... Во всяком случае - поверили: кто плясал, кто плакал...

А потом народ повалил на главную улицу - проспект Кирова, откуда вырывались отдельные слова митингующих и многократное: Ура-а-а!...

Для ребятни радостно было ещё и то, что день выдался синим, солнечным, теплым. Из центра города до самого вечера доносилась музыка.

В тот день небольшого роста молодой старшина, квартирующий у нас с неделю после госпиталя, видя в каких я лохмотьях, подарил мне свою нижнюю рубашку.

- Мелочь, благодарить не стоит, вернусь в часть - голым не оставят, - балагурил он, смеясь.
- Отдал бы тебе и ремень, да у тебя ведь его всё равно блатные отнимут...

Это была правда. Ещё по осени другой квартирант, переселённый откуда-то, пожилой и очень тихий, работавший кузнецом при шахте, подарил мне жилетку. С меня её сняли, как только я вышел в ней и отошел метров за триста от землянки: свалив подножкой, вытряхнули из неё. Ходить в «правилке» (жилетке) с рубашкой на выпуск и в «прохорях» (хромовых сапогах) было привилегией воров в законе. Я этого не знал... Но это было осенью.

9-го Мая, целый день, ничто не омрачило праздничного, радостного настроения. Радовались все. Я думаю, что даже злые люди - в тот день были добрее.

Лето сорок пятого из всего моего детства осталось в памяти самым веселым и беззаботным. Мне исполнилось тогда двенадцать лет и я чувствовал себя вполне здоровым, ничем не отличающимся от других огольцов.

Окончив четвёртый класс, я часто уходил с соседским, чуть постарше меня мальчишкой, с лохматыми белёсыми волосами и такими же белёсыми бровями, Юркой Ворониным, пасти коров и коз на широкие луга в сторону лампового завода. Играли там в «ножичек»; нравилось мне также щёлкать длинным бичём, совсем не по коровам, а просто так. Для того, чтобы получался оглушительный, сотрясающий воздух щелчок, надо было научиться посылать бич сильно и с оттягом, а кроме того, к скрученному из полосок кожи концу приплетался пучок волос от конского хвоста...

Повальным в то время было увлечение игрой в бабки. На пыльной дорожке, на самом дне лога, выставлялись фигурки костяшек в ряд, а потом,

отступив метров за тридцать, сбивали их, каждый своей битой. У тех, кто выигрывал, бабок было полные карманы и ещё за пазухой. В этих играх я хотя не преуспевал, но старался участвовать.

Любил я и с двумя-тремя товарищами просто бродить по разным местам города - от элеватора до какой-нибудь шахты. Ходили и к кинотеатру, проникая иногда в кинозал без билета.

* * *

Конечно, жизнь и с окончанием войны, даже вдали от разрушенных городов, была противоречива и сурова. Но мы, дети, наверное, непосредственной, озорнее, чем взрослые, радовались солнцу, речке, поляне, яркой осени, первому снегу.

Учёба в пятом классе не отнимала у меня особо много времени. Поэтому я продолжал участвовать в самых различных развлечениях мальчишек и старше, и моложе меня по возрасту...

С приходом первой послевоенной зимней поры мы, неунывающие граждане Нахаловки, искали

самые крутые, свободные от заселения лога (таких тоже было немало) и катались кто на чём, а в основном на лыжах и обязательно через трамплины.

И мне, в заплатах телогрейке и в кое-как подшитых валенках, на своих коротких, но отлично скользящих лыжах-самоделках, подражая самым отчаянным, иногда удавалось не упасть...

Я добирал от детства то, что не имел возможности получить ранее. Каждый день открывал для меня что-то новое. Мир, несмотря на все его темные пятна, казался радужным и радовал. Что говорить, после всего, испытанного до этого, я был по-детски счастлив, Нахаловка для меня была самым чудесным местом на Земле...

На этом Серёжка Деревцом закончил свою невыдуманную коротенькую повесть. Из тридцати четырех случайно доставшихся ему чистых листов остались не исписанными три с половиной страницы. Может показаться, что у его рассказа нет

конца. Да есть же!.. Все, что просилось вылиться из души подростка - вылилось: и трагедия его раннего детства, и трагедия военного времени - все сплелось воедино и пришло (пускай относительно) к благополучному финалу. Вот - и начало, и конец.

Желание писать - у Серёжки пропало. Последующие события не просились на бумагу. Он не взял бы ни ручку, ни карандаш - даже появился у него сто чистых листов. Но тетрадь, с которой не расставался полтора месяца, он не пожертвовал на растопку «буржуйке», а закинул её в дальний угол нижнего ящика некрашеного комода, откуда ежедневно брал и снова возвращал на место свой тонкий матрас, маленькую подушку и лоскутное одеяло.

ВЕСНА И ЛЕТО 47-20

Новые видения подростка

В последних числах апреля, вечером, Анастасия пришла домой расстроенная: на работе ей передали, что муж её вернется из командировки не раньше июня. На глазах её были слёзы - видно, она плакала всю дорогу, пока шла. Переступив порог избышки, она, не раздеваясь, села к столу и через минуту запричитала: «Да в чём же я так провинилась перед Господом Богом? За что он меня так жестоко наказывает?... Десять лет ждала подлеца, и вот опять его нет полгода. Да на что она такая мне жизнь!..»

- Мама, успокойся! Ну, пожалуйста! Ну, успокойся! - одну и ту же фразу повторял Серёжка.

Он несколько не скучал по отцу, не успел даже привыкнуть к нему и чувствовал себя неуютно в его присутствии, словно кто-то из них был лишним,

особенно, когда перебрались в маленькую, на скорую руку сколоченную избушку-засыпуху. Но ради матери он подружился бы с вдруг появившимся отцом, если б тот не пил и хотя бы чуть-чуть его понимал.

- Мама, разденься! Давай пить чай! - продолжал уговаривать Анастасию сын.

Женщина как будто бы опомнилась: встала, сняла шаль и плюшевое полупальто.

- Чей-то я?.. - улыбнулась она. - Ну его к чёрту! Всё горе не перегорюешь!..

Кого посылала к черту мать, Серёжка не понял: то ли-отца, то-ли горе. Да ему и не нужно было это понимать. Мать успокоилась - и он был доволен. Скучный ужин, из овсяной каши и чая с комочком сахара, окончательно восстановил равновесие в настроении Анастасии, и она, словно после тяжёлой физической работы, как только в темноте разделась и легла на свою койку, сразу уснула.

Серёжка вовсе не устал за день. Теперь, когда снег растаял и весна вступила в свои права, пилить

пеньки требовалось раза в три меньше, чем зимой. Может быть, поэтому ему не спалось.

Он встал с раскладушки, подкинул несколько поленьев в «буржуйку», сел за стол к окну и откинул занавеску: широкий месяц нырял из одного облака в другое, временами высвечивая пустырь и за дорогой силуэт строящейся школы. Серёжка долго следил за месяцем, играющим непонятно с кем в прятки, пока огромная чёрная туча не прервала игру. За окном и внутри засыпухи стало совсем темно.

Решив, что ему не спится из-за неудобной раскладушки, Серёжка перелёг на топчан, давно скупающий по неизвестно где пропадающему старику Казакову. Но спать ему всё равно не хотелось. Он стал думать о человеке, которого с болью в душе ждала мать и отсутствию которого рад был Серёжка, чтобы не называть его папой.

Что из себя представлял отец, узнал он только в тринадцать лет, то есть всего даже менее года назад, когда тот после десяти лет лагерного зак-

лучения прибыл в сибирский послевоенный городок, чтобы увезти из него мать, сестру и его, Серёжку.

Снова в памяти, как продолжение оконченного им недавно повествования, отчётливо выплыли: глубокий лог и землянки Нахаловки... хотя и облачный, но весёлый и беззаботный июньский день... Да разве мог он быть другим для мальчишки, перенёсшего длительную болезнь вдали от дома, немецкую оккупацию, а теперь уже три года живущего с матерью и который закончил, не имея учебников, пятый класс?

В тот день на самом низу лога Серёжка, босой, в заплатанных штанах и в армейской нижней рубашке, подаренной ему старшиной, вместе с компанией, мало чем отличающейся по виду от него, играл в бабки. Он только что подбил своей чугунной отполированной битой несколько бабок и хотел их бросить за пазуху, так как у штанов карманов не было, когда к нему с верха лога, как будто упав с неба, подбежал

беловолосый Юрка Воронин, с соседней, чуть выше стоящей землянки, сын пастушки.

- Иди скорей!... Отец твой вернулся! - крикнул он, думая, что отец приятеля - фронтовик.

Оба подростка одолели подъем, наверное, в полминуты, и когда, ворвавшись в землянку, остановились на пороге, то увидели в двух шагах сидящего у стола лет сорока мужчину, смуглого, с густым без седины чёрным ёжиком, в японской цвета хаки спецовке. Светлокарие глаза из-под прямых бровей смотрели чуть насмешливо.

Серёжка думал, что отец сразу узнает его, встанет и обнимет. Но он смотрел то на крепкого, высокого, с белёсыми лохматыми волосами Серёжкиного друга, то на него, рядом стоящего, щуплого, стриженного наголо, больше похожего лицом на свою русоволосую мать, чем на него.

- Ну и кто же из вас мой сын? - произнёс он с иронией.

- Я... - смущаясь, не сразу, ответил Серёжка.

Это «я» не вызвало у отца абсолютно никакой радости. Он отвернулся и стал разговаривать с матерью, не обращая больше внимания на пацанёнка, присевшего по другую сторону стола, на свою койку у окна.

Потом, когда Юрка, поняв что лишний, скрылся за дверь, отец посмотрел на совершенно ему неизвестное существо и произнёс: «Ты испорченный, потому что рос без отца! Теперь я возьмусь за твоё воспитание!..»

У Серёжки первоначальную радость сменил страх. Было обидно и непонятно, в чём он подозревается человеком, который его не знает, и зачем эта, явно прозвучавшая в его словах угроза. Уже в тот самый момент подросток остро ощутил, что ему трудно будет неласкового незнакомца называть папой.

Сбегав к соседке за самогонкой, мать весь вечер суетилась между печью и столом. В беседу между ней и отцом иногда вклинивалась и сестра. (Работая на ламповом заводе по скользяще-

му графику, в тот день она находилась дома). И только он, Серёжка, не был включён в их общий разговор.

Часам к двенадцати ночи выпитого отцу показалось мало, и как мать ни отговаривала его, изрядно пьяный, он всё-таки собрался идти за водкой в ресторан на вокзале.

- Ну иди, - сказала мать, - возьми только с собой Серёжку.

Она подошла к полуспящему сыну.

- Иди с отцом, а то он чего хорошего упадет где-нибудь.

- Мам, там же дождик идёт, а я ботинки выбросил - у них подметки отлетели.

- Сходишь и без ботинок. Не сахарный... Да прошёл он уже, дождик-то...

До вокзала было километра четыре.

Отец шёл не быстро, в развалку, пошатываясь; он был среднего роста, и шаги его были средние; и всё же Серёжка за ним едва поспевал, шлепая босыми ногами по лужам и скользя по расплыва-

ющей­ся грунтовой доро­ге. По сравне­нию с отцом, он по­хо­дил на бегу­ще­го за хо­зяином щенка; но в пер­вом ча­су но­чи да­же встре­чный, слу­чай­но по­я­вив­шись, не смог бы это­го за­метить - так бы­ло тем­но...

По­сле этой но­чи отец пил е­ще три дня, а его об­ре­тён­ный сын ле­жал на сво­ей койке с тем­пе­ра­ту­рой...

Через пол­ме­сяца Серёжка на­всег­да рас­про­сти­лся с дру­зьями по На­халовке, а Юрке Во­ро­нину да­же на­пи­сал два пи­сьма, од­но - ко­гда то­вар­няк, в ко­то­ром е­хали Деревцовы, ми­но­вал Бай­кал, вто­рое - ко­гда при­были в боль­шой, стро­ящий­ся да­ль­не­во­сточ­ный го­род...

... По­дросток при­под­нялся на топ­чане, об­ло­ко­тился на ма­лень­кую по­душку, и стал при­по­ми­нать пер­вый день при­бытия в Амурск.

Стран­ным в но­вом го­роде, пре­жде все­го, по­ка­зался вокзал. Он был бревенчатый, но гла­вное - с вы­ги­баю­щи­ми­ся ре­зны­ми кар­ни­зами - в древ­не­во­сточ­ном сти­ле. Сто­яла уг­не­таю­щая сы­рая жа­ра,

с непроходящей сплошной облачностью, что тоже было необычно и к чему надо было привыкать.

Комнату сняли на индивидуальном поселке Мылки, в большом доме, с недостроенной крышей и протекающим потолком. Было голодно. Кроме продуктов, получаемых по карточкам, ничего больше не было.

Пока отец был на работе, а после неё еще строил из отлета засыпуху на пустыре, Серёжка с матерью приноровились торговать на базарчике, в километре от вокзала, и не чем-нибудь, а водой. Дальневосточная жара - почти тропическая. И хотя воду на базарчик таскали и другие, всё равно - в конце дня мать и сын приносили домой булку хлеба и одну, а то и две рыбины - горбуши.

Серёжке не нравилось это занятие, но всё-таки он испытывал чувство удовлетворения от того, что зарабатывал деньги - и не для одного себя. Через неделю он уже один, без матери, приносил домой хлеб и мятые рубли.

Но вдруг полил не прекращающийся несколько дней дождь. На базаре стало делать нечего, а зна-

чит и рассчитывать, кроме пайка по карточкам, было не на что.

Поздно вечером пришел отец.

- Иди-ка сюда, - позвал он Серёжку. - Дорогу от Мылок до вокзала знаешь. Так вот, дойдёшь до перекрёстка, справа будет Амурлаг (квартал), выйдешь на пустырь, метров через триста перешагнешь через железнодорожную ветку и сразу натолкнёшься на стены - они низкие и ещё не засыпаны шлаком. В одной из них я оставил хлеб, кусок, завернутый в тряпку. Принесёшь его. Иди быстрее!..

Серёжка вновь, как с отцом ночью в Ленинске, торопясь, скользил босиком по расплывающейся глине, а выйдя на широкую дорогу, царапал подошвы ног о разбитый асфальт. И расстояние было примерно такое же, километра четыре, и темень - такая же непроглядная, как тогда, и дождик накрапывал так же.

Он нашел строящуюся избушку, но сколько ни шарил в темноте руками по внутренностям стен,

по всем углам и недостеленному полу, хлеба не обнаружил.

Серёжка промок, и чтобы согреться - скользя и спотыкаясь, бежал почти до самого дома.

Встретила его мать.

- Ну, что? Принёс хлеб?

- Искал я... не нашёл, - стуча зубами, ответил сын.

- Да врёт он, мать! - раздался голос отца. - Никуда он не ходил. Лучше бы сказал, что побоялся.... Паршивец!

Свет во всех комнатах большой избы уже был выключен, и никто не видел, как Серёжка, скинув мокрую куртку и штаны, глотая слезы, лёг на постеленный матерью в углу на пол матрац.

Отец не хотел признавать в нём неглупую, много пережившую и честную личность, хотя и физически маленькую...

Следующий эпизод был ещё более диким. Его Серёжка вспоминал каждый раз с отвращением, с напряжением всех мышц в теле:

... После дождей, вновь выдался жаркий день. Было, наверное, воскресенье, потому что часам к трем Серёжка уже наторговал водой на хлеб и на рыбину. Кроме того, у него еще оставались деньги, а один червонец торчал из нагрудного кармана куртки.

Когда же он, вернувшись с базара, заскочил на крыльцо, двадцатилетняя сестра, которая никогда с ним не церемонилась, выхватила торчащую десятирублевку. Серёжка хотел её отобрать - ведро, упав, загремело, вылетел хлеб и рыба. Появился отец и больно, изо всех сил, рванул сына за ухо. Подросток в припадке обиды, схватив ведро, закинул его в огород и - выскочил за ворота. Он бежал от Мылок в сторону вокзала, а когда обессиленный остановился, то увидел, что оказался снова на базаре.

Жить ему не хотелось. Такого унижения, казалось - он не испытывал ни разу. Он подошел к бабке, торгующей спиртом. Та, увидав деньги, быстро налила рюмку. Он выпил два раза по сто: внут-

... Только в пятом часу, когда монотонно, убаюкивая, зашуршал дождь, Серёжкины видения, которыми он не поделился бы даже с тетрадью, постепенно от него удалились, словно занырнули, как месяц, в чёрную тучу, и мозг его погрузился в сон.

Выдворение «буржуйки»

Числа двадцатого мая, в полдень, вернулся откуда-то Казаков. Открыв дверь, он произнёс:

- Можно? Ну, как вы тут? Живы?.. Здоровы?

На продолговатом лице, кроме ржавого цвета усов, у него появилась редкая с проседью борода.

- Входи, входи! Что нам-то? Мы на месте! - обрадованно воскликнула Анастасия, повернувшись к гостю и оставив пилу в руках Серёжки, с которым пилила изогнутое корневище. - Где пропал-то?..

Серо-водянистые глаза старика смеялись.

- Да не пропал я! Хоромы телятам строил в колхозе... а если по правде - полы перестилал. Да ещё печь им в медпункте переложил... Я, вообще-то, собирался порыбачить. Откуда не возьмись -

друг... на вокзале, вместе когда-то плотничали. Он меня и уговорил в «Зарю» податься. Километров сорок отсюда... Много у них не заработаешь, кормили зато неплохо.

- Ты хоть бы нам печь-то выложил что ли, - сев к столу, произнесла Анастасия. - Расчитаемся - Алексеич вернется. От «буржуйки» никакого толку, сгорим когда-нибудь с ней!..

- Какой разговор, Настасья! Хоть завтра! - снимая с плеч рюкзак и садясь на топчан, весело ответил Казаков. - Только ведь из воздуха печь не сложишь, нужен кирпич...

Упорства в выполнении задуманного Анастасии Григорьевне было не занимать: полмашины кирпича, на треть битого, свалили возле засыпухи на четвертый день. И в тот же день Серёжка и мать выволокли из избушки «буржуйку». Подростку даже стало жалко её - всё-таки целую зиму она изо всех сил, излучая из себя жар, старалась не дать замерзнуть ему и матери в засыпухе, подвергаемой неистовым ветрам и морозу.

С раствором проблем не было: глина желтела под ногами, а цементу и песку требовалось так мало, что не отказали на ближайшей стройке.

Было почти жарко, когда Серёжка, выкопав яму, замешивал вместе с матерью раствор, а Казаков, надев прорезиненный фартук и рабочие рукавицы начал творить то, что не умели ни Анастасия, ни её сын, что, может быть, во всем большом строящемся городе умели делать не сотни людей, а только десятка два.

Кельма Казакова стучала три с половиной дня. Могла бы стучать и меньше, да духовку приобрели не во время.

«Трехходовой» назвал Казаков печь, когда выводил трубу. Это значит, объяснял он Сережке, что дым повернется три раза вокруг оси, прежде, чем вылететь наружу.

Детище Казакова, лишь чуть оно обсохло, испытали огнём на способность греть и не дымить.

Анастасия была в восторге, радовался и Серёжка. Доволен был и старик, и всё-таки через двое

суток он затосковал по самому любимому занятию - рыбалке и, собрав в рюкзак всё, что было необходимо, рано утром, не прощаясь, исчез неизвестно куда и на какой срок.

На избавлении от «буржуйки» Анастасия не успокоилась. Заодно она решила оштукатурить засыпуху, хотя бы только изнутри. «В этом деле, - говорила мать Серёжке, - мне помощники не нужны. По молодости мы с Алексеичем и его стариками дом в Кургане строили. Весь его только я и штукатурила. Чуть не месяц на это ушло. А в этой-то избушке в перерывах от работы в мастерских, поди, за неделю всё замажу».

Серёжке выпало - только заготавливать дранки из напиленных чурок и прибивать их крест на крест к стенам и потолку. Между делом он смастерил игрушку - «физкультурника», с головой, с руками и ногами, который вертелся на двух нитках, как на турнике, когда нажималась нижняя часть двух лучинок с попереченкой посередине.

Мать, увидав игрушку, похвалила сына.

- Вот бы наделал их... да на базар!

Серёжка удивился.

- Торговать игрушками? Нет уж - лучше водой, только не игрушками!...

Венцом всех работ, после штукатурки, явилась побелка; и сразу мрачная единственная комната засыпухи превратилась в маленькую, но сияющую светом палату, с побеленной печью, сотворенной стариком Казаковым по всем правилам печного искусства.

В такой избушке приятно было Серёжке сидеть за столом у окна, когда он оставался один, на чём-нибудь рисовать или писать, а то и просто думать о том хотя бы, что теперь зимой не потребуется столько дров, сколько поглощала железная круглая «буржуйка».

Счастье - не в рубашке...

Однажды в жаркий день на шумном, пыльном базарчике Серёжка, бегая босиком через каждые полчаса на привокзальную колонку за холодной

водой, наторговал достаточное количество рублей, чтобы принести домой что-либо из еды. Было - около пяти. Он уже искал глазами, где и кто продает хлеб и рыбу, как к нему подошел рослый парень, лет двадцати пяти, с добрым лицом, с сумкой в руках.

- Я вижу на тебе - нижняя рубашка, да и та скоро расползётся. Купи - настоящую, с замочком.

И он вытащил из сумки красную, шелковую, с мелким замочком тенниску.

У Серёжки радостно застучало сердце. Таких рубашек он не только не носил, но и не видел. Он надел её, и хотя она оказалась ему чуть-чуть великоватой - отдал почти две трети денег, которые наторговал водой.

Взяв в руки пустое ведро, Серёжка хотел уходить, но парень остановил его.

- Купи ещё кепку, как раз будет тебе.

Вытащив из сумки серую восьмиклинку, он назвал цену за неё.

У Серёжки осталось денег на половину меньше того, что просил парень.

- Ладно, давай сколько есть, - сказал добрый с виду незнакомец и бросил кепку в Серёжино ведро.

Жара немного спала, но солнце на июньском безоблачном небе ещё не собиралось уходить с него. В природе было всё прекрасно, но первоначальная радость в груди подростка сменилась угрызением совести. Я эгоист, истратил деньги на себя. Что скажу маме, придя домой?

Не доходя до избушки, он свернул к зарослям дикой малины, шиповника и ещё каких-то кустов и забросил туда по дешёвке купленную восьмиклинку, тем самым наполовину облегчив груз кажущейся вины.

За покупку мать Серёжку не ругала.

- Носи, рубашка красивая...

Совершенной неожиданностью было то, что произошло на другой день.

Только он часам к двенадцати в той самой красной рубашке и с ведром воды появился вновь на базаре, как на него налетела толстая тётка; оп-

рокинув ведро с водой, она в один момент вытряхнула подростка из рубашки, оставив по пояс голым. При этом заорала:

- Проклятый воришка!

- Что вы, тетя? Я рубашку купил, - возмутился Серёжка.

- Купил, говоришь? Я тебе сейчас всю морду разобью!...

Заступились две постоянных пожилых торговки.

- Да мы сами видели, как он вчера покупал рубашку. Что ты, баба, сбесилась что ли? Отстань от мальчишки.

В тот миг Серёжке было уже не до торговли водой. Он не так испугался, как вознегодовал: Такой добрейший по виду парень!... Как он мог обокрасть сначала тетку, а потом обманом забрать деньги заработанные на жаре... и у кого? ... у голодного, босоногого оборвыша. Какая подлость!

«Подлость... подлость» - это слово не сходило с губ подростка, пока он чуть ли не бежал с базара домой.

Когда он, босоногий, в изношенных фланелевых штанах, без рубашки и с пустым ведром переступил порог засыпухи, то увидел сидящую за столом сестру Зину. Угольные глаза её расширились, но она промолчала.

Серёжка, не поздоровавшись, спросил:

- Где мама?

- Карточки пошла отоваривать, - лениво ответила сестра и отвернулась...

Сестру Серёжка не видел уже полгода. Она сразу же, как только в декабре отец уехал в командировку, устроилась на пекарню военной части. Спустя, может быть, неделю, познакомилась с лейтенантом-грузином и перешла к нему в общежитие.

Подробности, как она там жила, Серёжка не знал, да они его и не интересовали; но он помнил, что когда перед Новым годом, после нескольких дней голодовки, мать подошла к воротам пекарни в надежде получить из рук дочери хотя бы кусочек хлеба или булочку, - Зинка, взяв под ручку «хахалья» (как выразилась Анастасия Григорьевна),

прошла мимо неё. С Серёжкиных губ, когда он это вспомнил, вновь слетело невольно: «Подлость!»...

Он, поставив пустое ведро под топчан, надел свою прежнюю нижнюю рубашку и, не сказав ни слова сестре, выскочил из избушки.

Серёжка бродил до самого вечера...

Сначала он пошёл по железнодорожной ветке к вокзалу. Вновь свернул к базару, но заходить на него не стал, только издали посмотрел, как несколько мальчишек поили за рубли страдающий от жары люд. Немного посидел на каком-то пенёчке и про себя решил, что на проклятом базаре он больше не появится.

Через час вернулся на пустырь к засыпухе. С минуту постояв на линии, решительно повернул в сторону почти полностью отстроенной большой кирпичной школы, а затем отправился в район Амурлага, где было много красивых многоэтажных домов.

Серёжка шёл то по деревянным тротуарам, то по асфальтированным дорожкам, с одной, а то и

с обеих сторон которых стояли огромные сосны и лиственницы -вперемешку с берёзами.

Проходя мимо одного из домов, подросток неожиданно увидел на уровне первого этажа вывеску из крупных букв: «БИБЛИОТЕКА». Сразу в его голову залетел вопрос: когда в последний раз читал он какую-нибудь художественную книгу? Припомнил: это было пять лет тому назад, в Теберде, оккупированной немцами; даже школьные учебники за все это время и те попадали в его руки очень редко: их в классе давали один - на пять, на десять учеников...

Серёжка открыл дверь библиотеки, прошёл через тамбур и оказался в явно тесном для книг помещении. За стойкой сидела пожилая полная женщина с седыми волосами.

Видя, что подросток молчит, она спросила:

- Что тебе, мальчик?

- Можно взять какую-нибудь книжку? -нерешительно проговорил Серёжка.

- А ты записан?

- Нет.

- Принеси паспорт отца или матери...

Выйдя из библиотеки, Серёжка ещё долго шатался по Амурлагу, изучая район. Он рассматривал дома и думал: «Вот ведь есть счастливые люди, которые живут в квартирах этих домов. Кто они?... У них, конечно, есть дети и совсем маленькие, и такие, как он. Только вот ему почему-то никто не разрешил жить так, как эти дети»

Он стал вспоминать: был ли он когда-нибудь счастлив?.. И удивился тому, что счастливым, кажется, он себя ощущал в то время, когда лежал в гипсовой кроватке в Крыму перед войной, да ещё в последний год на Нахаловке в городе Ленинске, пока не приехал отец...

Устав бродить, Серёжка в восьмом часу направился в вагонные мастерские и пришёл домой вместе с матерью, по дороге рассказав ей о том, что на базаре тётка стащила с него краденную рубашку.

Анастасии Григорьевне явно было не до оплошности сына.

- Чёрт с ней, с рубашкой, счастье не в ней, - сказала она, - будут у тебя ещё они. Вот дочка-то - хороша!... Нажилась с лейтенантом. Попросили из части. Сказали: не положено... посторонняя.

Сестра Зина

Неизвестно где, но на другой день для дочери Анастасия раздобыла железную койку, и Зина стала спать на том месте, где Серёжка до неё ставил раскладушку - напротив кровати матери, у второго окна. Сам он, как только вернулась сестра, перебрался в сенцы. Правда, они с одной стороны были завалены распиленными и нераспиленными пеньками, зато с другой стороны - стояла широкая лавка: в жару, ночью - на ней было прохладнее, чем в комнате, а в дождь - слышнее его убаюкивающий шум.

С сестрой у Серёжки по-прежнему ничего не было общего, и её проблемы его не волновали: он мечтал учиться, она - выйти замуж. Родственные чувства между ними почти отсутствовали.

С тех пор, как он в десятилетнем возрасте, после почти пяти лет пребывания на излечении в Крыму и на Кавказе, вернулся в свою семью, - сестра ни разу не сказала ему ни одного ласкового слова, в чем Серёжка, переживший оккупацию и еще не совсем научившийся ходить, очень нуждался.

Сначала было просто обидно, а когда сестра непонятно за что стала пытаться нет-нет да стукнуть его или наговорить про него что-нибудь матери, то отношения его к ней перешли в неприязнь и даже в открытую вражду.

Особенно усилилась она, когда однажды ещё в Ленинске (они уже жили в своей землянке) Серёжка после школы вечером ушел в баню, а когда вернулся, Анастасия избил сына: сестра наплела, что он где-то шляется с друзьями.

Серёжка не мог понять, как мать, которую он любил и которая его всегда жалела, могла поднять на него руку. Он принял это как временное её сумасшествие.

Сестру - он не мог простить... И не только за ту «баню». Она увела на завод, где работала, его

щенка, рыжего, гончего; а чёрно-белого дворнягу Бобика, любимого Серёжкиного друга, оставила на станции Тайга, когда они отправились в товарном вагоне на Дальний Восток; из-за неё отец чуть не оторвал ему ухо и от обиды он пытался отравиться спиртом. Много чего ещё мог Серёжка припомнить сестре в оправдание своего безразличия к неудачам в её личной жизни.

Впрочем, очень скоро мечта сестры -выйти замуж - осуществилась. Но это было позже... А перед этим лейтенант-грузин, у которого она жила полгода, появился в засыпуге, чтобы сказать ей, что он отслужил и уезжает в Грузию, где его ждут не дождутся жена и ребёнок. Он даже читал письмо, в котором супруга сообщала, что глаза у трёхлетней дочери такие же большие, с такими же загнутыми ресницами, как у него.

Лейтенант был действительно красив, к тому же он вынул из кармана тетрадь со своими стихами и сказал, что сожжёт их, потому что они кому-то не понравились.

Серёжка в тот момент, сидя на топчане, смотрел на сестру и лейтенанта и ему не хотелось осуждать ни их прежние отношения, ни разрыв. «Главное, - думал он, - любовь, наверное, у них была, а с ней что поделаешь?» Так ему подсказывала интуиция. И не имел он в это время на сестру никакого зла.

* * *

Отец вернулся из командировки так же неожиданно для Серёжки, как и полгода тому назад уехал.

Была вторая половина дня, воскресенье. День для отдыха. Но Анастасия Григорьевна занималась стиркой. Кое в чём ей помогала Зинаида. Серёжка в этом деле был совершенно лишней: он спрятавшись в тень от жары за избушкой, присев на чурбак, дочитывал повести Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки». Он отложил книгу и подумал: «Читая про ведьм и колдунов ночью страшно, а днём только смешно».

Он вспомнил, что записавшись в библиотеку, попросил дать ему книгу «Война и мир», о которой он где-то, что-то слышал; но седая библиотекарша рассмеялась: «Может, попросишь ещё «Анну Каренину»? Лучше Гоголя почитай!»..

Мысли подростка прервала громкоговорящая компания, идущая по шпалам железнодорожной линии и уже перешагивающая через рельсы. Серёжка повернул голову и впереди компании увидел отца. Он узнал его сразу по походке в развалку и по густым чёрным волосам.

Серёжка вбежал в избушку.

- Мама, отец идёт!

- Да неужели? Фу ты, господи! - всполошилась Анастасия Григорьевна.

- Зинаида, клади бельё скорее в ведро. Завтра достираем.

Кроме отца в засыпуху ввалилось ещё четыре человека. Компания уже была навеселе.

- Мать, встречай гостей! - почти прокричал Родион Алексеевич.

Анастасия обрадованно всплеснула руками.

- Да откуда вас столько? Каким ветром?

Сразу же заговорил худощавый, русоволосый, очень подвижный парень, обращаясь к хозяйке.

- Алексеич сказал нам: «У меня есть знакомая старуха. Пойдем к ней!..» Мы подумали и правда старушка... Так вы, значит, жена Родиона Алексеича?... А как вас зовут?

- Называй Григорьевной, - весело ответила Анастасия, - так проще.

- А я Василий Зверьков, помощник машиниста, - чётко проговорил парень.

- «Зверёк», ты смотри не отбей у меня мою Григорьевну! - крикнул Родион.

Все засмеялись и стали рассаживаться кто где, поближе к столу, выставляя на него консервы и колбасу, хлеб и зелёный лук, а также - водку.

Анастасия быстро доставала из комода рюмки, стаканы, миски, резала хлеб, колбасу, при этом отвечала на вопросы, шутила, в общем - радовалась.

Радовались все, оживлённо рассказывая друг другу и хозяйке, как они жили полгода в командировке.

Серёжка в это время с ногами сидел на материной койке за печкой, прижавшись к стене, стараясь оставаться незамеченным.

Зинаида, проскользнув на улицу мимо гостей в тот момент, когда они вошли в избу, развешивала на верёвке то, что уже было постирано, и прятала в сенцах еще не замоченное тряпье.

Все уже выпили - кто по второй, кто по третьей рюмке. Из шумных, сбивчивых рассказов Серёжка понял, что в командировке вся бригада паровозников то «гужевала», как они выражались, то голодовала почти так же, как он с матерью; радовались, когда им присылали очередной аванс...

Родион Деревцов, захмелевший раньше всех, уже дремал за столом, опустив отяжелевшую голову.

Основным собеседником Анастасии Григорьевны по-прежнему был Вася Зверьков.

- Мать, - говорил он Анастасии, - я рос в деревне, возле Коломны, учился в Рязанском железнодорожном училище, по окончании направили в Амурск.

- Так мы, Вася, с тобой земляки оказывается. Я родилась под Рязанью, и две сестры у меня в Москве, - обрадовалась Анастасия Григорьевна, что встретила человека почти со своей родины.

- Отца не помню, - продолжал Вася рассказывать о себе. - Мать умерла с голоду в войну, брат, сестра и я выжили, ели гнилую мороженую картошку, крапиву, лебеду. Сестра осталась в деревне, а брат завербовался на Север, в геологоразведку...

Резко открылась дверь, вошла Зинаида.

- Устроили здесь ресторан, - сердито проронила она и, пройдя мимо сидящих за столом, опустилась на свою койку, у второго окна.

- Ух, ты, какая строгая!.. Мать, это дочка твоя? - почти шёпотом спросил Анастасию Григорьевну Вася...

Остальные гости, хотя и хмельные, поняли: пора уходить.

Родион Деревцов поднял голову, посмотрел на всех мутным взглядом.

- Я капитан! - рявкнул он. - Смирно!
- Есть, смирно! - засмеялся меньше всех пивший Вася. - Мать, я завтра приду к вам.
- Приходи! - тоже засмеялась Анастасия. - Видать, дочка моя тебе понравилась...

На другой день Зверьков пригласил Зинаиду в кино, а ещё через несколько дней они подали заявление в ЗАГС и перешли в семейное общежитие в районе Амурлага.

Общение Серёжки с отцом

Всю вторую половину лета Родион Деревцов работал на маневровом паровозе, перебрасывая по пристанционным путям вагоны, составляя их в поезда. Работа - ответственная, по двенадцать часов, то в день, то в ночь, и это не давало расслабиться и пускаться в загулы.

Мать рада была, Серёжка - тоже.

Если муж работал днём, Анастасия собирала какой-нибудь обед в кастрюльку, наливала чай в бутылку и отправляла сына на станцию.

Серёжка искал паровоз отца, переходя с одного конца пристанционных путей в другой, находил локомотив серии «ОВ» с нужным номером, отдавал обед.

Иногда он катался на паровозе, наблюдая за работой каждого из членов бригады. Отец, высунув голову в окно, сидел на правой стороне кабины локомотива; дёргая за цепочку, отзывался гудками на сигналы составителя; крутил реверс, двигал рычаг регулятора скорости. Помощник смотрел вперед - слева, следил за всеми приборами и механизмами. Ну, а кочегар то и дело, открывая топку, бросал и бросал в неё уголь.

Весь процесс работы волновал подростка. Он понимал, что ничего этого - он бы не сумел, даже уголь кочегар бросал не просто, а так, как надо - по всей огромной топке - ближе, дальше, вправо, влево и смотрел на манометр, поддерживая давление пара не ниже и не выше положенного.

Серёжка замечал, что каждый из членов паровой бригады гордится тем, что делает очень

хорошо своё дело и тем самым заслуживает к себе уважение товарищей.

Когда случались перерывы в работе, отец набивал табаком трубку и закуривал, рассказывая какой-нибудь анекдотический случай. Все смеялись. Но Серёжке больше нравились рассказы русоволосого, молодого, высокого помощника. Он учился заочно в институте и говорил только о реальных событиях из своей жизни - о поездках на сессии, о своих товарищах, о преподавателях. Конечно, подросток завидовал ему и удивлялся способности молодого парня совмещать напряжённую работу с учёбой...

С отцом у Серёжки в то время отношения наладились. Наверное, интуитивно Родион почувствовал, что не может учить сына, повидавшего войну, чего не довелось ему. Ранее пережитое кое в чём уравнивало подростка со многими взрослыми, хотя часто - очень хотелось оставаться ребёнком.

Раз отец в избушке, сидя на койке, рассказывал Серёжке, как равному по возрасту товарищу, о некоторых эпизодах из жизни в заключении.

«Самое страшное, - говорил он, - это не лагерная зона и даже - не общие тяжёлые работы, страшнее - этапы в столыпинских вагонах и пересыльные пункты, где «работяги» встречаются с ворами или воры с ворами, но разных мастей. Тогда творится беспредел.

С меня в этапном вагоне сначала одни - хромо-вые сапоги и костюм сняли, а другие мне - всё это вернули; кого-то в вагоне убили и все молчали.

Два года на общих работах валил лес, а потом - расконвоировали: жил вне зоны, только отмечался; работал на паровозах в Ванино... Дальнереченске... Бикине; одно время заведовал продовольственной базой; но грамотёшки-то маловато - выпросил, чтобы вернули на паровоз. Война началась - просился на фронт. Не разрешили..

Серёжка неожиданно для себя задал вопрос:

- Пап, зачем ты пьешь?

- Водочку люблю, - очень просто ответил Родион Алексеевич. До тридцати лет вкусу её не знал. А как начали в Кургане в тридцать третьем строить свой дом пятистенный, вот тут и пошло: лес - достать, цемент, шифер - тоже; то, другое, пятое, десятое - и всё через стакан и бутылку; с одним надо выпить, с другим, с третьим - вот так и втянулся...

В такие минуты Серёжке жалко было отца так же, как и мать. Но он не в силах был изменить ни их жизнь, ни свою и довольствовался тем, что хоть что-то, хоть чуть-чуть радовало его.

Однажды в свой длинный пересменок Родион взял сына с собой в город. Цель была - по талону приобрести какой-нибудь Серёжке костюм к школе. Подходящего ничего не нашли и тогда вышли на высокий обрывистый берег Амура.

За год пребывания на Дальнем Востоке эту необъятную, могучую реку Серёжка увидел впервые. В марте, когда он бывал в городе, Амур был подо льдом.

И вот это, одно из не так уж многих чудес на земле, - вдруг предстало перед глазами подростка. Впечатление было сравнимо с тем - когда он в пять лет увидел Чёрное море или в тринадцать - озеро Байкал. Та же самая безбрежность до самого горизонта. В августовский яркий солнечный день чуть-чуть можно было заметить тонкую, бледную кромку противоположного берега.

- Там Пивань, - показал рукой отец. - Ширина... Километров пять будет. Ходит паром на тридцать вагонов. Зимой - автомашины по льду...

Серёжка с отцом по лестнице спустились вниз. Глинистый обрыв... глинистый берег... и огромные желтые волны. Было жарко. Но с реки дул ветер.

Отец разделся и кинулся на гребень волны. Его отшвырнуло назад, а потом потащило от берега. Он отплыл метров пятьдесят, то исчезая, то появляясь, а потом также стремительно выскочил на берег.

- Хорошо-о! - прокричал он.

Серёжка не решился испытать подобное удовольствие, тем более что плавать не умел. Достаточно было и впечатляющего зрелища...

Когда шли домой, остановились на границе центра города и Амурлага. Отец показал на гипсовых солдата и моряка, стоящих напротив Дома культуры.

- Смотри: один говорит: «Я тебе сейчас как дам!» А второй ему: «Попробуй только!..»

Он рассмеялся...

Серёжке это показалось кощунством. Но он ничего не сказал. Всё отцу прощал подросток, только не пьянство. К счастью, в те два месяца лета Родион Алексеевич не пил.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

НОВАЯ ШКОЛА

В 6-м и 7-м классе

Шестой «Б»

Подходящей одежды к школе родители для Серёжки так и не нашли. Отец купил ему на базаре матросскую блузу. Серёжка не стал её даже мерить: она явно была не с плеча юнги, а скорее - с крупного матроса. Кроме того, по его мнению, появиться в такой блузе в школе, в классе - означало шокиро-

вать всех - и учеников, и учителей. В таком наряде можно было явиться разве что на бал-маскарад.

Поэтому Серёжка, с утра собираясь в отстроенную, большую, трехэтажную школу, надел прежние, уже изрядно изношенные, фланелевые светло-коричневые штаны и куртку, сшитые ему на скорую руку ещё перед отъездом из Ленинска одной из женщин Нахаловки. Кирзовые сапоги, правда, были новые и не очень ему велики. Серёжка был и этому рад.

В школу он шёл с трепетом в сердце, как дошкольник в первый класс. Записан он был в шестой «Б» и нашёл свой класс на третьем этаже.

Когда он вошёл в полуоткрытую дверь, класс уже был почти полный. С последней парты ближнего ряда кто-то ему крикнул: «Иди сюда!». Серёжка увидел знакомого ему мальчишку, как и он, плохо одетого, небольшого и худощавого, но весёлого. Это был Разумов Коля. С ним сидел, по-видимому, его друг, тоже с неунывающим, а к тому же круглощёким лицом. Предпоследняя парта была совсем свободная, и Серёжка сел за неё...

Разумов Коля бросил в прошлом году шестой класс ещё раньше Серёжки. Почему?..Серёжка не стал выяснять. Он и сам ничего не рассказывал о себе Кольке, но помнил, как они в старой, одноэтажной, из серых бревен, с переполненными классами школе сидели вместе на самой последней парте третьего ряда. Парту наполовину загораживала голландская печка, и Разумов Коля, пользуясь этим, умудрялся курить «бычки», пуская дым в печь, даже во время урока. Прошлый год Коля на шее под рубашкой носил оловянный крестик и всё время рассказывал про колдунов и чертей...

Слева к Серёжке подсел тихий и аккуратно одетый мальчик. Он не улыбался и в разговоры ни с кем не вступал. Звали его Вадим Борновский, он был из интеллигентной семьи. Похожих на него в классе было много, но в отличие от Вадима, все они сидели на передних и средних партах.

Девчонок было, наверное, на одну треть меньше, чем мальчишек. Серёжка обратил внимание

только на двух. Сидели они на первом ряду перед столом учителя и были в таких новеньких коричневых шерстяных школьных платицах с отглаженными белыми фартуками, что вид их вызывал у Деревцова то ненависть, то восхищение.

Та, что сидела у окна, была крупнее, с продолговатым лицом и короткими волосами. Справа от нее - была изящна, как дюймовочка, с двумя русыми косами, которые у талии увенчивались бантами цвета перламутровых лилий. Первую звали Тамарой Гуркиной, вторую - Ритой Кучера. Их имена Сережке запомнились при первой же переключке на самом первом уроке.

Ещё запомнилась сразу фамилия Гуревич. Она принадлежала рослому ученику, сидящему на второй парте третьего ряда. Русоволосый, с крупными чертами лица, он всем уже казался будущим ученым. Запомнился и ещё один ученик - в середине первого ряда у окна - с белёсыми не только бровями, но и такими же белёсыми большими загнутыми ресницами. Когда он смеялся, у него за-

бавно морщился и округлялся нос, а глаза хотя и чуть морщились - оставались серьёзными. Почему-то все сразу узнали, что он - заядлый рыбак, а к тому же начинающий охотник и что живет на Мылках. Звали его Колькой Петровым.

В классе всё сияло - и огромные окна, и крашенные стены, и пол, и парты...

Все встали, как только стремительно вошла молодая стройная с чёрными локонами учительница. Большие грузинские глаза метнули быстрый взгляд по ученикам.

- Садитесь, - произнесла она. - Я ваш классный руководитель. Вести буду русский язык и литературу. Зовут меня Ирина Давыдовна. С вами же я сейчас познакомлюсь по журналу...

Весь первый урок держала учительница ребят в полном напряжении, заставляя всех вспомнить правила правописания, которые усваивали раньше. Второй час был посвящён в основном организационным вопросам.

Старостой класса сразу же избрали сидящую на первой парте среднего ряда небольшую дев-

чонку с умным строгим лицом, с тёмными короткими косичками, сидящими своими концами на затылке под красным бантом. По-видимому, подруги давно знали её как отличницу с волевым характером.

Тимофеева Алла и не сомневалась, что правой рукой классного руководителя будет она.

Тамара Гуркина - дочь заведующей поликлиники - стала главным санитаром. Стенной печатью поручили заниматься Гуревичу вместе с двумя девчонками.

Рита Кучера, подруга Гуркиной, как ни странно, осталась без общественной нагрузки. Хрупкая, чуть болезненная на вид, она старалась оставаться незаметной.

Всё остальное в тот первый день занятий в шестом классе «Б» Серёжке как-то не запомнилось...

Через неделю Ирина Давыдовна провела на уроке русского языка проверочный диктант. Оказалось, что больше всех ошибок наделал он, Серёжка Деревцов. Оценка была - единица. Для него

это было неожиданным ударом, потрясением. Он не ожидал, что с грамматикой дела у него обстоят так плохо.

Помогло Серёжке то, что, хотя и потрепанные, необходимые учебники он получил. И он изо дня в день настойчиво стал дома зубрить правила, которые раньше не учил. И результат не преминул сказаться: за изложение по короткому рассказу на военную тему он получил тройку. «Но если бы не грамматические ошибки, - отметила Ирина Давыдовна, - то изложение Деревцова можно было бы назвать в классе лучшим».

Серёжка старался ловить каждое слово учительницы, тщательно выполняя упражнения в классе и особенно дома, и радовался, когда узнал, что за первую четверть по русскому языку у него будет четверка.

Школьный конкурс

Серёжкин отец снова находился в командировке. Но теперь она была недалёная - километров

за сто пятьдесят от Амурска. Отец со своей бригадой паровозом обогревал на одной из железнодорожных станций недавно построенное депо. Недели через две он приезжал домой на несколько дней, а потом снова уезжал.

Казаков тоже появлялся только время от времени, на день-другой.

Сестра Зина жила с Васей Зверьковым в районе Амурлага в двухэтажном семейном бараке, она приходила хотя и часто, но всего минут на пятнадцать.

Так что Серёжке никто не мешал выполнять домашние задания, тем более что мать, когда находилась не на работе, а дома - никогда не отвлекала его от занятий своими разговорами, хотя в другие минуты поговорить любила. И Серёжка вслух повторял правила по русскому языку, заучивал стихотворения Пушкина, Лермонтова, Некрасова, пересказывал прочитанное по истории и географии.

Иногда он, хотя и не так часто, как прежде, брался за карандаш и что-нибудь рисовал.

Перед праздником Октябрьской революции по школе пронёсся слух, что готовится обще-школьный конкурс на лучший рисунок, художественную вышивку, скульптурную фигуру из дерева или глины. Рассчитывалось это мероприятие на старшеклассников, хотя в конкурсе мог принять участие любой из учеников.

Серёжка решил не упускать случая. Когда он сказал об этом Вадиму Борновскому, пояснив, что хочет нарисовать картину. Тот на другой день принёс ему свёрнутый в трубку лист ватмана и стянутый резинкой пучок на две третьих использованных цветных карандашей.

Для осуществления замысла Серёжка избрал самый легкий путь. Произошло это само собой под воздействием стихов Некрасова о бурлаках и рисунка в учебнике по истории, повторяющего в чёрно-белом цвете знаменитую картину Репина «Бурлаки на Волге».

Перед тем, как выполнить копию цветными карандашами, Серёжка долго размышлял, какого

цвета будут у каждого из бурлаков волосы, глаза, рубахи, штаны, а кроме того, по рисунку в учебнике он не мог понять: берег реки каменистый, песчаный или покрыт травой? Цветной репродукции картины великого художника видеть ему никогда не доводилось.

Над картиной размером в половину целого листа ватмана Серёжка работал с желанием и наслаждением.

И вот в пионерской комнате в конце недели на просмотр творческих работ собралась возглавляемая несколькими учителями большая толпа учащихся, от самых старших до малышек. Много было выставлено разных зверят из пластилина, а на лоскутках материи - ромашек, лилий, роз - вышитых крестиком или гладью. И все-таки наибольшую часть экспонатов представляли рисунки, выполненные цветными карандашами, акварелью или гуашью. Это были в основном портреты своих мам, бабушек, братьев, сестёр... Выглядели они - почти карикатурно. И среди этой простоты

Серёжкина копия выделялась разнообразием цветовых оттенков и яркостью, безупречностью пропорций и перспективы.

Никто не поставил в вину Сережке, что у Репина бурлаки шли по песку, а у него - по траве. Зато эта самая трава на ватмане была такая, что к ней хотелось прикоснуться. Особенно удивлялись все виду каждого из бурлаков. Были они с живыми, полными муки глазами, в разноцветных лохмотьях и вызвали сострадание.

И даже, не приняв во внимание, что работа не оригинальна и с допущенными вольностями, искажающими Репина, комиссия из нескольких старшеклассников и женщины-завуча признала её лучшей из всех - в жанре цветного рисунка.

Слышались восклицания: «Здорово нарисовано... какие лица у бурлаков!». Однако физик Александр Борисович, молодой, небольшого роста, в очках, отозвав Серёжку в сторону, улыбаясь сказал:

- Деревцом, все, кажется, хвалят тебя. Хочу сказать, если хочешь стать художником, рисуй толь-

ко с натуры. Копирование, даже великих, к творчеству не имеет никакого отношения.

Серёжку словно уличили в мошенничестве. Ничего не ответив физику, он посмотрел на свою работу, висевшую в центре других простеньких рисунков, и она вдруг показалась ему ужасной подделкой под произведение, не стоящей даже самых наивных, самых неумелых набросков участников выставки.

Всё вокруг: огромные окна, стены, толпа учащихся, учителя - показалось ему - внезапно потемнело, и он через минуту уже бежал вниз по лестницам к раздевалке на первом этаже...

Мать, увидев Серёжку взбудораженным, с нервными движениями рук, с почти плачущим лицом, спросила:

- Что случилось? Может, подрался с кем? Или заболел?

- Да нет, мама... - чуть ли не простонал сын. - Жалко!.. Ватман испортил!

- Что за ватман?

- Ну, на котором рисовал.

- Как испортил? Что... порвал? Такая хорошая картина была.

- Да не порвал. Нарисовал совсем не то!.. Срисовывать с картинок я больше никогда не буду!..

Мать, не понимая Серёжку, смотрела на него.

- Это уж твое дело. Я-то неучёная, в этом деле ничего не понимаю. Сильно-то уж не переживай. Ну, другую нарисуешь... А не нарисуешь, так свет от этого не перевернётся...

Мать наложила из кастрюли, стоящей на плите, овсяной дымящейся каши в глиняную чашку...

- Поешь! - сказала она, ставя чашку на стол. - Все нервы у тебя оттого, что живот пустой...

Когда мать ушла на вечернюю уборку в мастерские, Серёжка, быстро убрав всё лишнее со стола, достал оставшуюся половину ватмана и разрезал её на две равные части.

В голове его метались мысли, что ему нарисовать?..

Яркой картиной перед глазами подростка возник базар, с торговками, продающими кто квашеную капусту с солёными огурцами, кто варёную

картошку, а кто и самогон, или даже спирт. Мелькали рыбаки, предлагающие пойманную рыбу, шулера крутили рулетку или переставляли стаканчики - «напёрстки». И конечно же, Серёжка видел мальчишек и себя среди них, с вёдрами, торгующих в жаркие дни холодной водой...

Он сразу отбросил мысль - перенести на бумагу базар. Ходил он на него, как правило, только тогда, когда об этом просила мать. Сам он предпочел бы голодовать, но не видеть толкучки; не ждать, когда кто-то, утолив жажду, подаст ему рубль, словно милостыню.

Всплыли, поднимая душу на крылья, минуты пребывания на паровозе, когда он одно время носил отцу приготавливаемые матерью обеды.

«Да, вот именно! - мысленно воскликнул Серёжка, - То, что видел на паровозе - это и попробую изобразить на четвертушке ватмана». Он припомнил отца-машиниста и помощника, находящихся по правую и левую сторонам кабины... Всмотрелся в них...

Нет, эти фигуры было не сравнить по динамичности с парнем, бросающим уголь... Кочегар - вот на ком он сосредоточит внимание!

Серезжа видел потного крепыша, который, сбросив рабочую куртку, оставшись в одной майке, бросал и бросал большой совковой лопатой уголь в топку - прямо вдаль, влево, вправо. Потом закрывал её, но только на несколько минут... И снова лопата играла в его руках: бугристые мышцы двигались на груди, на плечах, и за локтями до самой кисти. И пламя, когда открывалась топка, освещало лицо красным светом.

Ученик схватил простой карандаш и быстро, почти не подтирая резинкой, набросал на четвертушке листа ватмана то, что стояло, не исчезая, перед глазами.

К приходу матери карандашный набросок был готов. «Творец», почти не раздумывая, решил, что назовет рисунок «Горячая работа».

Спал он на топчане умиротворённо и беззаботно, тем более что следующий день - был воскресеньем.

Утром Серёжка встал рано и ещё до того, как проснулась мать, продолжил работу над рисунком. Он решил его выполнить в чёрно-красно-белой цветовой гамме. Красно-белым было чрево топки. От неё алые блики метались по лицу, груди и рукам кочегара. Белые полосы света летели из окон, не полностью заслоняемых машинистом и помощником. А на чёрном фоне котла паровоза также белым цветом выделялись манометр и другие приборы.

В фигуре кочегара не чувствовалось усталости. В нем играли молодость, сила и ловкость...

В понедельник Серёжка ушёл в школу раньше обычного. В его руках, кроме матерчатой сумки с тетрадями и учебниками, был и скрученный в трубку новый рисунок. Первым судьей этой работы должен быть - так решил Деревцов - физик Александр Борисович.

Учительская, как и раздевалка, была на первом этаже. Раздевшись, Серёжка прошел по коридору и остановился у двери, за которой рассчитывал увидеть физика. Серёжка постучал и вошёл.

- Ты к кому? - спросила молодая учительница, стоящая у стены. (Две других - сидели, каждая за своим столом).

- Я к Александру Борисовичу, - ответил ученик.

Тогда та, что стояла, посмотрела на висевшее на стене расписание и, улыбнувшись, сказала:

- А у него занятия сегодня только с десяти.

Серёжка, не спеша, поднялся на третий этаж и вошёл в свой класс. Одна из девчонок, дежурная, проверяла наличие мела и чистой тряпки для доски, вторая - пыталась закрыть окно после проветривания класса. Деревцом помог ей справиться со шпингалетом, потом далеко запрятал рисунок в свою парту. Он решил никому его не показывать.

Через два урока, только прозвенел звонок, Серёжка с рисунком понёсся на первый этаж. Приоткрыв дверь учительской, он увидел Александра Борисовича и очень удивился. Физик сидел на диване и, прижав к плечу скрипку, осторожно дотрагивался смычком до одной из струн. По-видимому, эта струна издавала не тот звук, который был нужен.

Серёжка постучал и, не дожидаясь разрешения, вошел. Кроме физика, учителей было не более трёх-четырёх: наверное, кое-кто ещё не успел вернуться из своего класса.

Александр Борисович отложил скрипку и через очки посмотрел на Деревцова.

- Вы ко мне, молодой человек?.. Мне уже говорили, что какой-то ученик хотел меня видеть... Что вы хотели?

Серёжка, не доходя до дивана, развернул свой рисунок.

Александр Борисович поправил на лице очки и немного прищурил глаза. С минуту он молчал, всматриваясь в рисунок, потом обратился к вошедшей средних лет женщине-завучу.

- Раиса Семёновна, гляньте-ка, пожалуйста, на что способен ученик нашей школы... Деревцов, если я не ошибаюсь. Посмотрите на мощную фигуру кочегара, освещённую огнём топки.

Завуч глянула на рисунок мельком и повернулась к ученику.

- Поставь на рисунке свою фамилию, свой класс. Рисунок оставь, возможно, отправим его на выставку в город.

Серёжка обрадовано бежал вверх по лестничным ступеням и влетел в класс, когда уже прозвенел звонок. Разумов и Чулков сразу уставились на него.

- Ты откуда? Куда бегал?

- Бегал в туалет, - попытался отвязаться от них Деревцов.

- Колька Разумов прошептал:

- Ври больше, мы с Петькой там курили - тебя не видели...

Вошёл Василий Савельевич, историк, фронтовик, один из тех учителей, которого ученики глубоко уважали и с интересом слушали, - и друзья Серёжку оставили в покое.

Рита Кухера

На некоторое время Серёжка Деревцов стал героем кое для кого, когда в классе узнали, что

его рисунок, на котором изображён кочегар, бросающий уголь в топку паровоза, признан лучшим и будет отправлен вместе с несколькими работами других учеников на межшкольную выставку в город. Его друзья говорили ему, что он талант; и только немногие из тех, что сидели на передних партах, особенно девчонки - отличницы, оставались равнодушными к этой новости; а староста Алка Тимофеева, вероятно, из-за того, что Серёжка получал иногда неудовлетворительные отметки по неизвестным ей причинам, если иногда и смотрела на него, то только с презрением.

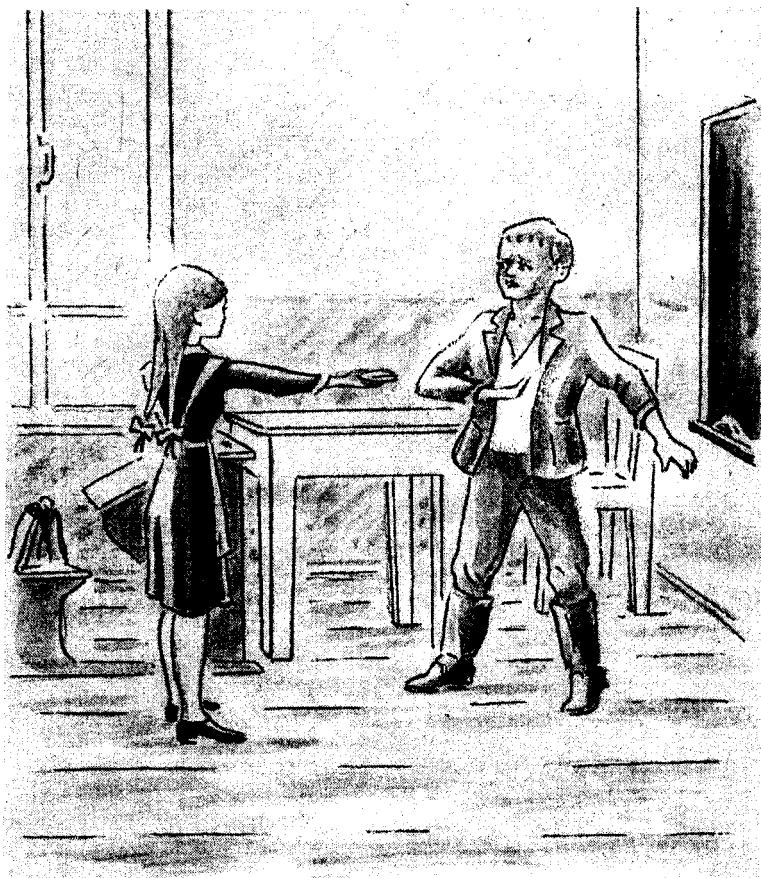
Конечно, в некоторой степени она была ответственна за успеваемость класса, а кроме того, Деревцов не был из числа самых дисциплинированных учеников, скорее наоборот. И вообще, его рыжие, истёртые чуть ли не до дыр куртка и штаны, из которых он явно уже вылазил, не могли возыситься его в глазах многих.

Серёжка на презрение к нему отвечал тем же. Он жил своей особой жизнью, лишь иногда вклю-

чаясь в общественные дела. Одноклассники порой в его глазах были малышками - по сравнению с ним, прожившим, чудилось, длинную, суровую жизнь, - а иногда он ощущал себя ребёнком, мо- ложе любого из них, оттого что тосковал по тому детству, которого не было у него.

Он по-прежнему плохо питался дома и чувство- вал себя оскорблённым, если ему попадались на глаза тот или та, кто на переменах доставал из портфелей завернутые в бумагу бутерброды. Се- рёжка старался отсутствовать в классе в это вре- мя. Он предпочитал в уличном туалете одну на пятерых искуривать за компанию самокрутку. По крайней мере, там он был равным среди равных.

Однажды на большой перемене Разумов Коль- ка попросил Серёжку проверить у него домашнюю задачку с иксами и игреками, ответ которой у него не совпадал с ответом в задачнике. Серёжка по- вертел тетрадь товарища и быстро нашёл ошиб- ку. Он только отошел от Кольки, чтобы выйти из класса, как перед ним возникла Рита. Он с удив- лением смотрел на худенькую, красивую и безуп-

речно одетую девочку, а она почти умоляюще протягивала ему белую булку с колбасой.

- Возьми, мне мама положила две.

Не успел Серёжка отказаться, как подскочил Колька.

- Бери, чего ломаешься, вместе съедим!

Деревцов молча негодовал; но Рита взяла его руку, и булка оказалась в Серёжкиной ладони. После этого Рита быстро вышла из класса... Двум друзьям ничего не оставалось, как, разломив булку с колбасой на две половины, в один миг отправить их в свои пустые желудки.

С того дня Деревцов старался избегать подобных моментов. А Рита, наоборот, как будто бы совсем случайно, ловила момент, чтобы угостить ни Кольку Разумова, ни Петю Чулкова, а его... Серёжка злился на Риту; а она, добрая, чуточку наивная, хотя совсем не глупая, наверное, не признавала, что своей откровенной добротой бьёт по самолюбию плохого одетого мальчишки, который, ко всему прочему, не всегда бывал в хорошем настроении.

В конце концов, случилось то, чего Серёжка не ожидал от самого себя.

Снова была большая перемена. Деревцов дежурил по классу и только что тщательно протёр

доску мокрой тряпкой, когда Рита протянула ему бутерброд с сыром. В это время кто-то у двери хихикнул, и Серёжка, вдруг вскипев, на доброту ответил грубостью.

- Я не собачка, ешь сама!

Он оттолкнул её руку и так резко, что бутерброд отлетел к стене; а сама она, худенькая и маленькая, упала на раскрытый портфель, стоящий на сиденье, с которого встала только что; и, наверное, не столько от боли, сколько от обиды проплакала всю перемену, уронив свою русую с длинными косами голову на парту и закрывшись руками.

Обидчик опомнился, ему хотелось кричать: прости, Рита!.. Я не хотел!.. Прости!.. Но он не сделал этого.

Рита никому не сказала, почему она плакала, но после этого Деревцов для неё перестал существовать. Она, как прежде, стала замкнутой, но держала себя с достоинством, спокойно, общаясь только с рядом сидящей подружкой Тамарой Гуркиной.

Зато Деревцов всё чаще и чаще стал смотреть на неё, сидящую перед преподавательским столом, Риту Кучеру, необыкновенную, сказочно-таинственную, хрупкую девочку; и чувство вины его перед ней с тех пор усиливалось и усиливалось с каждым днем. Он стал находить её похожей, непонятно чем, на девочку Иру, голосом которой восхищался во время оккупации на Кавказе.

Теперь самой главной его мечтой стало: что когда-нибудь - Рита простит его, пусть через год, два, даже через три!..

Но подросток, со своей эмоциональной неуравновешенностью, порой теряющий контроль над собой, даже не предполагал, сколько он ещё совершит поступков, за которые ему захочется просить прощение.

Без родителей не приходит!..

В самом конце учебного года, когда в таёжных низинах и у подножия сопок зацвёл багульник, а в городе только-только зазеленели клёны, берёзы

и тополя, с Серёжкой Деревцовым вновь приключилась скверная, позорящая его как ученика, история. Произошла она на уроке рисования.

Аморальному поступку содействовали все обстоятельства: одно из них это то, что Серёжка сидел на предпоследней парте третьего ряда в соседстве самых весёлых друзей; кроме того, урок рисования вёл очень молодой, совсем недавно появившийся учитель, явно не имеющий достаточного педагогического опыта.

На его уроках всегда творилось что-то невообразимое. Дисциплинированный класс превращался в цирк. Учащиеся галдели, перескакивали с места на место, смеялись над своими и чужими неумелыми графическими работами.

Владимир Владимирович, преподаватель, безусловно, не заслуживал изуверского отношения класса к нему. Но поделаться он ничего не мог. Его не слушали. Никому не интересно было, как он на доске рисовал мелом большую и малую окружности, преобразуя их затем в цыплёнка или в кролика.

Поддавшись общему бесшабашному озорству, Серёжка, про которого его друзья говорили, что он талант, рисовал на тетрадных листах карикатуры, изображающие драки. Рожицы и позы летящих под ударами человечиков настолько невероятно были смешны и похожи на некоторых из одноклассников, что мальчишки едва сдерживали хохот.

Но эта шалость не переросла бы в чрезвычайное происшествие, если бы Серёжка в достигшем своего предела азарте не набросал на большом листе, вырванном Петей Чулковым из своего альбома, пляшущих вокруг костра с человеческими головами чертей и голых ведьм. Фантазия на тему «шабаш нечистых сил» пришла в голову Деревцова из «Вечеров на хуторе близ Деканьки», прочитанных им летом, и из просьбы Коли Разумова «нарисовать что-нибудь посмешнее», который всерьёз верил в оборотней и всякую нечисть.

Владимир Владимирович положил руку на злополучный рисунок, когда Колька и Петька ещё сме-

ялись, не успев спрятать лист, переданный Серёжкой.

... Никто не ожидал, что учитель, очень добрый при всех его минусах, ознакомит с рисунком коллектив преподавателей и директора школы - историчку...

На другой день в шестом «Б» первым уроком был русский язык. Классный руководитель, грузинка по рождению, любимая учениками и очень строгая Ирина Давыдовна, войдя в класс, после слова «садитесь» - воскликнула с негодованием:

- Это не укладывается в голове! Более мерзкого поступка ещё никто не совершал!.. за всё время моей работы в школе!

- Следующая фраза была произнесена абсолютно спокойно:

- Деревцов, отправляйся домой, без родителей не приходи.

* * *

Три дня Серёжка утром, собрав учебники и тетрадки, выходил из одиноко стоящей на незастро-

енном пустыре избушки-засыпухи, почти под самыми окнами которой проходила железнодорожная ветка, ведущая от вагоноремонтных мастерских на вокзал. По ней Серёжка и шагал.

Налево от линии была не полностью раскорчёванная согра, направо - дровяной склад.

Вторая половина мая на удивление выдалась теплой, и изгнанный ученик устраивался где-нибудь на поляне в окружении кустов или на дровяном складе - среди бревен... Разложив учебники, он начинал готовиться к экзаменам.

Надо сказать, для тех кто не знает, что в то время - в годы Великой Отечественной войны и после ещё долго - госэкзамены сдавались во всех классах, начиная с четвертого.

Ближе к обеду Серёжка приходил домой.

Отец находился в недалёкой командировке, приезжая домой в течение месяца на несколько дней. Но, даже когда был дома, в школьные дела сына он не вникал, поскольку, как сам говорил, закончил три класса, четвёртый коридор.

С матерью, хотя тоже малограмотной, Серёжка мог поделиться своими успехами и неудачами. Но как ей сказать, что рисовал на уроке, в общем-то, не чертей и ведьм, а в их образе голых мужчин и женщин. Сделать это, казалось ему, совершенно невозможно!

Он давно заметил, что с самого раннего детства, у него случались минуты потери всякого контроля над своим поведением. В результате - потом недоумевал, как он мог совершить тот или иной поступок, и казнил себя за содеянное...

На четвёртый день с утра заморосило. Серёжка, пройдя на дровяной склад, решил зайти в вагон, снятый с колес и стоящий недалеко от ворот, который в тот момент служил раскомандировкой для выдачи наряда на работу бригадам по выгрузке из вагонов леса. Рабочие были заключёнными, их охраняли двое военных. Одного из лагерников оставили в раскомандировке топить печь.

На Серёжку никто не обратил особого внимания, когда он входил в вагон. Даже охранник ни слова не сказал.

Истопник, широкоплечий, в ватной душегрейке, увидав в руках Серёжки учебники, участливо спросил:

- С уроков сбежал?

Заключённый нисколько не походил на преступника, и взгляд у него был спокойный и грустный. Может быть, поэтому Серёжка признался незнакомцу о своём проступке и о том, что он не может явиться в школу, пока не приведёт мать, а рассказать ей обо всём он не может.

- Я тебя, малыш, очень хорошо понимаю, - подбросив очередную порцию дров в печку, произнёс заключённый. - Сам любил озорничать, а учился почти на отлично... Я ведь был капитаном, речником, на грузовом судне.

Серёжка с удивлением смотрел в глаза заключённого.

- Так почему же вас посадили?

- Долго рассказывать... Случилась авария, судно пошло на дно. Не виноват, а не наказать нельзя - сорок четвёртый год, война! Вот и всё... А тебе я

вот что посоветую: всё равно привести мать тебе придётся. Ведь, как я понял, у тебя экзамены уже через несколько дней. Так что не теряй зря время! К матери прямо сейчас и иди! Будь мужчиной...

После этого разговора на душе у Серёжки стало удивительно легко. Он засунул книжки и тетрадь за пазуху и, последний раз посмотрев с благодарностью в грустные глаза заключенного, выскочил из вагончика.

Серёжку теперь удивляло: ну чего он так долго мучился... В полдень, как только мать пришла из вагонных мастерских, он сразу непринужденно выпалил:

- Мам, я баловался на уроке... все баловались. В общем, тебя вызывают в школу.

На мать это сообщение сильного впечатления не произвело.

- Что-нибудь разбил? Подрался? Нагрубил?

- Да нет, нарисовал не то, что надо.

- Фу ты, господи прости! Я-то думала...

Она рассмеялась. - Пойдем, сходим... Ничего страшного. Подумаешь, нарисовал не то!..

В школу мать и Серёжка пришли в шестом часу. Шли занятия второй смены. Ирины Давыдовны, классного руководителя, не было. С Анастасией Григорьевной разговаривала завуч, но не в учительской, а в коридоре. Ровным, спокойным голосом она произнесла:

- Когда Владимир Владимирович показал нам, что нарисовал ваш сын, мы все в учительской чуть со стульев не попадали. Какая дикость! К тому же ведь он урок сорвал...

Больше всё же говорила Анастасия. Она рассказывала, как Серёжка в раннем детстве болел и лечился в Крыму, а на Кавказе попал под оккупацию; как она его потом нашла в детском распределителе; что рос он без отца, и увидел его совсем недавно; и ещё - какие тяжёлые бытовые условия у сына для учёбы, что в их избушке нет ни электричества, ни радио, керосиновую лампу и ту приобрели совсем недавно.

- Да он, вроде, и не хулиганил никогда! - восклицала Анастасия Григорьевна. - Отметки-то он мне всё время показывает, как будто - неплохие!..

Серёжка стоял в стороне, у подоконника. Его в разговор не вовлекали, но всё-таки... «Простите, я больше не буду!» - он произнёс.

Домой мать и сын шли в хорошем настроении...

* * *

Обстоятельства как-будто бы зло иронизировали над недостаточно дисциплинированным учеником. Расписание экзаменов классу сообщили, когда Серёжка отсутствовал, а попавшийся ему на улице одноклассник время сдачи первого экзамена (а это был диктант) спутал.

Когда Деревцов появился в школе, ученики уже расходились.

К устному экзамену по грамматике его всё же допустили, и после сдачи на «хорошо», ему поставили по русскому общую оценку «три». Зато по математике он получил «пять», хотя за весь год такой высокой оценки по этому предмету в его дневнике не было.

Ирина Давыдовна

Собрание по случаю перевода из шестого класса в седьмой состоялось в первой половине июня. Собрались в том же классе, где и учились по всем предметам. Родителей пришло немного, но Серёжкина мама присутствовала; сидела она в середине первого ряда. На преподавательском столе было множество цветов - постарались девчонки.

Ирина Давыдовна в тот день была особенно красива: малиновое платье так шло к её живым, чёрным, большим глазам... Лицо озарила улыбка. Она произнесла:

- Ну вот, на пути к вершинам школьного образования вы поднялись ещё на одну ступеньку. Поздравляю всех с успешным завершением учебного года!..

Серёжка смотрел на Ирину Давыдовну и представлял её в своем воображении то Еленой Премудрой, то грузинской царицей, а то - амазонкой...

После волны радости, в голосе Ирины Давыдовны выплеснулась грусть. Она проговорила, как будто извиняясь:

- Мне очень жаль, друзья, но в следующем учебном году у вас будет другой классный руководитель. Я уезжаю. Но вас я буду помнить всегда, всех, и даже двоечников...

В её голосе вновь зазвучал оптимизм:

- Когда-нибудь, возможно, я узнаю, что Тамара Гуркина, моя ученица, бессменный наш санитар, стала министром здравоохранения. Основания для этого есть. Вот её табель, в нём одни отличные отметки.

Кем будет Алла Тимофеева, староста класса? У неё, пусть услышит её папа, несомненные организаторские способности. Она у нас тоже круглая отличница... Отличник также - Саша Гуревич, самый дисциплинированный, самый аккуратный мальчик, к тому же спортсмен-баскетболист и редактор стенной газеты...

Ирина Давыдовна почти каждому из присутствующих учащихся как бы вскользь, мимоходом, давала точную характеристику, отмечая самое главное, конечно, хорошее, что было в её учениках. Не обошла она вниманием и Деревцова.

- У него, без сомнения, задатки художника. Два его рисунка, вы это знаете, попали на городскую выставку. А разве не может случиться, что когда-нибудь его картину кто-то увидит в Третьяковской галерее!.. Злоупотреблять только своим даром я бы ему не советовала...

Намек на Серёжкино «художество» учениками был понят. На миг все как будто затаили дыхание, ожидая, что ещё Ирина Давыдовна скажет в адрес Деревцова. И в этот момент Серёжкина мама, на последнюю фразу не обратив внимание, радуясь, что сына за способность к рисованию хвалят, торопливо и робко, но отчетливо воскликнула: «Ему бы красочки! Он бы еще лучше нарисовал!..» Класс вздрогнул от смеха... и замер под быстрым, как молния, строгим взглядом классного руководителя.

Серёжка на своей предпоследней парте опустил низко голову, ему было больно и за себя и за мать... А Ирина Давыдовна без какой-либо паузы говорила уже о других учениках, отмечая самые

лучшие их качества, пророча без исключения всем только самое светлое будущее...

В Серёжкиной голове проплывал весь прошедший учебный год... Из всех его учителей образ Ирины Давыдовны оставался самым ярким. Серёжка помнил чуть ли не все её уроки литературы. Она стремилась, чтобы изучаемые по программе произведения: Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Гоголя - ученики прочли, хотя бы частично, непосредственно в классе, понимая, что домашние условия у многих далеко не идеальные. Как бы впрок, сверх программы, иногда она увлечённо передавала содержание таких замечательных произведений отечественной фантастики - как «Аэлита» Алексея Толстого или «Голова профессора Доуэля» Александра Беляева...

Когда расходились, Серёжка не спешил. Он понимал, что Ирину Давыдовну он видит последний раз в жизни, и ему хотелось сказать ей что-то особенное на прощание. Но возле неё находилась целая толпа учеников и родителей. Серёжкина мама тронула его за руку:

- Пойдем, сынок, оценки свои узнал, что нам тут ещё делать...

Серёжка шёл с матерью из школы, а ноги его, ему казалось, бегут назад единственно для того, чтобы он прокричал: «Ирина Давыдовна, я был плохим учеником, простите!... Не уезжайте! Пожалуйста!.. Вы самая...самая!»...

Лето 48-го

Дальневосточное лето 48-го в самом своём начале радовало свежестью зелени, ясным небом и горячими лучами солнца. Длительная сплошная облачность чуть ли не с тропической жарой и сыростью пока не угрожала.

После школьных занятий, напряженных экзаменов, казалось бы, Серёжке только отдыхать и наслаждаться простором, окружающим избушку-засыпуху, но он затосковал. Ему не хватало общения с себе подобными. Случайно он услышал, что многие школьники этим летом, впервые после войны, едут в пионерские лагеря.

Серёжка сразу же поделился этими слухами с матерью.

- Мам, узнай на работе насчет путевки мне, - попросил он.

- Спрошу, сынок, спрошу, - ответила Анастасия.

В мастерских ей почему-то сказали: пусть обратится в ГОРОНО сам.

Дорога в город подростку была уже знакома, и ГОРОНО он нашел, никого не спрашивая. Оно располагалось в двухэтажном кирпичном здании почти рядом с горисполкомом.

Серёжка, как ходил в школу в своём изношенном фланелевом костюмчике, из которого вырос, и в кирзовых сапогах, - так и предстал перед завгороно, когда открыл дверь кабинета на втором этаже, с предварительного разрешения секретарши.

Заведующая с удивлением посмотрела на вошедшего подростка, похожего на беспризорника.

- Ты по какому вопросу?

Серёжка переступил с ноги на ногу.

- Вы не могли бы меня отправить в пионерлагерь?

- Тебя?.. А сколько же тебе лет?

- В мае исполнилось пятнадцать.

- Ты, деточка, из пионерского возраста давно вышел. Вот разве в пионервожатые. Сможешь? - произнесла она явно с иронией.

Серёжка видел в своей школе пионервожатых: ими были две старшеклассницы, красиво одетые, у каждой на груди был пионерский галстук.

- Вожатым не смогу, - резко ответил Серёжка и, не ожидая от дальнейшего разговора ничего хорошего, выскочил из кабинета.

Направляясь домой, он увидел в темном огромном окне какого-то учреждения собственное отражение. На Серёжку смотрело худощавое, наголо стриженное и плохо одетое существо, по росту - не более тринадцати лет.

Он сначала ужаснулся от неприглядного вида «двойника», а потом - рассмеялся... Это у него, такого оборвыша, каким, наверное, был Гаврош,

только что завгороно спрашивала: согласен ли он стать пионервожатым... Тетя! Вы, конечно, шутили! Неужели вы подумали, что я этого не пойму?.. Нет, тетя, я все что угодно, но не дурак!..

Добравшись до Амурлага и подходя к засыпухе, Серёжка словно впервые увидел огромный пустырь. По обе стороны от железнодорожной ветки он был почти полностью раскорчёван, вспахан и отдан трудящимся разных организаций под посадку картофеля. Остались только отдельные листовенницы да кусты вблизи насыпи железнодорожной линии.

А вот, отметил Серёжка, и новый домик появился метрах в ста от засыпухи, маленький, из одного ряда горбыля в нахлест, для сторожа, чтобы поле охранять - ведь, понятно, голодных ещё немало, хотя и прошло уже шесть месяцев, как отменили карточки...

За подготовкой к экзаменам и их сдачей ученик не заметил, что и мать на двух сотках глинистой земли посадила картошку...

Через несколько дней, после посещения ГОРОНО, Серёжка пришёл к заключению: уже и то огромное для него благо, что мать не посылает его торговать водой, и совсем неплохо будет, если летнее время он посвятит чтению книг.

Первой книжкой, которую на этот раз Серёжка спросил у библиотекарки, была «Как закалялась сталь», о которой он услышал впервые из уст рослого молодого лейтенанта, когда советские войска на Северном Кавказе только что освободили Теберду. Подросток убедился: не зря в 43-м году лейтенант сказал, что прочёл эту книгу два раза, нося её повсюду в своей полевой сумке.

Для Серёжки Павка Корчагин сразу стал кумиром, и многое захотелось у него перенять. Для начала он решил научиться драться. Но Павку учил боксу Жухрай, а у него такого учителя не было. Поэтому, когда однажды к Анастасии Григорьевне в гости пришла дочь Зина со своим Зверьковым, Серёжка отозвал за избушку Васю, худощавого, но мускулистого, и попросил его:

- Ударь меня!

- Да брось ты, не хочу я тебя бить! завозражал удивлённый муж сестры.

- Я прошу! - настаивал Серёжка и принял боксёрскую стойку.

Вася ударил шурина в грудь... Через секунду щуплый мальчишка силился сообразить, почему он оказался на земле.

- Ну, ещё раз!

И от второго удара подросток не устоял. Третьего удара не последовало.

- Хватит с тебя! Отстань, а то матери скажу, - пригрозил Зверьков...

Больше Серёжка в это лето боксом не занимался...

За каникулы Деревцов прочёл книг не менее полутора десятка. Но как самые лучшие остались в памяти, кроме романа Николая Островского, «Разгром» и «Молодая гвардия» Фадеева, «Грач-птица весенняя» Мстиславского, «Кюхля» Юрия Тынянова, трилогия Горького «Детство, В людях,

Мои университеты». И зачитывался он стихотворениями и поэмами Некрасова.

В начале августа, когда на несколько дней из недалней командировки приехал отец с двумя товарищами по работе, Серёжка побывал с ними на небольшом, но глубоком озерке в районе большого озера Мылки. Там он научился плавать, а если точнее - его научили.

Паровозники пришли отдыхать не без водки. Отец, помощник и кочегар выпили по стопке и полезли купаться. Серёжка остался на берегу. Но после второй стопки двое молодых товарищей отца, раскачав легкого подростка, бросили его метров за пять от берега. Серёжке ничего не оставалось: или, захлебнувшись, утонуть, или плыть. Весельчаки, смеясь, уверяли мальчишку, что и их когда-то учили плавать точно так же.

- Меня, например, - говорил помощник, - бросили даже не с берега, а на середине реки с лодки...

Плавать Серёжка научился, но как это получилось, вспоминать ему было не очень приятно.

В начале августа, отправляясь вновь в недалёкую командировку за полторы сотни километров от Амурска, отец взял Серёжку на паровоз.

Когда вечером юнец оказался в кабине управления локомотива, к удивлению подростка, помощник и кочегар сразу его узнали.

- Ну, как, Серёга, плавать научился? засмеялся кто-то из них.

Мальчишка хотел обидеться, но увидел, что они к нему относятся по доброму, и стал рассказывать, что он уже бывал на паровозах и немного разбирается в приборах.

Отправление паровозу дали около двенадцати ночи. Отец ответил длинным гудком, и локомотив стал набирать скорость.

Было ещё не совсем темно, и в ясном небе ещё не все обозначились звёздочки - все это Серёжка отметил, когда пролез на тендер, почти до верху наполненный углем.

Потом он на всё убыстряющемся ходу паровоза вернулся в кабину и, понаблюдав за работой

Лехи, кочегара, попросил дать ему побросать уголь в топку.

- Попробуй! - засмеялся кочегар и рычагом раздвинул створки топки.

В круглом отверстии плясали то красные, то белые языки пламени.

Серёжка совковой лопатой черпал из лотка уголь и старался изо всех сил бросать его как можно дальше.

Через пару минут Лёха сказал мальчишке:

- Отдохни! Ты молодец! Давай-ка с топкой буду управляться я, а ты мне из тендера почаще уголь подбрасывай в лоток. Чтобы на ветру там не простыть, надень вон на лавке мою фуфайку.

Серёжка так и сделал: он юркнул в просторную, не очень грязную телогрейку и, подняв брезент лаза, вновь оказался на тендере.

Паровоз, стуча колёсами и дымя высокой черной трубой, несся в ночь. Справа и слева был тёмный лес, искры вместе с дымом перелетали через зубцы хвойных деревьев и, казалось, вот-вот воспламят тайгу. Но этого не происходило.

Только от искр, мерещилось, ярче и ярче разгораются звёзды над головою и по всему небу.

Серёжка несколько минут любовался звёздным небом, потом хватал лопату и бросал, и бросал уголь то с середины тендера ближе к лотку, то в сам лоток. Холода он не ощущал и в кабине паровоза за всю ночь появился всего раза три.

В пятом часу Лёха сказал ему:

- Вздремни-ка вот здесь на лавке, места ты много не займёшь...

Днём отец с сыном, немного послав в комнате, где отдыхают железнодорожники, перекусили вместе в привокзальном буфете. Потом Родион Алексеевич посадил Серёжку на другой паровоз с другой бригадой, который шёл вместе с составом леса на Амурск. А вечером Серёжка уже рассказывал матери, как всю ночь бросал уголь на тендере паровоза.

Не менее важным событием того лета, а может быть, самым радостным завершением его, явилось для Серёжки Деревцова покупка родителями в самом конце августа ему костюма к школе.

Отца снова отправляли со сплоткой паровозов, подлежащих заводскому ремонту, куда-то на запад. Предполагалось, что в командировке он пробудет несколько месяцев. Дня за три до отъезда отец, сидя за столом, как-то странно посмотрел на Серёжку, который только что принес ведро воды с колонки, потом обратился к Анастасии Григорьевне:

- Мать, арестанты одегы лучше, чем твой сын. Анастасия обиделась.

- Он такой же мой как и твой, хотя ты меня всё время и укорял, что этот не от тебя ребёнок. Кто же будет одевать? На мою зарплату технички даже прокормиться как следует нельзя.

- Всё! Хватит болтать, собирайся, пойдём на Амурсталь! В городе мы уже с ним были - ничего не нашли...

Район Амурсталь, если не считать завода, представлял из себя почти примыкающий к высокой сопке небольшой компактный посёлок, в основном из двухэтажных домов с широкой асфальтированной дорогой посредине.

Голубой одноэтажный магазин с большими окнами и с зеркалами внутри сразу понравился Серёжке. И костюм для него молодая, улыбающаяся продавщица предложила сразу, словно она давным-давно знала, что придёт обязательно мальчишка, которому она преподнесёт сюрприз.

Костюм тёмносинего, почти чёрного, цвета, из хорошей тонкой шерсти состоял из брюк и кителя. Подросток его померил и, увидев себя в зеркале, чуть не воскликнул: да я же красивый! Отец и мать тоже были довольны.

Был ясный предосенний день, голубой, прозрачный, почти хрустальный. Этот день был одним из немногих в жизни Серёжки, которые он помнил и причислял к счастливым.

В седьмом «Б»

В первые дни занятий, теперь уже в седьмом классе, сердце Серёжки переполняло чувство чуть ли не восторга. Он рад был увидеть неунывающих Разумова Кольку, Петю Чулкова, спокойного Ва-

дима Борновского. После лета было особенно интересно послушать Кольку Петрова, заядлого рыбака и начинающего охотника.

Слушателей на перемене Петров обычно собирал в коридоре. Там к нему подходила ребятня разных возрастов. Рассказывал Колька забавно, но не смеясь:

«... Вечером удочки сколько не закидывали, не идёт ни щука, ни лещ, ни окунь. Решили поставить мордушку - дядя Ваня сплёл из прутьев. Думали - обязательно щука попадётся. Утром достаём... а в ней дыра, и ни одной рыбки. Потом смотрим: следы на глине медвежьи... А раз наловили на уху карасей. Костёр не стали разводить, а только подвесили на жердях ведро. Сами ушли ещё порыбачить. Пришли: жерди разбросаны, ведро валяется, и - хоть бы одна рыбка осталась...»

В многочисленных Колькиных рассказах почти во всех кознях подозревался медведь. Были или нет эти случаи на самом деле, сомневаться никому не хотелось.

Серёжка, одетый приличней, чем в прошлом учебном году, уже не чувствовал себя изгоем. Единственно, что его огорчало, если говорить откровенно, это отсутствие прежней учительницы русского языка и литературы Ирины Давыдовны. По ней он иногда тосковал.

Школа была новая, прекрасная, но учителя почему-то менялись часто. По-видимому, далеко не все собирались оставаться в строящемся дальневосточном городе навсегда или хотя бы надолго.

Русский язык и литературу начала вести ещё не окончившая института учительница. Когда Серёжка на уроке привёл пример эпитета: «Окно было медное от заката», она сказала:

- Это неверно! Окно не может быть медным.

У Серёжки в тот момент хватило такта, чтобы не сказать, что фраза взята им из произведения Юрия Тынянова «Кюхля».

Зато повезло седьмому «Б» с предметом географии. Вела её классный руководитель Нелли Владимировна. Её сразу, с первого дня учебного

года, полюбил весь класс. Стройная, с волнистыми русыми волосами до плеч, а главное спокойная и добрая, она умела свой предмет вести увлекательно.

Иногда в начале урока она уносила учеников в какой-нибудь сказочный уголок мира, будоража воображение. А потом, смеясь, говорила: «Ой, ребята, я с вами что-то отвлеклась...» - и переходила к теме по программе.

Серёжку она попросила пересесть с предпоследней парты третьего ряда в средний ряд на вторую парту к Галке Машковой. С тех пор Серёжку как подменили: он перестал получать тройки и вышел чуть ли не в отличники, а к тому же его избрали в редколлегию стенной газеты художником, не припомнив ему хулиганской выходки на уроке рисования в шестом классе.

Наверное, к концу второй четверти Деревцова могли назвать одним из лучших по успеваемости и поведению, если бы в середине декабря вдруг вместо Нелли Владимировны классным руководи-

гелем в седьмом «Б» не стала новая географичка Зинаида Артемьевна.

Серёжке Деревцову она сразу не понравилась, ни в какое сравнение не шла с Нелли Владимировной, проработавшей всего несколько месяцев, но которую успел полюбить весь класс, как когда-то любили Ирину Давыдовну.

Почему так неожиданно исчезла прежний классный руководитель, никто не знал. Когда же об этом спросили Зинаиду Артемьевну, она ответила, что так сложились у Нелли Владимировны семейные обстоятельства. Какие именно - объяснять не стала, сказав, что это не входит в её обязанности.

Лучше бы сказала «не знаю», подумал тогда Серёжка, чем это «не входит в обязанности»...

В конце недели, на классном часе, Зинаида Артемьевна треть учеников пересадила уже по своему усмотрению. И тоже без всяких объяснений. Серёжка, как и в шестом классе, снова оказался на «камчатке» и по случайному совпадению - вновь на предпоследней парте третьего ряда.

Серёжку это обидело. В чём он, правда, не признался бы и самому себе. Ему нравилось сидеть с Галкой Машковой. Внешностью и характером она больше походила на мальчишку-спортсмена. Была остра на язык - могла «отбрить» любого. В классе общалась со всеми. Если видела дерущихся на перемене - всегда разнимала их, не жалуясь учителям. Когда Нелли Владимировна посадила Серёжку к Галке, вначале он её стеснялся. Но потом привык и перестал обращать внимание на то, что она девчонка. Однако вольно себя вести и учиться кое-как позволить себе не мог...

Теперь Деревцов вновь сидел с Вадимом Боровским. Серёжа ещё в шестом классе побывал у него на втором этаже барачной квартиры и послушал, как тот играет на баяне. С тех пор они были хорошими приятелями, хотя и не друзьями. Впереди их Зинаида Артемьевна посадила рослую Королёву и кудрявую, с румяными щеками Линку Одинцову. Соседями по последней парте снова оказались неразлучные друзья худощавый Коля Разумов и упитанный Петя Чулков.

Поостыв после обиды на новую географичку, Серёжка сообразил, что вообще-то - он вернулся в дружескую компанию. Его уважали больше, чем прежде. Если раньше - за рисунки, то теперь и за то, что почти отличник, и поэтому на контрольных, особенно по математике, у него просили подсказать или дать списать. И он никогда не отказывал, чем, стараясь не подать вида, гордился.

Новогоднее пожелание

Была предновогодняя пора. Заканчивались контрольные, начиналось подведение итогов за первое полугодие. В классе, да и во всей школе, чувствовалось оживление. Как будто после большой нагрузки вдруг наступило расслабление. Из спортзала доносились удары мяча и азартные выкрики. А из актового зала вырывались звуки вальса.

Внутри у Серёжки Деревцова тоже словно поселился чертёнок. А к тому же его больше не сдерживало соседство с Галкой Машковой. В классе

смеялись над шаржами, нарисованными им в Новогоднюю стенгазету. Никто за них на Серёжку не обижался, ему улыбались и говорили, что он молодец.

Почему-то особенно восторгалась Линка Одинцова. В классе она не вела никакой общественной работы и завидовала тем, кто это делал и особенно, если делал хорошо. Тем самым и привлекла Линка Серёжкино внимание. Ему даже показалось, что эта восторженная девчонка в него влюблена.

За два дня до каникул на большой перемене Линка ни с того ни с сего крикнула Серёжке: «Догони!..» И он, совершенно отключившись от всего на свете, понесся за ней вниз по лестничным ступеням. Перед глазами Серёжки стояли только Линкины смеющиеся глаза и пылающие щеки.

Пролетев по лестницам вниз три этажа, Серёжка вдруг упал. Левая нога в сапоге застряла между частыми прутьями перил. Кое-как освободил он ногу, но когда встал на неё, то снова чуть не упал, а в глазах от боли поплыли черные круги.

У Вадима Борновского отец был врачом. Поэтому Вадим сразу поставил диагноз: перелом! Быстро одевшись, он, Коля Разумов и Петя Чулков на руках доставили Серёжку в поликлинику.

Хирург разрезал сапог, потому что снять его было невозможно: стопа распухла. Доктор определил, что перелома нет - ушиб, растяжение, и прописал горчичные компрессы и покой. «Три недели полежишь, не меньше», - сказал он на прощание. И добавил: «Друзья у тебя хорошие, я думаю, домой они тебя доставят».

Когда Анастасия Григорьевна увидела Серёжку на руках трех мальчишек, она сразу заплакала, запричитала: «Беда-то какая! Что с тобой, сыночек?». Серёжка кое-как её успокоил: «Мне не больно! Наступать только не могу. Скоро пройдет - врач сказал».

На другой день Серёжка уже скучал по школе: может быть, оттого, что день этот был предновогодний. Утром, лёжа в постели, он думал: «Занятий сегодня, конечно, не будет. Только классный

час, - и Серёжка представил отрешённое, деловое лицо Зинаиды Артемьевны. - Наверное, сообщит всем, какие у кого отметки... Между прочим, он, Сережка, на её бы месте так делать не стал, чтобы не выделять «отличников» и «среднячков»...» Больше он о ней решил не думать.

Он вспомнил, как Колька Петров звал его на лыжах сходить на охоту. Серёжке нравились смешные охотничьи истории Петрова, но брать в руки ружьё или даже смотреть только, как будут в кого-то стрелять, он не хотел. Вспомнил, как вчера ребята тащили его на руках в поликлинику, а потом домой. И про себя прошептал: «Хорошие ребята! Ну и что, что они троичники»... Обиды на Линку Одинцову не было. Скорее, злился он на самого себя: сам виноват!

Днём, когда мать ушла в вагонные мастерские, Сережка очень долго и с восхищением смотрел через окно на внезапно начавшийся снегопад. А потом его вдруг охватило острое чувство одиночества. Почему-то хотелось плакать. Он отвернулся от окна и, сам не зная от чего устав, заснул...

Когда Серёжка открыл глаза, ему показалось, что он видит сон. Перед ним в неярком свете керосиновой лампы стояла мать, а за ней он увидел смеющееся лицо Галки Машковой и смущенные глаза Линки Одинцовой.

Мать нарочито строго воскликнула:

- Ты что ж это девчонок не пускаешь? Подхожу, а они стоят, постучать стесняются.

Серёжка, не находя слов, хотел сесть на кровати, но Галка, рванувшись вперёд, быстро проговорила:

- Лежи, Серёжа! Мы на минутку. Поздравляем тебя и твою маму с наступающим Новым годом! Выздоровливай! А это тебе, чтобы не скучал... - и положила на одеяло новенькую книгу в твёрдом белом переплете. Это был роман «Евгений Онегин», о существовании которого в то время он даже и не подозревал.

Анастасия Григорьевна хотела угостить девчонок чаем, но они заспешили, сославшись, что уже темно. Линка, выходя, почти прокричала:

- Серёжка, не обижайся на меня!..

Изумленный подросток пришёл в себя, когда ни Галки, ни Линки уже не было. Он взял книгу - из неё выпал треугольный конверт, перевязанный узкой голубой лентой. Красными чернилами на нем было выведено: «Пожелание». Сережка развернул конверт: от белоснежного листа повеяло сиренью. Ах, эти девчонки!...

Ему желали, кроме отличной учёбы, дружбы на всю жизнь, настоящей любви и еще - стать знаменитым художником. Это было фантастичней всех его представлений о своем будущем...

«Евгения Онегина» он читал и перечитывал целую неделю и удивлялся, как он мог не знать произведения, которое, наверное, давно известно девчонкам, и как много еще ему, Деревцову, предстоит для себя сделать открытий. С такими мыслями в голове начинался для Серёжки Новый 1949 год.

Знакомство со сторожем Семеном и его сестрой

На пустыре, с которого прошлый год Анастасия с сыном волокли в засыпуху вывернутые взрывами пеньки, в наступившую зиму собирать было больше нечего. Печь, сложенную Казаковым, топили уже углём; занимал он чуть ли не половину сенцев. Поверх его лежали последние поленья от прежних распиленных корней.

- До мая угля должно хватить, - говорила Серёжке мать, - вот с растопкой дело дрань.

Но живя рядом с дровяным складом, хотя и охраняемым сторожами, но огороженным кое-как, не надо было обладать необыкновенной сообразительностью, чтобы проникнуть в него за различными древесными отбросами, которых было немало, так как временами там работала пилорама. Иногда за ограду Серёжка пролазил вместе с матерью, но чаще - один. Мешка щепы и опилок, которые он приносил, хватало на несколько дней.

Однажды на территории склада подростка с мешком, набитым щепками, увидел молодой в армейской форме сторож. Он весело, словно обрадовался, крикнул:

- Стой! Попался, воришка!

Серёжка не испугался, он давно изучил склад, даже как будто сроднился с ним.

- Я не воришка, я ненужный мусор собираю.

- С чего ты взял, что он ненужный?

- Я видел, как его вывозят и сжигают. Мы рядом живем.

Сторож ещё больше повеселел.

- Тебя как зовут-то?

- Сережка.

- А меня - Семёном. Ты вот что, Серёга! Приходи, бери сколько унесёшь этого щепья, да только - в мою смену. А то деда, особенно Фадеич, тебя могут не понять; чего доброго, вызовут милицию.

С тех пор ученик Деревцов ходил на дровяной склад не в обход, через щели, а прямо - в двери ворот. Иногда Семён сам помогал мальчишке до-

нести мешок с древесными обрезками до временки и в гостях у Серёжки и Анастасии Григорьевны рассказывал о себе и о службе радистом на Сахалине.

Вне школы у Серёжки друзей и товарищей не было. Откуда они могли взяться, если на незастроенном пустыре рядом с временкой-засыпухой находился только дровяной склад! Может быть, поэтому пятнадцатилетний семиклассник был рад знакомству с двадцатидвухлетним Семёном, который отслужив в войсках связи и пока не найдя подходящей для себя работы, временно охранял горы бревен и досок на плохо огороженном складе.

Познакомился Серёжка с временным сторожем в начале февраля, когда ветер со свистом и завыванием в некоторых местах наметал огромные сугробы, а в других - обнажал землю, отчего на ней появлялись трещины. А через недели полторы на дровяном складе произошло ещё одно, для подростка совершенно неожиданное знакомство.

... Ближе к вечеру, набрав в мешок древесного отхода, Сережка решил заскочить погреться в вагончик, который являлся местом нахождения сторожа, а иногда раскомандировкой, если на дровскладе работали заключенные. Открыв дверь, он увидел сидящую на лавке в простеньком сером зимнем пальто с узеньким кроличьим воротником лет девятнадцати девушку. Из-под белой пуховой шали выбивались темнорусые пряди. Абсолютно черные, как две смородины, глаза смотрели иронично.

- Ты Серёжка, - девушка хитро улыбнулась полными губами. - Мне брат рассказывал, как напугать тебя хотел... Я ему тут поесть принесла... Хочешь конфетку?

Серёжка вспыхнул.

- Я что? Маленький?.. Конфеты вообще не люблю!

- Не правда!... Конфеты любят все...

Она встала и оказалась ростом не выше Серёжки.

- Мне некогда. В садик за сестренкой надо. Хочешь, заходи к нам. Мы за школой живём... в «терему».

Смешинка сверкнула в её глазах. И уже, отворив дверь вагона, в клочьях холодного воздуха девушка обернулась.

- Скажешь - Валя была!..

Однако Серёжка не стал дожидать Семёна с обхода: было уже темно, а к тому же мать ждала его с дровами...

* * *

Через несколько дней, подходя после уроков к дому, обогнув снегозащитные щиты, но ещё не перешагнув через железнодорожную ветку, за которой стояла временка, Серёжка услышал громкие вразнобой пьяные голоса. Сомнений не было: отец вернулся из командировки. Школьник, прежде чем открыть дверь засыпухи, постоял минуту, словно решая - заходить или нет, потом вошел.

За маленьким столом у окна, за которым Серёжка делал уроки, чудом, вместе с отцом уме-

стилось пять человек. Анастасия суежилась у плиты.

Родион, икая, навёл мутные, полузакрытые глаза на Серёжку.

- Ну как, сын! Матери помогаешь? А учишься как?

- Да помогает он, помогает, и учится не хуже других, - зашепила с ответом Анастасия.

- Не перебивай!.. Я спрашиваю его. Вот пусть он и отвечает!

- Брось ты, Алексеич! Ну, что ты пристал к парню, - наперебой заговорили двое рослых в годах мужчин, одетых в грубые спецовки. - Вон у тебя он какой красавец и грудь широкая, девки, поди, уже любят.

Третий - лет двадцати пяти крепыш, в чёрном кителе и тельняшке, голубоглазый и с золотыми кудрями, протянул Серёжке рюмку.

-- Садись рядом. Тебя как зовут? Сергеем?.. А я Валька Мухин! С твоим отцом в Брянск сплотку на ремонт гоняли. С флота, браток, на паровоз попал...

Серёжка сел с Валькой на краешек табурета - хотелось есть, но от водки он отказался.

- Ученику - нельзя! - провозгласил один из рослых - помощник машиниста.

- Можно! - сказал второй - сцепщик. - Кто рано попробует, тот потом пить не будет.

- Молчать!.. Я капитан!.. - гаркнул Родион. Это была его пьяная поговорка, поэтому на нее никто не обижался. К тому же, как обижаться на старшего?

Темы разговоров у распивающих третью бутылку «пятидесятишестиградусной» менялись чуть ли не поминутно. Сцепщику надоело утверждать, что пробовать водку в детстве просто необходимо, и он, переведя взгляд на Серёжку и даже отодвинув налитую рюмку, то ли решил сам узнать, то ли проверить знания школьника.

- А вот скажи мне, ученик, кто убил... как его... был такой поэт... Пушкина?

- Это известно еще из пятого класса, - серьезно ответил Серёжка, - Дантес его на дуэли ранил, и от раны он умер.

- Врут!.. - прохрипел, как спросонок, Родион. - Вам в учебниках там понапишут... Убил его - Лермонтов!

Хохот вырвался из Сережкиной груди. Он высочил из-за стола. Родион сдвинул брови.

- Молчать!.. Что?... Всё знаете?.. Ничего вы не знаете!

- Да будет тебе, отец, ругаться, закуси рыбкой жареной, - снова пыталась мужа успокоить Анастасия Григорьевна.

В это время в дверь постучали, и через порог переступила Валя - сестра сторожа Семёна.

Пьяные уставились на вошедшую.

Девушка порозовела.

- Извините, пожалуйста!.. Тетя Настя, брата у вас не было?.. Вторые сутки - ни дома, ни на работе.

Анастасия явно обрадовалась, что в избе появилась ещё одна, кроме неё, женщина.

- Это Валя, - объявила она сидящим за столом, - кладовщицей у нас в мастерских работает.

Потом ответила девушке:

- Сеня был, не сегодня, а дня три тому - поиграли в карты; говорил, что работу хорошую нашел. Какую, где - я не спрашивала... Да ты присядь. Может стопку выпьешь?

- Нет, нет! Что вы, тетя Настя!.. Я пойду...

- Девушка, обождите!

Валька Мухин, чуть не опрокинув табурет, схватил полушубок, шапку и вылетел из временки, не закрыв двери.

Анастасия воскликнула:

- Ай да парень!.. Что значит - молодые. А разве все мы не такими же когда-то были! А ну, мужики, налейте-ка мне стопку!..

И она пошла от печки, притопывая и напевая:

А что кому до нас -

Нынче праздник у нас.

Мы зароемся в соломушку,

Не найдете нас.

Серёжка быстро оделся и незаметно выскочил из избы. Дул ветер, но не очень сильный. Кроме как на дровсклад идти было некуда.

... Он вошёл в вагон и удивился: на лавке сидел старик с лежащими рядом полушубком, шапкой и большим рюкзаком, смотрел на него серо-водянистыми глазами и улыбался.

- Что, Серёжка, не узнал Казакова?

- Узнал, - ответил подросток. - А почему вы не у нас, а здесь?

- А вот потому же... что и ты здесь... Ты ведь сбежал от пьянки. Ну, и я пьяных не люблю. Потому и не зашёл.... Поживу пока у Ивана, сторожа; давно его знаю; он сейчас в обходе... А «гулял» я в одной рыболовецкой артели... Это было летом, а зимой снова «гостил» в колхозе «Заря», там у них круглый год работы хоть отбавляй... Не могу жить долго на одном месте. В этом я твоему отцу родня. А вот в пьянку никогда не ударялся. Сколько она проклятая хороших людей погубила... и до сих пор губит. Вон, напарник молодой у Ивана - тоже загулял. Нашел себе где-то в центре города бабу и загулял. А я, Иван говорит, подряд за него двое суток дежурю.

- Зовут его Семёном? - быстро спросил подросток.

- Да, кажется, так Иван его называл, - ответил, вздохнув, Казаков. - Только говорить об этом никому не надо, а то влепят парню тридцать третью статью в трудовую...

Когда Серёжка вернулся домой, отец, иногда вскрикивая: «Молчать! Я капитан!» - лежал на топчане. Двое рослых - помощник и сцепщик - чуть ли не в обнимку спали на тонком Серёжкином матрасе, брошенном на пол. Маленький, неприметный парень, который мало пил и все время молчал, лежал рядом с двумя товарищами по работе на собственной телогрейке. Он был стрелочником и одновременно стажером у кочегара Вальки Мухина, уже готового сдать на помощника.

Мать убирала со стола. Спросила, где был. Выслушав сына, печально сказала: «Ты уж не грубил бы отцу-то, отец ведь все-таки»...

На другой день Серёжка схватил единицу по географии за невыученный урок. Он не стал объяснять причину Зинаиде Артемьевне, почему не мог заглянуть в учебник. Это было бы смешно и дико.

Придя из школы, отца дома он не застал. «Все ушли, - сказала мать, - всё-таки ведь - они на работе. Железная дорога это не шуточки...».

Родион пробыл дома на этот раз всего неделю. Он снова, возглавив бригаду, в которую вошел и Валька Мухин, погнал сплотку паровозов, но не на ремонт, а в район строительства Волго-Донского канала. Наверное, охотников отрываться от семьи было не много, зато старший машинист Деревцов любил дальние дороги и уже давно имел опыт, связанный с командировками.

Серёжка не сильно переживал по поводу скорого отъезда отца. Школьные дела снова вошли в колею. Дома, когда мать уходила в вагонные мастерские, он вслух заучивал стихи, пересказывал прочитанное.

Очередной отметкой по географии была пятерка. «Вот так всегда бы», - не преминула сказать Зинаида Артемьевна.

«Терем»

В начале марта бешеные ветры поутихли. Обильный снегопад время от времени делал невидимыми дома, улицы, деревья. Потом контуры и силуэты города становились отчётливей, и вдруг оказывалось, что земля, оголенная февралём, вновь окутана пушистым, ослепительно белым снегом.

В воскресенье, утром, радуясь тихой погоде, Серёжка, сказав матери, что немного погуляет, зашёл в вагон дровяного склада узнать, вышел ли Семён на работу.

- Рассчитался твой друг, - ответил высокий мужчина, далеко не старик. - Зачем только таких принимают, трёх месяцев не проработал.

Это был тот самый Фадеич, про которого Семён говорил: «... за щепки может милицию вызвать».

Серёжка остро ощутил надоевшее однообразие повседневности. Школьного мира ему явно было мало...

Он, оставив позади времянку и дровсклад, пересёк широкий тракт, обогнул школу, с правой стороны которой, через дорогу, - белел почти полностью отстроенный квартал амурлаговского района, с красивыми, в основном четырёхэтажными домами, а впереди - простирался другой незастроенный пустырь. Его Серёжка уже пересекал, в прошлом году, тоже в марте, когда ему надо было попасть для обследования в Центральную больницу.

Узенькая дорожка, протоптанная по этому пустырю, вела в центр города мимо стоящего одиноко щитового домика. Это был «Терем» - так называла свое жилище Валя, сестра Семёна. Но Серёжка не был в этом уверен.

Он свернул к избе и, не раздумывая, войдя в незапертые сенцы, постучал в широкую крашеную дверь.

Открыла женщина, лет сорока пяти.

- Вам кого, молодой человек? - спросила она, припадая на одну ногу.

- Семён не здесь живет? - быстро проговорил Серёжка. И услышал голос из глубины большой единственной комнаты:

- Мама! Это ко мне. Проходи... Серёжа! Я ведь приглашала тебя. Ты почему не приходил?..

Серёжка увидел слева от незановешанного окна, сидящую за столом вместе с что-то рисующей белокурой маленькой сестренкой, Валю.

Девушка встала, она оказалась в домашних тапочках и в цветастом халате, волны темнорусых волос обдавали щеки и шею. Подойдя к Серёжке, она сняла с него старую, армейского типа шапку, у которой не было одного уха, и рассмеялась неизвестно чему.

- На что тебе Семён? У него теперь в центре города жена с квартирой и с ребенком, почти таким же, как ты.

Серёжка вздрогнул.

- Я ребёнок?

Он вновь набросил на себя снятую было телогрейку.

- Ну, что ты, Сергей? Я же сказала - «почти». Не обижайся! Ты не ребёнок, но ты ведь ещё и не взрослый.

Мать вздохнула: «Ну вот, ни за что ни про что обидела парня», - и заковыляла к печке.

Серёжка схватил с лавки свою шапку.

- Я забыл, мне нужно в библиотеку.

Валя поспешила вслед за Серёжкой в сенцы.

- Приходи завтра. Часов в семь. Я начала читать «Тихий Дон». Вместе читаем. Обязательно приходи!...

Дружба

Серёжку никто и никогда не приглашал к себе домой, тем более так тепло и ласково, как Валя. Конечно, он бывал в квартирах двух-трёх одноклассников, по разу, но ведь эти посещения - совсем другое.

В девушке было то, чего Серёжке так не хватало - душевного тепла любящей сестры. Валя вполне подходила на эту роль. К тому же она с самого первого момента их знакомства именно так, словно он брат ей, к нему и относилась. Не понимал Серёжка только её - как будто бы нечаянную - колкость, иронию по отношению к его возрасту.

С приближением к порогу шестнадцатилетия юноша был чрезвычайно обидчив, но незлопамятен. Поэтому, забыв всё второстепенное, помня только настойчивое «обязательно приходи», Серёжка на следующий день вечером переступил порог Валиного «терема».

Её мать по-прежнему почему-то обращалась к нему на «вы»: «Проходите, молодой человек. Наденьте тапочки - пол холодный»...

Она куда-то собиралась: оказывается, несмотря на свою хромоту, женщина ночами мыла полы в школе и исполняла обязанность ночного сторожа.

- Ну, я пошла, - сказала Валина мать. А ты, Наташка, - обратилась она к своей белокурой шестилетней дочке, - слушай сестру.

- Пусть посмеет не послушать, - смеясь, отозвалась Валя.

Она всё в том же, как и вчера, цветастом халате сидела на стареньком диване, за которым на сундуке, накрытом половиком, играла в куклы её сестрёнка.

Как только мать ступила за порог, а за ней в сенцы последовала Валя, чтобы закрыться, - Наташка, бросив куклы, подбежала к сидящему на лавке у двери Серёжке.

- А я что-то знаю, - прошептала она. - У нас был дядя Валя, он хочет с нашей Валею пожениться.

Серёжку это сообщение не огорчило, но и не обрадовало.

Валя, вернувшись и увидев сестрёнку возле гостя, с негодованием воскликнула:

- Вот негодница! Всем, кто бы ни пришел, рассказывает про Мухина. Видать, понравился он ей, вот и плетёт что попало... Два раза заходил и оба раза пьяный... «Кого, нас?! Кого, нас?!» - поговорка у него такая... Потом, смеясь, Валя взяла Серёжку за руку и посадила его на диван.

- Ты эту болтушку не слушай!

Она взяла со стола большого формата книгу и, подав её Серёжке, села на диван рядом.

- Читай с самого начала.

О писателе Шолохове и его знаменитом романе Серёжка ничего и никогда не слышал... И вот - с первой же страницы перед глазами стали разворачиваться картины незнакомого края и далёкого времени. Картины яркие, порой жестокие сменяли одна другую: турчанка, Пантелей Прокопьевич, Григорий, Аксинья... казалось, мелькали рядом, а река Дон - словно плескала волнами в тёмные, полузамороженные окна...

И Серёжка и Валя читали по переменке без перерыва часа полтора. Печка начинала остывать и в комнате становилось прохладно. И наверное, из-за этого они сидели бок о бок, прижавшись друг к другу и к спинке дивана, пождав ноги и укутав их стеганным ватным одеялом.

Наташка тоже устроилась на диване, рядом с сестрой. Натянув одеяло до самой шеи и откинув

белокурую, с короткими косичками голову на край подушки, она смотрела то на сестру, то на Серёжку и постепенно засыпала.

Серёжка первый прервал чтение.

- У вас где дрова?

- В сенцах, - ответила Валя, взяв книгу и хлопнув её.

Серёжка принёс две больших охапки поленьев и в следующие несколько мгновений печь весело затрещала, заговорила.

- А ты молодец! - сказала Валя, раздевая и укладывая уже спящую Наташку.

- Я бы печь затопила только утром...

Потом Серёжка за столом пил с Валею густо заваренный, обжигающий чай. От комочков сахара он всё-таки отказался. Девушка улыбалась, понимая: мальчишка хочет быть до конца последовательным, заявив ещё при первой встрече, что конфеты он, а следовательно и вообще сладкое, не любит.

Домой Серёжка вернулся в одиннадцатом часу.

Мать встретила его вопросом:

- Ты где это пропадаешь? Ночь на дворе.

- Был у Семёна, - ответил сын.

Это была не правда, но и не ложь.

Конец дружбе

Три недели чуть ли не ежедневных встреч с Валентиной привязали Серёжку к ней. Он не мечтал о ней, витая в облаках, как например, об однокласснице Рите Кучере. Однако скучал по девушке, если не видел её день или два. Ничего неестественного, необыкновенного подросток в этом не находил, ведь с самого раннего детства ему нравились и некоторые девочки-сверстницы и красивые женщины и прежде всего - совсем малышом - он сильно любил свою маму.

Да, ему хорошо было с Валею.

Когда они не читали, он рассказывал ей про свои школьные дела и, конечно, о конфликтах школьников с учителями. Она смеялась. И от этого Серёжка начинал выдумывать небылицы.

И вместе они хохотали непонятно над чем. Иногда девушка учила Серёжку танцевать, и это тоже было забавно и весело.

Но школьника Деревцова очень удивило, когда Валина мать, которой мальчишка явно был по душе, в отсутствие дочери, то ли шутя, то ли все-ръем, сказала ему:

- Тебе до восемнадцати всего три года. Валентина тебя подождёт...

Март все ещё преподносил сюрпризы: то в виде снегопада, то в виде синего неба над головой. Но всё равно было уже тепло. Чувствовалось - в воздухе витает весна...

Не в первый раз вечерами Валя провожала Серёжку домой до половины пути. Границей была асфальтированная, освещенная фонарями дорога, перед которой заканчивалось снежное поле-пустырь, а за ней, на противоположной стороне, - стояли дома уже почти отстроенного амурлаговского квартала. Дойдя до этой гра-

ницы, они, обычно, постояв, но так и не расставшись, поворачивали в обратную сторону, и Серёжка доводил Валю до дверей ее «терема».

Они не рассказывали друг другу о своем прошлом. Серёжка догадывался, что Валя не окончила десятилетку. «Почему?... Зачем ему это знать? Или зачем ей знать, что он был в оккупации». Зато день, только что минувший, их волновал, и делиться впечатлениями от него превратилось в весёлую игру. Радовали их и беснующиеся снежинки, и в ясную погоду холодный закат, и то, что они смотрят на всё почти одними глазами, хотя он моложе её на целых три с половиной года.

Первая в жизни Сережки светлая, наполненная только радостью полудетская дружба с девушкой закончилась неожиданно.

... По единственной, протоптанной пешеходами дорожке, соединяющей центр города с Амурлагом, не торопясь, шли они в сторону фонарей. В звездном небе высоко сиял месяц. Валя была всё в том же простеньком сером зимнем пальто с

узеньким воротником, в чёрных валенках, из под белой пуховой шали выбивалась темнорусая волна волос.

Они уже приближались к широкой освещённой дороге. Жёлтый свет уличных светильников и голубой лунный свет, казалось смешались, и непонятно было: все, что вокруг: фонари, месяц, снежное поле - явь или сон. И сама Валя была осыпана не то частицами света, не то сверкающим инеем.

Возле большого сугроба, тоже сверкающего мельчайшими кристаллами, Серёжка остановился и посмотрел на девушку так странно, что Валя невольно спросила:

- Что с тобой?

Серёжка не знал, что с ним. Он смотрел на нее, словно увидел впервые. Восторг охватил его. Перед ним стояло сказочное, неземное существо, может быть - Аэлита, у которой искрились, переливались, горели огнём ресницы, брови, волосы. В глазах, когда она их подняла, казалось, отражаются все звезды неба.

Серёжка на секунду потерял самообладание. Его била нервная дрожь. Он впервые обнял её и, ослабев, - он не хотел этого - вместе с ней упал в середину сугроба.

Мимо быстро прошагал взрослый человек, не обратив на них никакого внимания. Но пешеход вернул Серёжку в реальность, возвратил ему силы. Дрожь как рукой сняло. Он выскочил из сугроба, поднял Валю за руки. Она не смеялась.

- Ты испугал меня. Разве можно так.

Он отряхивал от снега её, а она его.

Впервые она сказала:

- Не провожай меня. Иди домой. Уже поздно.

Серёжка стоял и смотрел, как Валя быстро удаляется от него. Он смотрел до тех пор, пока она не растворилась в темноте.

Последняя четверть в седьмом «Б»

После того вечера, как мучительно не хотелось Серёжке увидеть Валю, хотя бы ещё один единственный раз, её слова «не провожай меня» были непреодолимой преградой к этому. Он смут-

но, подсознательно понимал: прежним их веселым отношениям пришёл конец, за которым следовало что-то очень серьёзное - преждевременное для него и абсолютно ненужное ей...

Душевную пустоту ученика, с эксцентричным характером, заполнил литературный кружок.

Вела его новая учительница по русскому языку и литературе с университетским значком на приталенном пиджачке. Звали её Вера Александровна. Класс к ней ещё не совсем привык, но явно всем она нравилась, и никто не жалел о прежней студентке-заочнице.

На занятия кружка приходило человек семьдвенадцать, в большинстве - девчонки. Собирались обычно два раза в неделю, в своём классе, в дни, когда он не был занят учениками второй смены. Из мальчишек, кроме Серёжки, всегда приходил Гуревич Саша, высокий, степенный, похожий на профессора, и Хохлов Димка, пониже ростом, бойкий, из-под рубашки которого всегда была видна тельняшка.

Серёжку удивило, что не серьёзный Гуревич, а Димка, вечно готовый шутить и смеяться, на первом же посещении прочёл сочинённое им стихотворение, да к тому же патриотическое, об Александре Матросове.

Читал он его, встав возле парты, отказавшись от предложения Веры Александровны встать у её стола.

Из десяти примерно строф особенно всех взволновало вот это четверостишие:

*... И крикнул он: «Ребята!.. Выше знамя!
За Родину, за Сталина! Вперёд!...»
И с этими бессмертными словами
Он грудью закрывает пулемёт...*

Как будто договорились, никто не хлопал. Это было неуместно...

А потом - что для Серёжки было ещё большей неожиданностью - поднялась Галка Машкова. Она сказала:

- «Я прочту стихотворение, которое называется «Упрямый ребёнок». Это про мою сестрёнку.

Стишок в три строфы Сережка запомнил без труда. Галка читала его с выражением и с чувством.

*Строил ребёнок у края дороги
Башню из комьев снежных,
Но раскидали грубые ноги
Снежные комья небрежно.*

*Руки ребёнка опять лепили
Башню из снега сырого,
Но проходили ноги слепые
И башню сломали снова.*

*Упрямый ребёнок вздохнул устало...
Он завтра придёт бесстрашно:
Снега ещё у дорог немало -
Будет белая башня!*

На этот раз девчонки не удержались и дружно захлопали. У Веры Александровны радостно светились глаза. Наверное, она думала, что не зря организовала литературный кружок...

Под впечатлением от стихов Димки и Галки, придя домой, Серёжка решил, что тоже сочинит стихотворение. Ведь ещё в Теберде, в возрасте девяти лет он что-то писал, правда - без начала и

конца; однако, когда вернулся домой, в Ленинск - ни разу у него не возникало желания, и даже мимолетной мысли - прикоснуться к бумаге, чтобы зарифмовать хотя бы две строчки.

Но ведь у меня, вспомнил Деревцов, есть не то рассказ, не то повесть, которая лежит в нижнем ящике комода. Он представил себе, как читает одноклассникам о своём самом сокровенном, тайном, о чём он никогда, ни с кем не хотел делиться, да и сам стремился забыть... Нет, конечно же, нет! Эту тетрадь он даже в руки не возьмёт... А вот стихи попробовать сочинить - можно!

Был первый час ночи апрельского воскресенья. Серёжка встал с топчана, зажёл керосиновую лампу и, убедившись, что мать спит, достал из своей матерчатой школьной сумки почти исписанную тетрадку по математике. Он оторвал жёлтую обложку: клетки на белом листе, показалось ему, стесняют его воображение.

Как он не стремился думать о чем-либо другом, мысли все время возвращались в раннее детство. Раз так, решил Серёжка, из него я возьму только самое светлое, в общем - чуточку фантазии...

Крым... Крым... Только он виделся, и только он был необыкновенной, счастливой сказкой его детства.

К утру с исчерканных с обеих сторон двух листов жёлтой обложки Серёжка переписал на белый лист в клеточку окончательный вариант стихотворения. Он даже тихо-тихо прочёл его вслух:

Крым

*Волшебный край! Кто видел - не забудет
Скалистый берег, пенистый прибой...
Чудесный край в глазах стоит и будит
Из ранних лет воспоминаний рой.*

*Под шум волны мне грезилось когда-то:
За золотым руном плывет Ясон.
«Скорей, скорей!» - в удачу веря свято,
Свой клич бросал сквозь дождь
и ветер он.*

*В глаза смотрела в полночь мне русалка.
Я их тогда испуганно смыкал.
Ах, как потом её мне было жалко,
Когда она с крутых ныряла скал!*

*И каждый день, не ведая печали,
В любую сказку веря не шутя,*

*Казалось мне: стоял я на причале
И вдаль смотрел, и был матросом я...*

*И вдруг нежданно - полетели бомбы...
От прежних сказок лишь остался дым.
Одни ушли в леса и катакомбы,
Клялись другие: «Мы вернемся, Крым!...».*

*Военных лет растаяли невзгоды...
Готов любить я нынче край любой,
Но не забыть младенческие годы,
Скалистый берег, пенистый прибой!..*

Прошло несколько дней. Готовясь к новому занятию литературного кружка, Серёжка сравнил своё стихотворение с Галкиным. «Нет, - сказал он себе, - её стихи лучше! Галкин «Упрямый ребёнок» - это обобщенный образ, символ настойчивости, призыв с детства добиваться поставленной благородной цели... А что у меня? Только - личное»...

На очередном занятии кружка он продекламировал выученную наизусть три месяца назад поэму Пушкина «Братья разбойники». Линка Одинцова, которая тоже присутствовала, не удержалась от смеха, когда Серёжка, читая эту поэму у доски,

дошёл до строчек: «... Вошли - всё даром: пьём, едим и красных девушек ласкаем!...»

Все эти занятия были весёлыми - не походили на обычные уроки. Проходили они всегда вечерами, почти как раз в то время, в которое раньше Сережка посещал Валю...

Наконец зазвенели ручьи, защебетали громче и задорнее воробьи, прилетели и закричали скворцы - подкатило время повторения всего, что изучалось учениками за весь учебный год. Самолюбие в характере Деревцова уже играло чуть ли не главную роль, чего не было даже ещё год тому назад, а это требовало новых сил и энергии для занятий в классе и дома, чтобы не оказаться в троечниках.

Последние каникулы

Кто желает путешествовать?..

В мае, перед самыми экзаменами, на одном из последних уроков, классный руководитель седьмого «Б» Зинаида Артемьевна объявила своим ученикам:

- Городское географическое общество организует в сочетании с активным отдыхом научно-познавательное путешествие по таёжной реке Девятке, к её истоку. Участие могут принять старшеклассники школ города, начиная с тех, кто закончит седьмой.

Это объявление было произнесено по-деловому - не кратко, но бесстрастно, как что-то совершенно обычное. Такова была манера речи географички, члена городского географического общества.

- Возглавлю эту экспедицию я, - продолжала Зинаида Артемьевна. - Отправление - первого июля в десять утра с железнодорожного вокзала.

Сбор у билетных касс. Иметь при себе обязательно метрики. Деньги с собой можете не брать: мероприятие финансируют городские власти.

Несмотря на бесстрасную монотонность в голосе классного руководителя, многих объявление взбудоражило. Серёжка Деревцов и ещё несколько учеников в желающие отправиться в путешествие записались сразу же. Остальные заявили, что хотели бы... но их, наверное, не отпустят родители. Колька Петров, заядлый рыбак, а кроме того - один из тех, у кого неоднократно на уроках отбирали книжки о приключениях, - казалось, готов был сию минуту идти или ехать хоть на край света.

Из девчонок в «желающие путешествовать» записалась только Галка Машкова. И сразу же всем классом ей поручили вести дневник путешествия.

Серёжке советовали сделать побольше зарисовок. Для этой цели Рита Кучера, наверное, забыв обиду, нанесённую ей в шестом классе Деревцовым, пообещала ему принести альбом и

цветные карандаши, что и выполнила перед последним экзаменом.

Перевод в восьмой класс, когда он осуществился, Серёжке уже не казался особо значительным событием. Экзамены он сдал без троек и даже с пятёрками по математике и истории. Главное было - путешествие. Оно маячило впереди, как загадка, как абсолютно что-то новое...

На вокзале собралось человек семнадцать, не считая Зинаиды Артемьевны, её солидного мужа-ботаника и в полувоенной форме охранника. Из учащихся разных школ четверо - были девчонки. Из класса, где учился Сережка, кроме него, явился только Петров Колька. Галки Машковой не оказалось: как после выяснилось - у нее заболела сестрёнка. Зато Колька явился не на легке - а с большим рюкзаком, из которого торчало в разобранном виде зачехлённое охотничье ружьё.

Зинаида Артемьевна всех пришедших проверила по списку ... а через час вся группа путешественников, разместившись в трёх купе плацкар-

тного вагона, под стук колёс удалялась от родного города... неизвестно куда; и поэтому учащиеся сидели, присмирив, скрывая волнение, и смотрели в окна на несущиеся навстречу - уже незнакомые места...

Первые две экскурсии

На другое утро прибыли на станцию очень маленького городка, со всех сторон окруженного лесистыми сопками. Может быть, поэтому населённый пункт назывался Горным. Дальше железной дороги не было. Зато в километре от деревянного вокзальчика стояло кирпичное депо.

Вот туда после короткого завтрака и повела учительская чета учеников на первую экскурсию.

Шли не по путям, а по тропинке, с левой стороны которой, в овраге, среди много травья с папоротником, тянули свои ветки вверх, словно пытаясь забраться на насыпь, кусты шиповника, калины, волчьей ягоды.

В депо сначала посмотрели на паровозы. Их было два. Первый - небольшой, с высокой трубой, рабочий, смеясь, назвал «Овечкой»; второй - великан, но с трубой покороче, звался «Эмкой». Именовались они так потому, что на кабине управления одного - стояла буква «О» и маленькая «в», а на втором - большая «Э» и маленькая «м». Деревцову, разумеется, эти клички локомотивов были известны. Он знал, кроме того, что есть паровозы других серий - с буквами, обозначающими инициалы первых наркомов: «СО» - Серго Орджоникидзе, «ФД» - Феликс Дзержинский.

Гораздо дольше ребята находились в мехцехе, осматривая металлообрабатывающие станки. Название их многие услышали впервые: токарно-расточной, продольно-строгальный, фрезерный, долбежный и другие.

Может быть, загадочней, чем вся механическая часть, состоящая из множества деталей, были большие и маленькие электродвигатели, которые и приводили станки в работу.

Не было у Серёжки пока что даже элементарного понятия об электротехнике. Поэтому трёхфазный электродвигатель ему, без всякого преувеличения, казался чудом, как дикарю. И не удивительно. Не было, и довольно долго, в послевоенные годы в школах производственных кабинетов-мастерских и уроков по труду, даже для старшеклассников...

В тот день, кроме экскурсии в депо, ребята с преподавателем-ботаником, полным, но подвижным, совершили «марш-бросок» на ближайшую сопку.

Но когда сквозь пихтач и лиственницы, изнемогая от жары и усталости, забрались на крутую вершину, то перед глазами предстало невиданное для многих учеников зрелище: впереди нижняя часть склона сопки, на которой они стояли, и противоположная сторона следующего гигантского холма представляла из себя чёрное, обугленное пространство, с изломанными скелетами не до конца сгоревших стволов. Сквозь золу

и пепел, камни и комки глины не проросла даже никакая трава; из чего ботаник заключил, что пожар бушевал, может быть, всего месяц назад...

Явно, первая попытка соприкосновения с природой подросткам радости не принесла.

Приключение со шляпой

Следующее утро началось с небольшого приключения. Путь к гаражу, где по договоренности путешественникам выделяли маленький автобус, лежал через подвесной узенький раскачивающийся мост, под которым бежала быстрая горная речка, с крутыми берегами, обрамлёнными кустарником.

Место девчонкам показалось очень живописным, и трое из них, остановившись на середине моста, когда уже все во главе с Зинаидой Артемьевной решили его, закричали четвёртой подружке с фотоаппаратом, стоящей на противоположном берегу:

- Ленка! Здесь так красиво! Скорее сфотографируй нас!

Из мальчишек кое-кто тоже хотел попасть в фотообъектив. Но не успели они получить у девчонок разрешение на это, как раздался пронзительный визг. Все обернулись... По волнам неслась девичья соломенная шляпа.

Моментально, скинув рюкзак и сапоги, бросился в воду спасать неизвестно кого Колька Петров. А с моста девчонки ему кричали:

- Шляпу! Лови шляпу! Не упал никто!..

Колька вылез со шляпой в руке уже далеко от моста.

Все смеялись. Улыбались даже ботаник с охранником. Серьёзной оставалась одна Зинаида Артемьевна, сделав замечание девчатам, что вели они себя ненормально.

Дорога в нанайский рыбсовхоз

У гаража небольшой автобус уже давно ждал пассажиров.

Ехали сначала параллельно железнодорожной линии по грунтовой дороге в сторону, откуда

приехали, а потом, круто завернув, вырвались на асфальтированную трассу, вдоль которой по обеим сторонам стеной подступал тянущийся до самого горизонта хвойный лес. Дорога была без поворотов, но с затяжными подъёмами и длинными летящими спусками.

Сначала все разговаривали, смеялись, потом пели, в основном девчата, и, наконец, устав, стали дремать. Раза два останавливались перекусить и поразмяться.

На исходе дня лес расступился, на ровной местности засветилась широкая, подкрашенная розовым закатом река. Автобус, как будто тоже устав, медленно въехал в село и остановился у деревянного дома с вывеской «Правление рыбсовхоза «Рассвет».

Селение было не очень большое, но сильно разбросано, словно для того, чтобы у каждой избы можно было, когда надо, растянуть и просушить сети. В тот вечерний час на улицах особенно много было бегающих чумазных, узкоглазых ребятишек и черноволосых с тёмными мор-

щинистыми лицами сидящих на лавочках стариков. Совхоз был нанайским.

Ночевали под длинным навесом на сене. Было просторно, не душно, не то что в маленьком вокзальчике. И спали сладко, ощущая прохладу той самой реки, которая звалась в переводе с нанайского на русский Девяткой.

На мотоботе по реке Девятке

Серёжка Деревцов, Колька Петров и остальные мальчишки и девчонки из разных школ одного города, кто грезил путешествием, достигли своей мечты. Третий день они двигались на мотоботе против течения широкой и спокойной реки, о существовании которой узнали впервые из уст Зинаиды Артемьевны.

Третий день ни справа, ни слева не встречалось даже хоть какого-нибудь маленького лесного кордона - одна девственная, молчаливая, таинственная тайга.

Мотобот представлял из себя моторизированную, небольших размеров баржу, переделанную,

вероятно, умельцами рыбсовхоза в самоходное судно. На широкой палубе можно было хоть сидеть, хоть лежать. Сверху надвигался брезент, в случае дождя.

Вел мотобот моторист-нанаец. Двое его товарищей, тоже из нанайцев, проводники и одновременно лоцманы, плыли по обеим сторонам мотобота в оморочках, привязанных к судну.

Чем ширина реки становилась меньше, тем чаще глубину её проводники мерили шестами, опасаясь попасть на мель. Они даже ночью оставались в своих лёгких одноместных лодках из бересты, зажигая керосиновые фонари.

Наконец по сузившейся реке продвигаться стало опасно и, выбрав берег с обширной поляной, высадились; а мотобот ушел вниз по течению, чтобы остановиться на более глубоком месте.

Лагерь на берегу

Несколько дней обустроивали лагерь: натянули большую палатку для мальчишек и несколько

маленьких - для девчонок и взрослых; соорудили нырляки, одна из которых представляла из себя пятиметровую вышку; и хотя глубина под ней нырять позволяла, прыгать с неё осмеливался не каждый. Не забыли устроить и волейбольную площадку.

Неизвестно, была ли у этой так называемой географической научно-познавательной экспедиции специальная программа, может, и была. Но только ни Серёжку Деревцова, ни Петрова Кольку, ни Макса, окончившего восьмой класс, который в палатке спал вместе с ними, - ни к какой научной деятельности никто не привлекал.

Серёжка принимал участие во всем, кто бы что ни делал: работал пилой, топором, лопатой, ходил за хворостом, помогал чистить картошку, пока была. Но его никто ни о чём не просил, и уж тем более - не давал каких-нибудь специальных заданий.

«Возможно, это исходит от непонятной неприязни его и географички друг к другу, - думал Се-

рёжка. - А может быть, к научной работе привле-
каются только самые старшие из учеников и те,
кто давно себя проявил в коллекционировании ра-
стений, в изучении живой и неживой природы?...»

К таким фанатам он не принадлежал.

Серёжкины рисунки

Серёжка любил наблюдать. Он восхищался
формой и цветом всего, что его окружало. В па-
мять врезались фигуры людей, взрослых и свер-
стников, их движения и особенно - выражения
лиц.

Тем не менее, за работой по устройству лагеря
только на третий день после высадки на берег
Серёжка вспомнил, что на дне его котомки лежат
альбом и цветные карандаши. Произошло это,
когда он смотрел на мальчишек, играющих в во-
лейбол. Их прыжки и азартные физиономии воз-
будили желание схватиться за карандаш. Серёж-
ка удивился: как он мог до сих пор не сделать ни
одного наброска!

И всё-таки о волейбольной площадке с игроками и летящим мячом Серёжка забыл уже через час. Гораздо большее воздействие оказывало на него неповторимо меняющееся лицо природы - река, тайга, небо.

«Вечер. Ребята у костра на берегу» - был первым рисунком в альбоме. Выполнил его Серёжка в основном с натуры, но заканчивал по памяти утром.

Теперь Деревцов не расставался с альбомом. Он плавал, нырял - вместе со всеми, иногда играл в волейбол; но если собирался рисовать, то уходил, стараясь не привлечь внимания любопытных, желающих посмотреть, что и как у него получается. Этого он не выносил. Если кто-то подходил, он прекращал работу: творческое настроение гасло, как спичка.

Другое дело, если он рисовал карикатуры или что-нибудь ради смеха. Тогда присутствующие, наоборот - зажигали его, и фантазия неслась в разнос. Конечно, это могло быть только в кругу его товарищей и друзей.

В альбоме же, вручённом ему Ритой Кучерой, не было места для легкомыслия. Здесь присутствовала вдумчивая лирика: отражение тайги в заводи, оранжевые облака вечерней зари, чистый прозрачно-розовый восход... - вот что старался отобразить юный художник.

Через две недели в альбоме появилось около пятнадцати рисунков. Кроме лирических пейзажных зарисовок, в нём были и работы, изображающие лагерь, с палатками, с волейбольною площадкой и нырялками и, разумеется, с фигурами мальчишек и девчонок.

То, что делал Серёжка, совсем не интересовало Зинаиду Артемьевну, и поэтому он тоже не проявлял любопытства к деятельности руководителя. Но всё-таки нельзя было не заметить, что она кое с кем из девчонок и несколькими мальчишками уходила из лагеря. А итогом было - укладка чего-то в ящики.

Как выяснилось позже, это были образцы грунта, камней, трав, цветов, ветки самых различных кустарников и деревьев.

Отплытие Кольки

Кольку Петрова Серёжка почти не видел, даже по утрам. Тот уходил за километр и дальше от лагеря, вопреки запрету взрослых, выискивая удобные для рыбалки места. А потом стал приставать к Зинаиде Аремьевне разрешить подняться на лодке до самого истока Девятки.

Идею поддержал и взял ответственность на себя супруг - ботаник. Третьим в лодке выпало быть высокому парню, мечтающему об археологии, окончившему девятый класс.

Серёжка узнал об этом через день после того, как Колька, оставив удочки, но прихватив двустволку, уже нажимал на весла, удаляясь от лагеря против течения. Деревцов завидовал однокласснику, но был уверен, что по выносливости и страсти к приключениям равных Петрову никого в их лагере не было.

Макс

Иногда Серёжка, когда рисовать ему надоедало, играл в шахматы с Максом. Макс имел по ним

какой-то разряд. Он чуть ли не каждому предлагал с ним сыграть, но соглашался не каждый, зная, что его всё равно обыграют, причём очень быстро.

Макс уже имел при себе паспорт, значит шёл ему, наверное, семнадцатый. Он был упитанный и спокойный, с плавностью в движениях и в разговоре. И всё-таки один раз он вышел из равновесия.

Это случилось, когда Деревцов, передвигая фигуру на шахматной доске, неожиданно спросил:

- Макс, почему тебя называли Максом?

Серёжка ожидал услышать от напарника какую-нибудь шутку. Но вышло иначе. Шахматист-разрядник зло прищурил глаза.

- Это ты у моих родителей спроси!

Настроение продолжать игру у него исчезло. Видать, Деревцов был не первый, кто задавал Максу вопрос, который перешёл из обыкновенных в разряд нетактичных.

Больше в шахматы они не играли. Серёжка чувствовал свою вину, но извиняться перед друзьями

ми и товарищами, даже по более серьёзному поводу, он тогда еще не умел.

Возвращение группы, уплывшей на лодке

Пошла четвёртая неделя с тех пор, как компания учеников, возглавляемая Зинаидой Артемьевной, отправилась в путешествие. До последнего времени стояла жара. Наконец её сменили несущие прохладу короткие грозовые ливни, а потом серые тучи заволокли всё небо, и мелкий дождичек моросил и моросил уже несколько суток подряд.

На рассвете пасмурного утра, дней через шесть после своего отплытия, группа, которая намеревалась добраться до истока Девятки, вернулась. Лодка причалила бесшумно. Но всё равно минут через пятнадцать проснулся почти весь лагерь. Во-первых, все порядком беспокоились - считали, что срок их возврата истёк. Во-вторых, всем было интересно, добрались ли они до истока и что они там увидели, что узнали интересного.

И хотя любопытство разбирало и Деревцова, он не стал ни о чем спрашивать Кольку, увидав его усталым; тот, не дожидаясь завтрака, лёг на своё место в палатке и сразу уснул.

Ботаник и высокий девятиклассник не выглядели чрезмерно утомлёнными: возможно, Колька больше их работал на веслах. Они сидели возле быстро разведённого костра, а рядом сгрудились все, кто уже проснулся.

Серёжка подошёл к костру в то время, когда высокий парень показывал что-то. Это «что-то» он держал в правой руке, а те, кто находился стоя или на корточках рядом, старались поближе рассмотреть и даже потрогать пальцами предмет.

Это был весь изъеденный коричневой ржавчиной обломок меча - рукоятка и небольшая часть самого клинка.

Девятиклассник восторженно рассказывал:

- Подумал - голова змеи между камней. Посмотрел лучше - железо!..

Учитель на вопросы отвечал уклончиво, иногда пожимал плечами.

- Безусловно одно, - говорил он, то поднимая, то опуская взгляд, - меч старинный. Век, может быть, даже семнадцатый. Как он оказался на берегу Девятки - вот самая главная загадка. Ведь следов пребывания в этих местах человека вроде бы и нет.

Девятиклассник мечтательно восклицал:

- Сюда бы археологов! Может, здесь кочевники проходили, о которых никто ещё и не знает!..

Петров Колька, когда проснулся, говорил совсем о другом. Найденный обломок меча его особо не волновал. Он с азартом, не смеясь, только забавно морщина нос и глаза, говорил про медведя.

- Хотел брусники поесть, а он метрах в пяти, на задних лапах сидит и смотрит на меня. А я без ружья - в лодке оставил. Я на него смотрю, а сам потихоньку-потихоньку от него, а потом как припущу...

Колькина история о встрече с медведем не совсем удовлетворила Деревцова.

- Ну, а до истока-то вы добрались?

Колька сделал кислую мину.

- На оморочках бы - добрались! А на лодке, на которой мы пошли, через мели не пройти и на себе её не перетащишь.

Выстрелы на рассвете

В затяжные дожди выяснилось, что крупа, вермишель, сахар и сухари на исходе. Что касается картошки - она кончилась давно.

Зинаиду Артемьевну обнадеживали городские власти, что числа двадцатого июля вылетит «курузник», найдёт лагерь и сбросит пару мешков продуктов.

Уже шла первая неделя августа, а самолёт не появлялся - возможно, из-за сплошной облачности и постоянно морозящего дождя. Потом погода ненадолго прояснилась, и в этом промежутке кто-то из ребят утверждал, что слышал гул самолёта и даже видел его, который, показалось, что-то сбросил. Это «что-то» искали, но так и не нашли. Тогда руководители-учителя решили, что пора «сниматься с якоря»...

Мотобот не мог подняться вверх против течения, так как за месяц река несколько обмелела.

На этот случай и были нанайцами оставлены две большие лодки...

Серёжка считал, что месяц с лишним проведённые на берегу таёжной реки Девятки, притока Амура - это один из счастливых в его жизни моментов, в общем даже - настоящий праздник...

И вдруг праздник этот омрачили самые последние дни. Позже он старался забыть их, но безуспешно...

Ранним - преранним утром кто-то громко что-то прокричал, и из палаток не выскочило, может, только человек пять.

Как в волшебной сказке, по реке, напротив лагеря, то появляясь, то исчезая за рваной пеленой тумана, плыли белые не то гуси, не то лебеди. Словно, летя издалека, заметив с высоты палатки, они спустились, чтобы люди порадовались их красоте, а в благодарность - пожелали бы счастливого пути.

Серёжка смотрел на них изумлёнными глазами, восхищаясь, понимая, что видит это - пер-

вый, и может быть, последний раз в жизни. Он стоял, не двигаясь, ноги его словно приросли к земле. Боясь спугнуть птиц, он затаил дыхание. И в этот момент его словно ударили по голове - прогремело два выстрела, один за другим.

Стая рванулась ввысь... Три птицы остались на воде. Две, перевернувшись, покачивались. Третья, трепыхаясь, пыталась взлететь...

Ни к завтраку, ни к обеду Серёжка не вышел. Весь день он валялся в палатке - не то спал, не то бредил наяву... Кто-то безжалостно убил сказку, радость, мечту о чуде...

Ни в тот день, ни потом Деревцов не спрашивал ни у кого, кто стрелял... Это могли быть проводники-нанайцы, охранник или ... Колька Петров...

Следующее утро-по жестокости превзошло предыдущее.

Вновь раздавшиеся выстрелы не были оглушительными, но Серёжка увидел отвратительную картину.

На противоположном берегу наполовину в воде билась в предсмертных судоргах лосиха, а двое нанайцев, что были в проводниках, перерезали ей горло. Один из них подставлял под бьющую алую с паром струю большую алюминиевую кружку и пил кровь, как молоко, предлагая попробовать её

тем из ребят, кто переправился на противоположный берег из любопытства.

Все внутри Серёжки протестовало! Хотелось плакать, кричать!.. Сдерживала уверенность в том, что он будет осмеян, будут презирать за «малодушие».

От варёной лосины он отказался. Зато были те, кто переел мяса, маялись животами, словно четвероногое существо мстило двуногим за свою смерть...

Через день, после последнего случая, лагерь снялся. Взрослые и ученики на двух больших лодках за несколько часов доплыли до ожидающего их мотобота.

Обратная дорога совершенно выпала из памяти Деревцова. Не забылось ощущение - но это уже когда он был дома, - что стал сильнее и подрос. Школьный костюм, любимый им, который покупали в Амурстали, сделался узок и коротковат.

О путешествии Серёжка матери почти ничего не рассказывал. Да ей и спрашивать-то особо было вроде и не к чему: вернулся - ну, и слава богу!..

Прощай, Амурск

Первые дни в 8-м

Первого сентября 1949 года Серёжка и не подозревал, что очень-очень скоро ему придётся растаться неестественно и преждевременно со школьным отрочеством, с тем, что по прошествии лет ему будет казаться самым милым и светлым в его жизни.

Он рад был снова увидеть одноклассников и одноклассниц теперь уже восьмого «Б». Многие из ребят, как и он сам, подросли, но были и такие, кто не изменился. Из девчонок и Галку Машкову и Одинцову Линку могли уже называть «девушками». А вот Рита Кучера по-прежнему выглядела хрупкой девочкой.

На большой перемене в коридоре, возле окна, Колька Петров, как обычно, не смеясь, только забавно морщиная нос и глаза, увлеченно живописал эпизоды летнего путешествия, о некоторых подробностях которого кое-кто уже слышал.

Оказывается, в конце августа географическое общество организовало передачу по городскому радиовещанию о результатах познавательной экспедиции, возглавляемой Зинаидой Артемьевной. Кроме неё, выступали её муж - ботаник и из разных школ города несколько учащихся; в число их попал и Колька Петров.

Серёжка об этом не знал... Да и откуда могло взяться городское радиовещание в засыпuxe на пустыре!

Всех особенно изумлял найденный ржавый обломок древнего меча. Как он оказался у истока таёжной реки?... Вокруг этого вопроса строилось очень много предположений. Но научного объяснения никто, даже из географов, дать не мог.

Серёжке не хотелось вспоминать о путешествии: каждый раз перед глазами качались на воде в рваной пелене тумана убитые белые не то гуси, не то лебеди, а одна из птиц - всё трепыхалась и трепыхалась, силясь взлететь... Лосиха почему-то реже вспоминалась, но и её было жалко...

Деревцова никто ни о чём и не спрашивал. Любопытных с избытком удовлетворял Колька. Единственно, что обязательно он должен был сделать, считал Серёжка, это - вернуть Рите альбом и цветные карандаши.

Если бы они принадлежали Галке или Линке, он бы отдал им и то, и другое - прямо в классе, при всех.

С Ритой всё обстояло иначе. Она ему не просто нравилась, она присутствовала, и давно, в его мечтах. Ему хотелось не как-нибудь вручить то, что принадлежало ей, но и рассказать что-то о каждом рисунке, как он рождался; спросить, какие из них ей нравятся больше и почему, и даже готов был выслушать критику. Класс для этого не был подходящим местом.

Прошло несколько дней. И не находя решения, в конце недели, перед самым выходным, после последнего урока, когда все выходили из школы, уже за её оградой, Серёжка догнал Риту. Она шла с чуть повыше её ростом Тamarой Гуркиной и с маленькой, круглолицей старостой класса Тимо-

феевой Алкой, которая, заметив Серёжку, резко обернулась.

- Что тебе Деревцов? - произнесла она презрительно, может быть из-за того, что костюм на нём был уж слишком мал, да ещё, наверное, не забыла его хулиганскую выходку на уроке рисования в шестом классе.

- Рита, я хочу сказать... - игнорируя вопрос Тимофеевой, чуть заикаясь, почти выдохнул Серёжка.

Рита, остановясь, смотрела на него молча. А он заговорил быстро - быстро, опасаясь, что его не дослушают.

- Я альбом тебе отдам, только я хотел ещё нарисовать...

Ни спросить, ни ответить Рита ничего не успела. Её опередила Алка.

- Рисуй, да поскорей! Ху-дожник!... от слова худо...

Подруги удалялись. А Серёжка стоял и беззвучно обзывал себя болваном и дураком.

Дома мать обрадованно сообщила: «Отец приехал... трезвый... сейчас на работе»..

Серёжка увидел его в шестом часу вечера, когда возле засыпухи растапливал «буржуйку», чтобы не топить печь в избе.

Первыми словами отца были: «Да ты, сын, вырос!... Матери помогаешь? Это хорошо!.. Пойдёмка завтра на базар, может, что-нибудь подберём. А то тебе штаны, я вижу, уже по колени.

Когда отец был трезвым, он нравился и Серёжке, и окружающим. В то лето ему исполнилось сорок шесть; по-прежнему он был статен, энергичен, носил чёрные из сатина рубашки-косоворотки, мягкую кожаную фуражку и курил трубку, почти не взятяжку, а окутывая себя облаком.

На другой день, в воскресенье, отец и сын были на городском базаре. Ничего подходящего для Серёжки на всей большой толкучке не нашлось. Зашли закусить в какую-то «забегаловку», в которой отец заказал пельмени, две круж-

ки пива и вдруг, неожиданно для Сережки, из внутреннего кармана своего полурбочего пиджака вытащил бутылку водки. Когда вышли из закуской, отец едва передвигал ноги, а пройдя метров двести от базара, упал на газон у дороги.

Только часа через три Серёжка дотащил поминутно падающего отца до дому. Анастасия Григорьевна, увидав мужа в таком состоянии, заплакала, запричитала...

Утром, часов в шесть, собираясь на работу, она разбудила Серёжку.

- Смотри не проспай школу!..

Родион, опохмеляясь густым горячим чаем, поглядел зачем-то в ещё тёмное окно и хрипло произнес:

- В школу он, мать, не пойдет!.. С утра ходит в отделение дороги, заберет, какие я скажу, бумаги, а вечером поедет в Дальсоветск: завизирует их там с печатями...

- Но почему? Разве это сделает ребёнок?

- А потому, что мы едем в Монголию. И он не ребёнок. А ты, мать, рассчитывайся и продавай халупу!..

Анастасия только охнула и, ничего больше не сказав, вышла из избы.

Поездка в Дальсоветск

Лёжа на второй полке поезда «Амурск-Дальсоветск» под стук колес, перед тем как погрузиться в сон и, потрогав бумаги, зашитые во внутреннем кармане куртки-робы с отцовского плеча, Серёжка вспоминал события прошедшего дня...

Оказывается все документы по заграникомандировке на отца вместе с семьей были уже в основном оформлены. И никто в отделении дороги Амурска, которое находилось недалеко от вокзала, особо не удивился, что вместо работника пришёл его сын-школьник. Наоборот, женщина в погонах, отдавая бумаги, сказала: «За отца работаешь? Молодец! Правда, предварительно Серёжка показал с отцовскими каракулями записку и свои метрики...

Краевой центр изумил школьника завершённой улиц, площадей, скверов, разнообразной архитектурой зданий, чего не было в Амурске. Люди на остановках, в трамваях и автобусах казались не похожими на людей в его городе. Чудилось: вот тот, с трубкой в зубах и очень полный - писатель; а на скамейке - худой, высокий и кудрявый - художник; а плывущая, вся в белом, блондинка - конечно, актриса...

Отыскать Главное управление Дальневосточных железных дорог оказалось несложно. Оно находилось в заметном высоком здании на проспекте, выходящем на набережную Амура, почти такого же широкого, как и в городе, из которого прибыл Деревцов.

Серёжка объяснил дежурному на входе в здание, по какому он прибыл делу. И тот назвал ему этаж и номер кабинета, в который надо зайти.

Подписи и печати на документах поставил похожий на генерала солидный, седой дядя по предъявлению служебной записки из отделения

дороги начальницы, той, что похвалила ученика. Солидный дядя, рассматривая метрики, строго сказал: «Паспорт, парень, получи, прежде чем отправляться за границу»...

До вечера, когда поезд уходил в Амурск, оставалось немало времени. Серёжка решил немного побродить по прекрасному, незнакомому городу. Постояв на набережной и полюбовавшись речной далью, он отправился пешком в сторону вокзала. И вдруг всё на том же широченном проспекте он заметил очень красивое здание.

Оно несколько уходило в глубь от других высоких и низких домов, как бы прячась за клёнами и тополями. Серёжка подошел ближе: здание было двухэтажным, жёлто-белого цвета, с большими окнами, с колоннами и широкой ступенчатой площадкой, по обеим сторонам которой полулежали каменные львы. Войдя в открытую дверь решётчатой ограды, он остановился перед первой ступенькой и прочёл на самом верху фасада лепную надпись: «Художественный институт».

Сердце у Серёжки замерло, а потом застучало быстро-быстрою «Так вот куда должно было попасть его письмо с просьбой принять его учиться на художника!».

Но сегодня Деревцов был уже не настолько легкомыслен, как три года тому назад, чтобы немедленно зайти и спросить, почему не ответили на его послание с несколькими мятыми рисунками.

Он знал заранее, что какая-нибудь шустрая секретарша ему бы сказала: «Юноша, если мы будем отвечать на все несуразные письма, идущие от неучей каждый день пачками, у нас бумаги не хватит. Такие, как ты, только отнимают у очень занятых людей драгоценное время...»

Серёжка посмеялся над прежней своей наивностью и поспешил в сторону вокзала, чтобы не опоздать на поезд.

Обратная дорога была более беззаботной, оттого что задание - было выполнено. Не испортило настроение даже то, что билет ему достался только в общий вагон. На третьей полке, где обыч-

но ставят вещи, ему спалось без малейшего ощущения дискомфорта. А засыпал он под аккомпанемент гитары, на которой играл внизу какой-то парень, похоже побывавший в заключении. У Серёжки даже остались в памяти две строчки одной из песенок:

*...И подсел к ней и стал разговаривать
Парень в кепке и зуб золотой...*

Последняя встреча с Валей

К восьми часам утра Серёжка был дома. Идти на занятия в школу уже не имело смысла. Мать сообщила, что с работы она уже уволилась, а отец оформляет документы на товарный вагон, в котором они поедут.

С выделением вагона дело у отца что-то затягивалось, и Серёжка, не теряя зря времени, направил энергию на получение паспорта.

Через день с фотокарточками и метриками он отправился в райотдел милиции. Находилось отделение в так называемом «подрайоне», недалеко от вокзала, в сером деревянном бараке.

В длинном коридоре из-за того, что не все лампы горели, царил полумрак. Серёжка направился туда, где стояли две очереди. Много людей было у дверей кабинета, куда входили те, кто получал паспорт. А сдавали документы в небольшое квадратное окошечко, перед которым стояло всего несколько человек.

Женский голос негромко окликнул Серёжку по имени. Он вздрогнул, обернулся: на скамейке вместе с другими сидела Валя. Это было совершенно неожиданно. Иногда он вспоминал о ней, и даже жалел, что их дружба оказалась слишком короткой. Но сегодня это не имело уже никакого значения.

Валя, улыбаясь, смотрела на Серёжку. Она была в расклешённом цветастом легком платье с глухим воротом, но без рукавов. По-прежнему миловидна. В тот момент не было в её смородиновых глазах прежней иронии.

- Паспорт получаешь? - спросила она тихо... А я меняю фамилию. Теперь я - Мухина. Мы недавно с ним расписались.

«Как, разве он приехал» - хотел спросить Деревцов, не соображая, что вопрос абсолютно глупый. Произнести его он не успел. Валя поднялась и, пропустив выходящего из кабинета мужчину, скрылась за дверью.

Серёжка на миг забыл, где он и зачем пришёл: в памяти стоял смеющийся кудрявый блондин в тельняшке и в бушлате.

Минут через десять Валя вышла из кабинета и, проходя мимо стоящего уже у квадратного окошка Деревцова, проронила: «Я тебя подожду...»

Они вышли на железнодорожную ветку, которая вела к дровскладу и «Серёжкиному» пустырю. Шли по шпалам, медленно, словно для того, чтобы, как прежде, подольше побыть вместе, несмотря на то, что разговор не очень клеился.

Серёжка чувствовал, что она для него уже не прежняя «сестра» - а чужая. Но она этого не хотела как будто признавать и поэтому не молчала.

- Я ждала тебя тогда... а через три дня поняла, что ты не придёшь... Обиделся? .. Ну скажи!

Прежняя ироничность исчезла в её голосе и заскользила в улыбке.

Серёжка еле внятно прошептал:

- Я думал, что ты очень обиделась.

Валя почти рассмеялась.

- Теперь понятно...

Серёжка решил переменить тему.

- Мы уезжаем.

- Я знаю, - выдохнула Валя. - Мы - тоже! Вы в Монголию. А мы с Мухиным и Глишет.

- В Тайшет?.. - удивился Деревцов, хотя и не знал, где этот город.

- Да, в Тайшет, - подтвердила Валя, - там у него отец, а мать умерла месяц назад. Вальке об этом сообщили, когда он с твоим отцом был в командировке. После похорон он приехал ко мне, и сразу - в ЗАГС...

Разошлись Валя и Серёжка как-то странно. Молча посмотрели друг на друга. Она - улыбаясь, он - угрюмо. Серёжка отвернулся первым и быстро пошёл от линии, не оборачиваясь.

Не состоявшееся прощание

К девяти утра на следующий день «Овечка» с единственным товарным вагоном-теплушкой, пыхтя, остановилась напротив времянки. Родион Деревцов быстро спустился с паровоза.

В течение пятнадцати минут всё, что было в избушке из необходимого, переместилось в вагон. Родион вновь залез на паровоз, хотя и не он был машинистом. Раздались два гудка, и локомотив, быстро набрав скорость, понёсся с вагоном, оставив так и не проданную засыпку безродному старику Казакову.

Теплушку на станции загнали в какой-то отдалённый тупик. Родион Алексеевич, придя к обеду, сказал: «Дня три постоим, пока не сформируют состав. Далеко от вагона не отходить! Могут подцепить и раньше».

Серёжка был в отчаянии: альбом и цветные карандаши Рите Кучере он так и не отдал.

Когда отец вновь ушёл, Серёжка умоляюще сказал матери:

- Мам, мне нужно в школу - табель взять и характеристику.

- Что ж ты раньше-то не взял? Голова твоя садовая! Иди, да поскорей возвращайся!..

Первую, кого увидел Деревцов в учительской, была Зинаида Артемьевна, хотя там находилось и несколько других преподавателей.

Серёжка сказал: «Здрасьте!». Она с удивлением посмотрела на него и произнесла:

- Ага, на ловца и зверь бежит! Уже неделя, как тебя нет в школе. Что с тобой, Деревцов?

- Уезжаю. Отца командировали в Монголию.

- Вот как!.. - Она помолчала, потом показала на дверь. - Побудь в коридоре.

Минут через двадцать с полученными документами в кармане, с альбомом и коробкой цветных карандашей в руке Сережка стоял на третьем этаже у окна, напротив дверей своего восьмого «Б» класса. До конца последнего, шестого, урока оставалось не больше десяти минут.

В школе стояла полнейшая тишина. И только из чуть приоткрытой двери класса, соседнего с

восьмым «Б», доносился молодой голос учительницы, произносящий фразы то на немецком, то на русском языке.

Деревцову коричневый пол под ногами и белый потолок с шарами светильников на минуту почудились чужими, не его. И лишь только одноклассники, с кем он проучился два года, казались родными братьями и сестрами - даже здоровяк Чуваткин, с которым чуть не подрался однажды, из-за какого-то пустяка.

Разные бывают братья и сестры... Но ведь были у него и друзья - мальчишки и друзья-девчонки...

И только Рита Кучера непонятно, кем для Серёжки была. Конечно - не врагом, но и не другом... Мечтою была она! Но именно за то, что она к нему была доброй - он её и обидел в шестом классе. И до сих пор не попросил прощения!..

Зазвенел звонок. У Серёжки заколотилось сердце. Забыв, что ещё минуту назад хотел попроситься со всеми, он бросился вниз по лестницам... И только за оградой школы остановился

возле одной из лиственниц, рядом с деревянным тротуаром, ведущим в сторону асфальтированной дороги, за которой начинался квартал, называемый Амурлагом. Это по этому тротуару прошлый раз шла Рита с подружками, когда он хотел с ней поговорить.

Отдышавшись, Деревцов представил себе, во что обернулось бы его прощание, не в мечтах, а в действительности. Открылась бы дверь, и многие, как только что он, бросились бы к лестнице, и только случайно, на бегу, кто-то обратил бы на него внимание... Ну, а если бы он крикнул: «Ребята! Я уезжаю... я вас не забуду!» - какой бы он вызвал хохот... Может, остановились бы Галка, Линка, Петров, Разумов, Чулков... всё равно - было бы глупо...

Прости, Рита!

Серёжка успокоился: с идеей - «проститься с одноклассниками» - покончено! В осуществлении второй идеи он не сомневался. Как бы это ни произошло - пускай смешно, пускай глупо - но он вер-

нёт Рите её коробку цветных карандашей и альбом с его рисунками...

Водопад учеников, который вырвался из дверей школы, был направлен, в основном, по одному руслу - деревянному тротуару. По правой его стороне возвышались невырубленные хвойные деревья вперемежку с насаженными тополями, клёнами и березами, пространство между которыми было усыпано первым ярким листопадом.

Шурша листьями, Серёжка брёл, останавливался, смотрел из-за деревьев на бурный поток - от первоклашек до десятиклассников.

Он чуть не просмотрел Риту. Сначала он заметил высокую с короткой золотистой причёской «русачку» - Веру Александровну, которая шла справа, загораживая Гуркину и Риту, идущую посредине.

Нет, подбежать к ней и остановить её - он не мог.

Односторонняя аллея с деревянным тротуаром кончилась. Поток школьников перетёк через асфальтированную дорогу, возле которой зимой Се-

рёжка останавливался с Вале́й. На миг он вспомнил её, но испугался, что потеряет из виду Риту.

Уже в амурлаговском квартале учащиеся расте́клись в разные стороны ручейками. Наконец от Кучеры отделилась Гуркина.

За последними трёх-и четырёхэтажными домами, метра́х в двухстах, Серёжка увидел обширную усадьбу, огороженную серым деревянным забором, довольно высоким.

Мимо усадьбы, по дороге на посёлок Мылки, те́к последний ручеёк, всего может быть, из десятка учеников, к которому присоединилась золотоволосая «русачка».

Рита остановилась, посмотрела всле́д уходящей учительницы и в несколько мгновений оказалась у высокой ограды. Серёжка не успел сообразить, что усадьба и есть её дом. Он понял это, когда за ней, звякнув, захлопнулась дверь в заборе.

Серёжка в отчаянье сжал кулаки, мысленно разно́ся эту проклятую стену, и снова обзывал себя болваном и дураком, витающим в облаках.

Мысли его метались, не находя выхода. Что делать!... Смириться с тем, что и вторая его идея не осуществилась? И конечно, тогда для Риты он навсегда останется воришкой, присвоившим её альбом и цветные карандаши. Так будет о нём думать та девочка, с русыми косами, с голубыми глазами и тонким профилем, которая была его мечтой...

Деревцов подошёл к забору, потрогал дверь. Нет, пытаться открыть её он не станет!

Опустив голову, он медленно пошёл к дороге... потом резко повернулся и, пробежав мимо дверей, пошёл вдоль забора. Он завернул за правый угол его и обнаружил, что чем дальше, тем забор ниже и вовсе не прочный, местами с гнилыми досками и просветами... А вот (неужели!) - оторвана доска. Серёжка подбежал к щели и через пару секунд оказался внутри усадьбы.

Он огляделся... Вся территория представляла из себя и огород, и сад, и одновременно маленький парк. Одноэтажный особняк со стороны фасада

больше напоминал учреждение, со ступеньками и двумя колоннами на входе. К крыльцу вела асфальтированная дорожка. С левой стороны её росли кусты акации и молодые клёны, под кроной одного из которых стояла белая скамейка на чугунных ножках. Справа, от крыльца ближе к углу особняка, Деревцов увидел ещё одну такую же скамью.

Серёжка прошёл и сел на неё. За спиной, загораживая окно, рос раскидистый куст сирени.

«Да, хозяин усадьбы, наверное, очень большой начальник, - подумал, уже совершенно успокоившись, Деревцов. - Вот как раз на этой лавке я и оставлю альбом и карандаши!..»

Серёжка не спеша перелистал половину альбома. Рисунков было не меньше двадцати - он их не считал. Но в каждом - была частица его души. Вот первый: «Поздний вечер. На берегу реки группа юнцов у костра». Второй: «Вечерняя заря над тайгой и их отражение в заводи». Следующий: «Палатки. Утро... без туч, розовое, прозрачное». А вот: «Мальчишки и девчонки играют в волейбол...»

Деревцов закрыл альбом, подумал... потом снова его открыл и на внутренней стороне обложки, взяв красный карандаш, написал: «Рита! Прости за обиду в шестом классе!».

Он встал, посмотрел на альбом и коробку цветных карандашей, лежащую сверху. «Кажется...

всё!». И не оглядываясь, с лёгкой душой, побежал к отверстию в заборе, через которое влез...

Через день, ночью, товарняк, с подцепленной в хвост теплушкой, набирая скорость, навсегда уносил Деревцова Сережку от того города, который за три года он успел полюбить, где было у него тяжёлое, но всё-таки школьное отрочество, где были у него такие учителя и такие друзья и подружки, которые останутся для него самыми дорогими и незабываемыми на всю жизнь.

1999 - 2002 гг.

СОДЕРЖАНИЕ

В. Махалов «Главное - первородность» 5

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Засыпуха на пустыре

1. Мать и сын 9
2. Эхо 48
3. Весна и лето 47-го 105

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Новая школа

1. В 6-м и 7-м классе 146
2. Последние каникулы 239
3. Прощай, Амурск 264

Устьянцев Виктор Яковлевич

Эхо далеких лет

повесть

Художественное оформление

и рисунки - автора

ISBN 5-85471-117-6

Сдано в набор 9.07.2004 г. Подписано к печати 12.10.2004 г.

Формат 60 x 84 1/16 Бумага офсетная.

Печать ротаторная, трафаретная (ризография).

Гарнитура "PragmaticaC" Усл. печ. л. 16,8.

Тираж 150 экз. Заказ № 19.

Отпечатано в ГПКО "Беловский полиграфист"

652615 г. Белово, ул. Чкалова, 18

тел. 2-22-67, факс 4-34-00

